

Олег Арин

МЕЖДУ ТИТИ И КАКА

**Впечатления туриста...
и не только**

Издание второе,
исправленное и дополненное

URSS
МОСКВА

ББК 26.89

Арин Олег Алексеевич (Алекс Бэттлер)

Между Тити и Кака: Впечатления туриста... и не только.

Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 238 с.

Это второе, расширенное издание книги, без сомнения, заинтересует не только потенциальных путешественников, но и всех тех, кто любит размышлять о цивилизациях, о культуре различных народов, об искусстве. И самое главное, она о нас, россиянах: кто мы и что мы. Ответы автора на эти вопросы явно расходятся с представлениями очень многих людей о России и о других странах. С ними хочется не соглашаться, спорить, опровергать. В любом случае книга никого не оставит равнодушным.

Для широкого круга читателей.

Обложка выполнена по эскизу Валентины Бэттлер

Издательство ЛКИ, 117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 9.

Формат 84×108/32. Печ. л. 8. Зак. № 1578.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д.11А, стр. 11.

ISBN 978-5-382-00715-1

© О. А. Арин (Алекс Бэттлер),
2008

5727 ID 71254

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Оглавление

К читателям 6

Предисловие 7

Советский Союз 10

За морем житье не худо... 10

Япония 21

Советские в Японии 21

Вот такие они, японцы! 28

Канада 33

Атака, оборона и контратака 34

Бизнес: как стать богатым 35

Как стать богатым «по науке» 43

Инвестиционные гуру 45

Почему мультимиллионер Бенжамин Сорэз не любит марксизм 48

Капиталистические правила поведения на работе 53

Реклама 56

Другие клубы 57

Китай: социализм с человеческим лицом 60

Гуляя по Италии 76

Германия, Donnerwetter 82

Гамбург без гамбургеров, но наших там было 83

Любек нельзя не полюбить 86

Мюнхен — уже не столица Баварской советской республики 87

Религия и политика 89

Испания и Португалия: страны не «золотого миллиарда», но очень позолоченного	93
<i>Музеи и дворцы — испанцы молодцы</i>	95
<i>Восток + Запад = Лишбоа</i>	102
Гонконг не Сянган, а Макао не Аомэнь	111
<i>Трудный выбор</i>	111
<i>Кайзеритрассе, геи и секс-шопы</i>	112
<i>Бизнес-класс на Cathay Pacific</i>	114
<i>Гонконг — «благоухающая гавань» или Манхэттен на горах</i>	115
<i>Торговля по-гонконгски</i>	117
<i>Макао — не Лас-Вегас, а казинос немало</i>	122
<i>До «Пика» не добрались, а китайки на пике</i>	124
<i>Баня в аэропорту</i>	125
<i>Гонконгцы — это китайцы или кантонизы?</i>	127
Ах, Лютеция, ах, Париж	130
— Как, вы не бывали на Багамах?	
— Ну, как же, как же... бывали	137
Ницца: пролетариям вход воспрещен	144
Шанхайские зарисовки	150
Об Англии без предубеждений, но и без любви	156
<i>Что такое «постиндустриальное общество»?</i>	156
<i>Вот моя деревня... или первое знакомство</i>	158
<i>Ненаучная наука, идеология и пропаганда</i>	159
<i>Религия и сыр</i>	161
<i>Проблемная Англия</i>	162
<i>«Сервис» сервисной экономики</i>	166
<i>Вырождение культуры как признак вырождения нации</i>	168
<i>Демократия без границ</i>	169
Ветер с Востока довлеет над ветром с Запада, или Токио — Пекин — Сеул	174
<i>Япония — страна все еще восходящего солнца</i>	175
<i>Пекин — социалистическая столица Центра мира</i>	181

*Сеул — между Токио и Пекином,
но очень гордый и независимый* 186

**Отдых в КлубМэдах, или паразитизация среднего
класса 192**

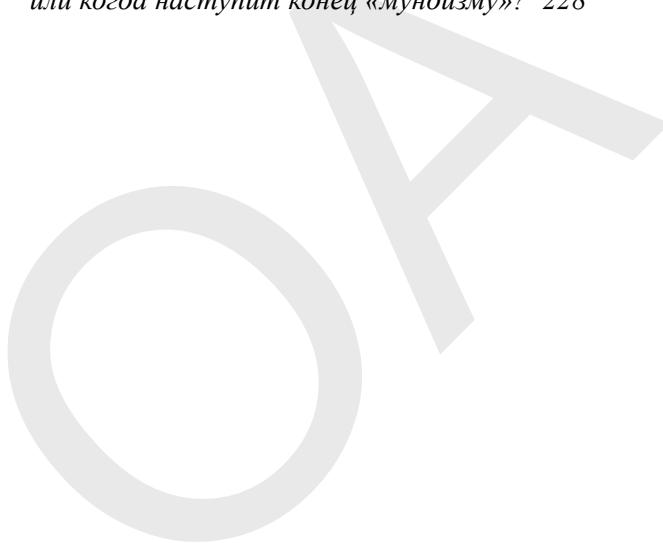
Россия 200

Русские! Небеса зовут! 201

Гении и растыки «инкурабельной» России 206

Россия под гнетом креста (письмо канадскому другу) 216

*«Мундиальная» Россия,
или когда наступит конец «мундизму»? 228*

К читателям

К переизданию расширенного варианта данной книги меня побудили две причины. Первая — это то, что, возможно, из-за малого тиража книжка быстро разошлась и через Интернет меня постоянно спрашивают о том, где ее можно купить. Вторая причина относится к фактору времени: с момента выхода предыдущего издания в 2001 г. прошло семь лет. За это время я успел набраться новых «впечатлений» от путешествий в различные страны, в том числе и те, в которых не бывал раньше. Свои впечатления в виде статей я вывешивал на сайте, которые вызывали отклики читателей. Одновременно я заметил, что какие-то части, а иногда и целые статьи помещались на страницах других сайтов и даже форумов. Значит, они интересуют читателей.

Какие изменения я внес в данное издание, изложено в Предисловии, которое также отличается от первого варианта.

Предисловие

Название книги — не просто заглавие. В Перу есть озеро Титикака, куда я стремлюсь уже лет десять. Это — своего рода моя туристическая мечта. Родилась она из-за смешного сочетания слогов и смысла и стала «застольным» юмором, когда у друзей, этак, подбоченясь, спрашиваешь: а ты бывал на Титикака? И в ответ козыряешь: а я бывал. Вот и весь смысл этой «мечты». К сожалению, она географически пока не осуществилась. Но как не странно, на «Каку» я все-таки наткнулся. Так называется небольшой ресторанчик в одном из кварталов Гонконга. Осталось разыскать где-нибудь Тити. И тогда можно не ехать на Титикаку.

Тем не менее, мне удалось побывать в Северной и Латинской Америке, Европе, в Восточной и Южной Азии, на Ближнем Востоке; посетить около 30 стран; некоторые из них по много раз, а в некоторых приходилось жить и работать. Впечатления от своих поездок с какого-то момента я начал фиксировать и публиковать в виде небольших статей в различных газетах и журналах, а также вывешивал их на своем сайте в Интернете (www.olegarin.com). К моему удивлению, они стали интересны читателям, получили хорошие отклики, что навело меня на мысль издать их отдельной книжкой. Мне показалось, что она может быть полезной как для российских, так и для иностранных туристов, количество которых по миру «туда и оттуда», судя по статистике, неуклонно увеличивается. Для реальных, а также виртуальных путешественников книжка может быть интересной и потому, что там есть то, что отсутствует в туристических справочниках и вообще в литературе по путешествиям.

Дело в том, что содержание книги — это впечатления не совсем простых туристов или даже журналистов — спецкорреспон-

дентов различных СМИ. Многие из описанных стран я знаю в силу своей профессии международного и политолога. О них у меня опубликовано немало научных работ. Кроме того, все страны я ощущаю и оцениваю с двух позиций: с позиции устроения русского человека и одновременно человека западной культуры. Последнее определяется не только тем, что я постоянно живу на Западе (по гражданству я канадец по фамилии Алекс Бэттлер), но прежде всего типом моего мышления, сформированным на базе немецкой диалектической философии. Таким образом, хотя по рождению я русский, по мышлению, как выражается моя жена, я «сухарь». Причем мой русский устроитель и западный рассудок почему-то не слились в нечто единое, а существуют как бы параллельно друг другу, постоянно вступая в конфликт (прошу не путать с психологическим раздвоением личности).

Такой «двойственный подход» в оценках стран и народов придают «впечатлениям» особую специфику, которая и отличает данную книгу от аналогичных «записок путешественника».

В книгу не попали многие страны, в которых приходилось много раз бывать и которые я неплохо знаю (США, Южная Корея, Австрия, Швейцария, Израиль и др.). Произошло это потому, что я намеревался о них написать через какое-то время после поездок, а позже обнаруживал, что первые впечатления пропали, а без них любое описание превратилось бы в научные размышления, что уже является другим жанром. Поэтому в эту книгу вошли только впечатления от тех стран, которые я изложил на бумаге сразу же после поездки, так сказать, по свежим следам.

Теперь об изменениях, внесенных в данное расширенное издание. Читатель предыдущей книги, наверное, помнит, что там была большая глава о Советском Союзе. Ее я решил существенно сократить, оставив только подглавку, в которой описывается начало моих путешествий по миру. Убранные же части, скорее всего, войдут в отдельную книгу о СССР, публикация которой запланирована у меня на будущее. Я также полностью заменил текст по Канаде, вставив одну из глав моей предшествующей книги, главу, которая, на мой взгляд, будет полезна именно для русского читателя, начавшего постоянно сталкиваться с «хитростями» капитализма в их повседневной жизни. Убрана также одна статья о России, поскольку она

и так получила очень широкое распространение, особенно, среди читателей Интернета.

Взамен помещены новые статьи о Франции, Англии, Китае и России. Я оставил также ряд старых статей, поскольку идеи, затронутые в них, полагаю, остаются актуальными и по настоящее время.

Хочу также отметить, что стиль разных частей различен. Это, видимо, естественно получилось из-за самой тематики изложения, сути описываемых впечатлений.

Читатель, наверняка, обратит внимание на то, что во многих статьях активным действующим лицом является моя жена — Валентина. Для этого есть очень существенные основания. Во-первых, путешествуем мы вместе, причем инициатором хождений по всяческим достопримечательностям является она, а не я. В тех редких случаях, когда я езжу куда-нибудь один, я провожу свободное время в пивных или ресторанах, предпочитая общение с «народом» хождению по музеям. Во-вторых, Валя замечает массу бытовых деталей, на которые я вообще бы не обратил внимания. Я всегда иду к цели, а она, идя к цели, «находится в процессе ходьбы». В-третьих, все написанное мной она редактирует, убирает «матерщину» (влияние русского умустройства), вставляет свои куски, после чего я с трудом узнаю свой текст. Потом я редактирую ее, местами все же борясь за право автора. В результате у нас получается совместный опус (это, правда, не касается глав по СССР и России). Именно поэтому в предыдущем издании она выступала как соавтор этой книги. На этот раз она отказалась от такой чести, сославшись на то, что к новым, добавленным статьям она не имеет никакого отношения, а содержание некоторых из них просто не разделяет. Пришлось уважить ее позицию, исключив из соавторов.

В заключение хочу поблагодарить своего сына Германа за то, что он не только финансировал большинство описанных поездок, но самое главное «вынуждал нас» их совершать, проявляя «энтузиазм души». Хотел бы, чтобы этот энтузиазм в нем никогда не угасал, по крайней мере, до тех пор, пока у меня хватит сил, чтобы откликаться на него. Тем более что мной еще не «объезжено» более 150 стран.

Советский Союз

За морем житье не худо...

Поездки за границу — это отдельная графа в биографиях советских людей. Несмотря на нашу классовую борьбу с империалистическим миром, попасть туда, хотя бы на короткое время, хотели бы все без исключения. «Чтоб знать врага в лицо», — с циничной ухмылкой сказал однажды мне один аппаратчик из ЦК. Причем, простым людям попасть в этот мир в качестве туристов было значительно проще, чем интеллигенции, благодаря мощным профсоюзным организациям, полностью оплачивающим эти поездки. И все же обычный народ в основном предпочитал познание друзей из «братских социалистических и демократических стран». Познание хотя и одностороннее, но глубокое и выгодное.

Первый раз за границу мы с женой выехали в 1976 г., в ГДР, по приглашению наших друзей из Берлина. Попав в ГДР, мы немало удивились изобилию дешевых (один рубль менялся на 3,30 немецких марок) и хороших товаров и тогда не поняли истоков недовольства многих граждан этой богатой социалистической страны. Я же вообще был очарован немцами и их городами. В голове не укладывалось, что такие основательные, приветливые немцы — это потомки тех, кто напал на СССР.

В этом же году мне удалось слетать в Японию в составе очень внушительной делегации во главе с тогдашним первым секретарем Московского горкома комсомола В. Мишиным. Организатором поездки был комитет молодежных организаций (КМО). Ездил я в Японию также через общество «Знание» и через АН СССР. Затем было множество поездок во многие страны. Все то, что я видел за

границей, и то, что слышал из наших официальных источников, как-то не совпадало в моей голове, жило параллельными линиями.

Что касается официальных поездок, то существовала масса организаций, имевших постоянные выходы на загранку: Комитет молодежных организаций (КМО) СССР, «Спутник» ЦК ВЛКСМ, общество «Знание» РСФСР и СССР, Общество дружбы, Комитет защиты мира и т. д. Задача № 1 — как попасть в такого типа организации. Обычно кто-то, уже долго сотрудничающий с ними, тебя «втирает» туда. Какое-то время надо на них поработать: прочитать лекцию, подготовить группу, написать какие-то справки, короче, заслужить. Заслужив, начинаешь ездить.

Процедура оформления поездок — это процесс, в который вовлечена масса людей и инстанций. Если речь идет о научном работнике, то он должен поначалу оформить на себя характеристику на своей работе, которую заверял пресловутый «треугольник»: секретарь парторганизации, председатель месткома и один из заместителей директора. До этого — та же процедура у себя в отделе. Затем эту характеристику должен утвердить райком партии. Для этого при райкоме существовала специальная выездная комиссия (человек десять), которая в ходе собеседования решала: достоин или не достоин претендент навестить иностранное государство. Если же речь идет о научной командировке, то оформлялась целая кипа бумаг, которая проходила массу инстанций вплоть до ЦК КПСС. После же поездки — отчеты о том, «что видел, что слышал» страниц на 50 в президиум АН.

Собеседования в райкоме обычно носили формальный характер, но иногда и на них что-нибудь случалось, в результате чего поездка могла не состояться. Однажды у меня был комичный случай в связи с одной из поездок в ГДР. Шел в райком с трепетом и дрожью. Думал, если начнут говорить о моей безответственности, сразу же откажусь. Дело в том, что я должен был пройти эту комиссию еще неделю назад. Однако в тот момент я находился в командировке и присутствовать на собеседовании, естественно, не мог. Такое «неуважение» разозлило членов комиссии, которые почему-то решили, что я «безответственно» отношусь к выездным мероприятиям. Раздражение против меня, возможно, было вызвано также тем, что я их неоднократно мучил вопросами о том, какие изменения

произошли в процедуре оформления поездок за границу после Хельсинкского совещания 1975 г. Этот простой вопрос, на который я так и не получил ответа (и, естественно, не мог получить), особенно выводил из себя одного старика-райкомовца, который любые поездки за границу рассматривал как предательство Родины.

Представлять меня должен был один из членов парткома Института Дальнего Востока (ИДВ) В. Архипов, тогдашний зам. главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», человек, которого чуть было не выгнали из партии за махинации с автомобилями и другие спекуляции, но пощадили благодаря вмешательству профессора-японоведа Д. В. Петрова. Архипов меня спросил, какие вопросы обычно задают на комиссии. Я ему подробно рассказал.

Первым зашел мой коллега. Через минуты две он выскочил совершенно ошарашенный. «Ну Вася, такое несет, такое гордит...» — выдохнул он. Затем вызвали меня. За столом сидели столь же ошарашенные члены комиссии. Через минуту я понял почему. Вася начал представлять меня: «Товарищ А., кандидат исторических наук, лучший специалист по внешней политике Японии и других азиатских стран. Единственный в Институте владеющий со словарем и без словаря английским, немецким, японским, китайским, итальянским и прочими индо- и неиндоевропейскими языками. Комсомольский вождь! И сейчас не расстается с комсомолом». Тут Вася зычно запел: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым...» Я опешил. Он продолжал: «По личной просьбе тов. Янаева (тогдашний председатель Комитета молодежных организаций СССР) мы просим вас рекомендовать тов. А. для поездки в...» Вот такое было представление.

Про советского человека за границей существует тьма анекдотов, которые, увы, списаны из жизни. Он умудряется и «нести гордо честь родины», и крутиться как «уж на сковороде», чтобы выжать из поездки максимум возможного. Суть почти всех поездок — суметь выгодно съездить. От званий эта задача не меняется: будь ты министром, цекистом, дворником или скрипачом. Наш родной рубль так высоко ценился внутри страны, что при обмене денег к выезду на валюту получалась значительная сумма, которая и была, в основном, стимулом поездок. Вот этот стимул — за копейки привозить домой нормальные товары и обеспечивать безбедную жизнь —

и заставлял людей проходить все трудности при оформлении. К этому привыкали, принимали как норму. Все эти неприятные формальности при оформлении поездок компенсировались благами, которые получаешь в результате.

Запомнился эпизод в Веймаре в одну из туристических поездок. Группу советских туристов — сплошь комсомольцы-вожаки — ведет по красивейшему Веймару не менее красивая экскурсовод, вдохновенно рассказывая обо всех достопримечательностях этого исторического города. В какой-то момент у театра она отвернулась от нашей группы и, стоя к нам спиной, с упоением рассказывала о дружбе Гёте с Шиллером и о том, какие спектакли они в этом театре ставили. Минут через десять оборачивается, чтобы, видимо, прочесть в наших глазах такой же восторг, какой испытывала она сама, и... шепотом меня спрашивает: «А где же они?» — «Кто?» — не понял я. «Они!» Я оборачиваюсь и тоже не вижу никого. Экскурсовод аж заплакала. Поначалу я и сам не понял, куда все исчезли. Не сразу дошло — все рванули по магазинам, не до Гёте. Время на Веймар отвели всего два часа. «Отовариться не успели бы», — объяснил мне позже один из пропавших. Отовариться — задача номер один всех зарубежных поездок на любых уровнях. Что вполне естественно и не возбраняется. Раз уж попал, то хватай. Проблема другая — как попасть, и особенно туда, где «загнивает».

В чем причина стольких сложностей для выезда за границу? Прежде всего, в ограниченности этих выездов. К примеру, если взять туристические поездки, то на весь, к примеру, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) в год спускали 10–15 путевок, из них максимум 2–3 в капстраны. Железнодорожных, естественно, намного больше. Начинается «отбор». Идея в том, чтобы отобрать «самых достойных». И здесь вступают в свои права неформальные факторы, так называемая система «отношений»: приближенность к начальству, знакомства в высших инстанциях, а также с теми, кто отвечает за каждое звено всей процедурной цепочки по оформлению документов за границу.

Вместе с тем в ИМЭМО, как и в любом другом институте, существовала группа, обычно не очень большая (человек 20–25), которая была постоянно на выезде. Быть в этой группе — значит находиться в «обойме». Попасть в обойму очень сложно: надо заслужить.

Второй фактор, ограничивающий выезды за рубеж, — это необходимость стопроцентной уверенности в том, что выезжающий в командировку не сбежит.

* * *

Совершенно естественно, все значительно проще, когда ты директор¹. Упрощается не только процедура оформления поездок, это — само собой. Главное, что все заявки-приглашения, поступающие из заморских организаций в Президиум АН, в первую очередь распределяются между директорами. Меня, правда, во Владивостоке это не коснулось в силу специфических отношений с Президиумом. Это, однако, не мешало мне получать в неограниченном количестве приглашения, часть из которых я переадресовывал некоторым сотрудникам института.

Обилие приглашений мотивировалось простыми вещами. За рубежные организации понимают, что, пригласив директора на конференцию и завязав с ним контакт, они, в свою очередь, могут рассчитывать на взаимность, быть приглашенными и представленными высокопоставленным чиновникам (им это важно также для отчета). А кроме того, если тематически исследования институтов пересекаются или взаимно дополняются, можно организовать совместные исследования, что опять же автоматически ведет к поездкам туда-сюда. Не надо думать, что только мы рвемся «туда», они тоже рвутся «сюда» за тот же казенный счет, т. е. на халяву, оплачиваемую их организациями. А посмотреть на Союз-Россию им очень даже любопытно. Такого действительно нигде нет.

Из всех поездок и конференций владивостокской поры я запомнил две-три.

На одну из них я попал случайно. Летом 1990 г. я находился в отпуске в Москве. Как-то звонит из Владивостока Б. Н. Зайцев, отвечающий в Президиуме за заграничные командировки. Спрашивает, не хочу ли я прокатиться в Китай на конференцию. В Китае я до этого не был. «Хочу — говорю (а то все Япония да Япония), но что я

¹ С 1989 по 1994 гг. я работал директором одного из владивостокских институтов.

должен делать: доклад или что-нибудь в этом роде?» — «Ничего не надо. Мы там как бы наблюдатели». — «Тогда тем более хочу». На этом договорились. Прилетаю во Владивосток, оттуда с Борисом Николаевичем в Гродеково, а здесь уже, оказывается, целая компания: девушка-переводчица, Аркадий Алексеев (заместитель директора Института океанологии) и один из сотрудников того же Института — Володя Аникеев, с шикарной рыжей бородой. Довольно быстро, часа за полтора перебрались на другую сторону — в Суйфунхэ, то есть в Китай. Несмотря на то что нас ожидали, привезли в уютную гостиницу, резко отличающуюся по «сервису» от японских. Чистота и аромат последних как-то вошла в противоречие с китайскими. Пospав на мокрых простынях, на следующий день мы часов за пять на машинах доехали до г. Мудандзяна и, переночевав там, на следующее утро на электричке приехали в г. Чанчунь, где и должна была состояться международная конференция. В день нашего приезда она уже началась.

Вечером мы познакомились с прекрасным, не по-казенному улыбчивым американцем из Гавайского центра «Восток—Запад» Марком Валенсия и это знакомство крепко отметили. Когда я уже собрался ложиться спать, звонит Аркадий (оказывается, он был главой нашей делегации) и говорит, что завтра я выступаю с докладом первым. Я оторопел. «Как выступаю? Боря сказал мне, что мы участники-наблюдатели». — «Ничего подобного. Мы участники. Твоя тема — экономика Приморья и возможности экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Моя — проблема совместного освоения Тихого океана». — «А у тебя доклад готов?» — прервал я его. «Конечно, причем на английском языке». — «Но у меня же ничего нет, — перебил я его. Мне Боря сказал, что мы просто наблюдатели». — «Меня не интересует, что сказал Борис Николаевич, — вдруг перешел на официальный тон Аркадий, — но ты завтра выступаешь первым».

Я сел за стол и быстро набросал план выступления. Обнаружил, что не знаю экономических терминов по-английски. Вспомнил, что у нас есть переводчица. Звоню ей, она говорит, что занята, а словари ей самой нужны. Как потом оказалось, она вообще переводила через пень-колоду. Я так и не понял, зачем ее взяли.

Где-то часам к 5–6 утра доклад был готов (меня выручило то, что за месяц до этого я написал статью про внешнеэкономические связи Дальнего Востока), и в 9 часов я с ним выступил. Но как я затем обнаружил, он был не совсем в том ключе (кстати, как и подготовленный доклад А. Алексеева.) Надо было все закручивать вокруг проекта Туманган, предложенного китайцами. Об этом проекте я до этого и не слышал, как, впрочем, и все руководители Приморского края. (Впоследствии я довольно много писал о нем.) Когда я спросил Борю, почему он не предупредил о докладе, он по-детски объяснил мне, что и сам не знал. Таким образом, между прочим, организуются многие поездки.

Но наши приключения не окончились. Марк Валенсия должен был ехать с нами во Владивосток. Мы проделали тот же обратный путь: Чаньчунь — Мудандзян — Суйфунхэ, но только с Марком. На этот раз я обратил внимание на поезда. Вагоны переполненные и грязные, точно такие же, как были у нас в 1950-е гг. Вокзалы не лучше. Китайцы же очень радостные и приветливые и чувствуют себя во всем этом замечательно. Угощали нас арбузами и водкой (китайской), и еще какой-то специфической пищей, от которой изнеженный американец Марк застрадал животом. В Суйфунхэ у нас возникла непростая проблема: на станции главный пограничник заявил, что у Марка не в порядке виза в паспорте (дескать, просроченная). Поэтому ему надо возвращаться в Чанчунь, а оттуда в Пекин и решать проблемы у своего (американского) консула. Марка, еле живого от деликатесного набора, принятого «за дружбу», чуть кондрашка нехватила: проделывать обратный путь (это суток трое), без денег и не зная языка... Это невозможно было даже представить. Тут Аркадий, приняв напыщенно официальный вид, задекларировал: «Я — руководитель советско-американской делегации, которая только что участвовала в международной конференции по инициативе Государственной комиссии КНР по науке и технике. Мое правительство не поймет, если вы члена нашей делегации — господина Марка Валенсия — не выпустите вместе с нами». — «Плывать я хотел на ваше правительство, — как-то по-советски, по-родному заявил пограничник. — Я здесь хозяин, кого хочу, того выпускаю. И ваши пограничники, между прочим, тоже требуют, чтобы в паспорте было разрешение на въезд с советской стороны», — ехидно до-

бавил китаец. Тут он еще немного повертел паспорт Марка и радостно воскликнул: «Да у него вообще визы во Владивосток нет. Только в Вашингтон». Мы глянули — действительно в Вашингтон. Подумали, неужели это шутки нашего консула в Сан-Франциско? Дело принимало худой оборот.

Аркадий отвел пограничника в сторону и что-то долго с ним обсуждал. Один наш турист-челночник посоветовал дать ему взятку, то есть «бутылку вискаря или водки». В конце концов пограничник-начальник махнул рукой, но заявил, что если наши пограничники американца не возьмут, он его обратно не примет. Мы обрадовались и побежали на поезд. Жара — градусов 35–40. Поезд, точнее, локомотив и два вагона, прибыл с опозданием часа на три. Затем пограничник выкрикивал по паспорту фамилию, и ее носитель с вещами в руках пробирался к нему, чтобы забрать паспорт и нырнуть, точнее, влезть, в вагон. Эта процедура, напоминающая лагерную, длилась около часа. Двери вагонов закрыли, но поезд не трогался. Через час стало уже нечем дышать, и мы попросили открыть окна или двери. «Не положено», — сурово ответствовала проводница, огромная квадратная женщина-шкаф. Еще через час одна из пассажирок упала в обморок. Марк не выдержал и, несмотря на сопротивление «шкафа», открыл двери между вагонами. Наконец поехали. Минут через пятнадцать остановились. Пограничный досмотр.

Китайцы с автоматами наперевес тщательно облазили все щели в купе. Непонятно, что они там искали. Наконец ушли. Поехали опять. Минут через 20 опять остановка. Это наши пограничники. Мы расслабились — свои. Аркадий начал им рассказывать эпопею с Марком. Пограничники заинтересовались, затем посуровели и тоже стали тщательно проверять его паспорт. Ну, думаем, звездец нашему Марку: все, отправят назад. Нет, паспорт вернули, не заметили, что вместо Владивостока — Вашингтон.

Таким образом, мы добрались часов за шесть из Суйфунхэ в Гродеково.

Марка и Аркадия встречала машина. Аркадий как-то сумел созвониться с Владиком из Китая. Мы же с Борисом с огромным трудом наняли какой-то автобус, который довез нас только до аэропор-

та. Оттуда я уже добирался другим автобусом до гостиницы. Вот такая «директорская» поездка получилась в Китай.

* * *

Совсем по-другому проходила поездка в Японию в декабре 1990 г., хотя начиналась она довольно сумбурно и непонятно.

Как-то утром на работу звонит губернатор края В. Кузнецов и предлагает съездить вместе с Е. Блиновым (мэром Владивостока) в Японию. Говорю, что в Японию я съездить всегда готов, только когда? «Свяжись с Блиновым, он в курсе», — отвечает губернатор. Я связался с мэром. Он говорит, что сам об этом только узнал, но эту поездку организовывает А. С. Воропаев — Генеральный директор внешнеэкономической ассоциации Дальсо, и у них надо выяснить. Мои попытки выяснить ничего не дали — я совершенно запутался, кто едет, что с билетами, откуда едем и про себя похоронил эту поездку. Но визу все-таки на всякий случай оформил. В воскресенье, 16 декабря, решил сходить на работу, разобрать кое-какие бумаги. Проходя мимо бывшего Горкома партии, где теперь размещалось Дальсо, решил заглянуть к воропаевцам. Увидев меня, они возбужденно сообщили, что целую неделю меня ищут, чтобы сказать, что именно сегодня мы с Блиновым уплываем в Японию. «Скорее домой за вещами и к Блинову на работу, он тебя там ждет». Некогда было выяснять, как они меня искали неделю, если ежедневно я был на работе. Быстро забежал домой — в гостиницу «Приморье», — взял самое необходимое и прибежал к Блинову. Он тоже только утром узнал (видимо, и его так же искали), что сегодня мы выплываем из порта Восточного в Японию. Авиабилеты Дальсо достать не мог (для председателя горисполкома и предполагаемого губернатора — ??!), но зато устроил судно — сухогруз «Скрипилев» метров 15 в длину и 6 в ширину. Лучшее всех был готов наш переводчик Чань Субо, кореец, прекрасно знающий японский язык.

Мы погрузились в «блиновскую» машину и помчались в Находку, точнее, в порт Восточный. Там не без труда нашли «Скрипилева» и ночью выплыли в Японию. Двое суток болтались по штормовой погоде. Наш переводчик чуть было не помер: он не перено-

сил качки. Мы же с Блиновым почти ее не замечали, поскольку «у нас с собой было». Наконец, 19 декабря мы вышли на берег в Майдзуру. Ни я, ни Блинов не понимали сути поездки и были очень удивлены, что нас в Майдзуру встречали на уровне губернатора и мэра. Затем нас посадили на такси, которое довезло нас до вокзала, откуда мы доехали до Киото, а затем на «Хикари» (скоростной поезд) до Токио, где нас поместили в пятизвездочной гостинице «Гиндза Дайити». Все передвижения по японской земле были безупречно спланированы и производили впечатление единого дыхания. Вечером заместитель директора Японского экономического института, господин Мияке дал ужин в нашу честь. До этого нам не были даны на карманные расходы по 50 тыс. иен.

На следующий день нам показали институт, а затем привели в зал, где сидело человек 20 бизнесменов, перед которыми мы должны были прочитать лекции (они уже давно были в головах). Вопросы почти не было. Вечером нас угощал ужином в европейском ресторане президент строительной компании Нака-сан.

Следующий день — серия посещений различных компаний, в том числе «Мицуи бусан»; обед, ужин и довольно много подарков.

Только когда после Токио мы прилетели в Хакодате, где нас принимало все начальство этого города, я понял, что они ждали несколько иную делегацию, то есть губернатора Приморского края и мэра Владивостока. Именно на этот уровень и были рассчитаны встречи, гостиницы, обеды-ужины и подарки. И хотя вместо Кузнецова приехал я, менять им все уже было поздно (для японцев любые перемены практически невозможны, если они уже запланированы и отрегулированы заранее). Там я случайно вкусил и глубину дружбы на официально-высоком уровне. Тогда я подумал, что губернатором быть даже лучше, чем директором.

Вечером в Хакодате в нашу честь устроили «ужин с общечеловечностью» в 200 человек, а затем баньку-сауну с избранными.

На следующий день мы переехали в город Толя, где нас поместили в шикарную гостиницу, лучше которой я пока не встречал. Визит — обед — ужин — баня.

25 декабря. Саппоро. Визиты — обед — гостиница — бразильская танцевальная труппа — ужин с танцовщицами — баня (без них).

26 декабря. Завтрак с хозяином отеля — визит на завод по переработке мусора — обед — встреча с начальственными лицами Хоккайдо — встреча с представителями общества японо-советской дружбы — маленький банкетик — баня. После посещения завода по переработке мусора, похожего то ли на гостиницу, то ли на госпиталь, Блинов закручинился, вспоминая аналогичные владивостокские проблемы и способы их решения у нас.

27 декабря прилетели в Ниигата. Встреча с президентом Центрального банка Ниигата Оомори, затем побывали на небольшой швейной фабрике. Свезили нас в город Госэн на трикотажную фабрику, где «заставили» выбрать по кофточке женам. Вечером ужин в баре, а затем баня.

Во время этой поездки нас курировал известный в России японский бизнесмен Дзё-сан, представитель того самого Ниигатского банка, развернувший в России бурную предпринимательскую деятельность. О нем как о личности можно было написать целую книгу. Конечно, эта поездка не сводилась только к ужинам, баням и подаркам. Мы подписали контракт с банком Ниигата о подготовке проектов по строительству ряда объектов во Владивостоке, договорились о регулярных контактах с обществом дружбы на Хоккайдо и о совместных разработках с Японским экономическим институтом и т. д. Но если говорить честно, то дипломатия на высшем уровне, так же, как, видимо, и на низшем, не дает осязаемого эффекта, в немалой степени из-за плохой подготовки нашей стороны. У меня сложилось такое впечатление, что 90 % поездок организованы так же плохо, как и описанная выше. Все второпях, не ясны цели, задачи — лишь бы съездить. С себя я тоже вины не снимаю.

Япония

Япония — это страна, которой я долгое время занимался как профессионал. В свое время я закончил восточный факультет Ленинградского университета, получив диплом по специальности японовед-историк. В последующем моя кандидатская и докторская диссертации были посвящены внешней политике Японии. Мною опубликовано довольно много научных статей и две обширные монографии, посвященные различным аспектам деятельности этой страны на международной арене. Японский блок у меня постоянно присутствует и в моих общих работах на международные темы.

Поскольку в Японии я бывал не менее 20 раз по разным случаям и поводам, то острота первых впечатлений давно уже притупилась. К сожалению, я не смог найти свои дневниковые записи, где фиксировались бытовые стороны жизни в Японии. Журналистские статьи, которые я отсылал в газету «Владивосток», когда был в четырехмесячной командировке в г. Нагоя, где работал в одном из исследовательских центров Нагойского университета, тоже потерялись. Из всего сохранилась только одна статья, приведенная ниже. Но перед ней я помещаю свои заметки об одной поездке, которую я запомнил на всю жизнь. Прочтя ее, можно понять почему.

Советские в Японии

Это была моя третья или четвертая поездка в Японию, в мае 1978 г., в эпоху, как тогда казалось, загнивающего социализма. В те времена я в «нерабочее время» подвизался в различных междуна-

родных организациях в качестве «общественного консультанта». Это давало возможность ездить «на халяву» во всяческие страны.

На этот раз выпало ехать в Японию в качестве переводчика через молодежную туристическую организацию «Спутник». Честно говоря, на «переводчика» я не тянул, поскольку года четыре занимался Китаем и, соответственно, свой японский прилично подзабыл. Но поехать хотелось, и я согласился, думая, что как-нибудь выкручусь. В случае встречи на официальном уровне я рассчитывал на помощь моих посольских знакомых, да и предыдущая практика подсказывала мне, что «японская сторона» также должна выделить переводчика. За две недели до поездки я перелистал свои старые «переводческие» тетради и кое-что восстановил. В Японии позже я бывал много раз, но эта поездка получилась самой запоминающейся, несмотря на то что саму страну в этот визит я и не заметил по причине... Но все по порядку.

Делегация — человек 60 — сборная солянка из московской рафинированной интеллигенции, передовиков производства Горьковского автозавода, текстильщиц и рабочих из Киева. Возглавляла нашу делегацию мощная женщина (сразу почему-то вспомнил из Гейне: «эта масса чудо-тела, эта женственность-колосс»), представившаяся как работник литературы и искусства. Впечатлила.

Собрались мы в аэропорту Шереметьево. Сразу же обращаю внимание на две колоритные личности. Одна — девушка, про которых говорят: вся ушла в грудь. Рост — так метр пятьдесят с копейками, а грудь — Эльбрус. Вторая личность производила впечатление своей соломенной шляпой, помятой со всех сторон, видимо, лет тридцать оберегавшей лысину владельца и его предшественника от волжского солнца. Первую персону звали Надей, вторую — Мефодием.

После прилета утром в Токио узнаю, что вечером состоится грандиозная встреча с общественностью Токио и участием самого мэра. У меня зануло сердце. Я звоню посольским знакомым, чтобы выручили. Они мне: «Ты же японист. Выкручивайся сам». Ну, думая, влип. Не ожидал, что в первый же день так закрутится.

Начинается вечер. Народу с их стороны человек сто. Выступает мэр. Говорит хорошие слова об укреплении советско-японских отношений, о культурных связях и еще что-то в этом духе минут де-

сать. Переводил его их переводчик. В ответ заговорила наша Дама. Я охнул. Она начала: «Наша дружба напоминает цветы лотоса, которые то распускаются, то закрываются, но живой родник, питающий эту дружбу, никогда не иссохнет, несмотря на катаклизмы и происки врагов СССР и Японии. И багряная заря будет освещать чистое небо над нашими народами», — и все в таком духе через поэтические образы. На мое несчастье, она еще зачитала какое-то хайку по бумажке. Больше половину слов я вообще не знал (родник, заря, иссохнет, катаклизмы, багряное и т. д.). Я, лихорадочно вспоминая приветственные тексты из учебника, превращал ее длинные и напыщенные фразы в очень короткие и примитивные осколки. Смотрю — а реакция у японцев нормальная, вроде бы, где надо, хлопают. Правда, посольские — гогочут. В общем, вещали мы с ней минут двадцать. Я — весь мокрый. Затем начался банкет.

Я подошел к знакомым японистам с обидой, что не помогли. Они мне: «Старик, из тебя выйдет настоящий переводчик». — «Как так», — вопрошаю. Они: «А так! Все, что ты говорил, почти не имело отношения к выступлению твоей Дамы, но переводил ты так нахально и лихо, что все японцы думали, будто так и надо».

Назавтра предстояла еще более сложная встреча. Японцы приготовили на утро что-то вроде мини-конференции до обеда, где московский писатель, член нашей делегации, должен был выступить уже с большим докладом, о чем меня не предупредили в Москве (они почему-то считали, что переводить мне ничего не стоит). Я закручинился. Взял этот доклад и пошел в номер гостиницы над ним работать. Готовился к переводу всю ночь. К моему счастью, конференция не состоялась по совершенно неожиданной причине.

После моего ухода начался банкет. Мне рассказывали, что один из наших ребят, Петро из Киева, здоровенный детина под два метра и весом около 120–130 кг, оказывается, прихватил пару бутылок водки со своим 200-граммовым стаканом и, самое главное, со своей же закуской — украинским салом. Он наливал в этот стакан водку и предлагал японцам пить до дна «за дружбу». Когда японцы пытались отказаться, он чуть ли не силой заставлял их выпить, впихивая свою «закуску». Таким образом, он «одружил» немалое количество японских друзей; их уволокивали, уже ничего не соображавших. Сам же он в знак солидарности с японцами пил их водку — сотю,

запивая ее сакэ, думая, что это нечто вроде противной воды и демонстративно закусывал эти напитки своим салом. В результате на следующий день часть японцев, видимо, из тех, кто должен был выступать на конференции, не смогла прийти в себя. Конференцию отменили, отправив нас на экскурсию по Токио.

Здесь надо заметить, что Дама, поняв, что из меня переводчик никудышный, выбила в посольстве одного парня для официальных переводов (преподаватель из Института стран Азии и Африки), а меня поставили на обслуживание «магазинов и гостиниц».

На второй день ко мне подкатила Надя-Эльбрус и, несколько смущенная, сказала, что ей надо, мол, купить женское белье, чтобы украсить уникалии на ее теле. Я понял, что все уже перезнакомилось, т. е. загранично-туристический сезон начался.

Итак, я пытался объяснить этой Наде, что в Японии не принято мужчинам покупать женское белье и все такое прочее. Она: «Ну, что ты, не видишь, что без лифчика мне никуда, а сама я купить не смогу. И вообще мне сказали, что ты должен помогать нам в покупках». Мне ничего не оставалось делать, и мы поехали с ней на Гиндзу. Там я, долго не думая, нырнул в громадный магазин («Мицукоси»). Надя осталась внизу у дверей. Взбираюсь на женский этаж и вижу, что таких размеров «бурадзя» (бюстгальтеров) у них нет. Для уточнения спрашиваю у продавщицы: есть ли у них бурадзя размера 10–12. Продавщица не поняла. На всякий случай добавляю: это для европейской женщины. Продавщица радостно заохала, запонимала и убежала. Через несколько минут прибегают с мужчиной. Я понял, что он — начальник этажа. Я ему опять повторил про размер и что это — для европейской женщины. Он никак не мог врубиться. Тогда я попросил его подождать и пошел за Надей. Когда я ее привел, весь этаж уже бурлил. У начальника при виде Нади глаза стали вертикальными, и он лишился дара речи. Видимо, в своей Японии он таких грудастых никогда не встречал. Я ему объяснил, что она не совсем европейская девушка, а украинка. Поскольку он не понял, что такое «украинка», я ему сказал, что это типа русских, которые живут в местности под названием Украина. В общем, русская. И с гордостью добавил, что у нас женщин с такими размерами груди пруд пруди (по-японски это у меня звучало типа «много-много»). Шеф постепенно пришел в себя, начал изви-

няться, что таких размеров у них нет. Потом, что-то сообразив, сказал, что можно сделать специальный заказ. Я спросил, насколько это дороже. «Наоборот, — обрадовался японец, — будет дешевле, т. к. он будет не импортный, а японский». В общем, делать нечего, мы сделали заказ и под восторженные взгляды обслуживающего персонала покинули помещение.

Через два дня мы с Надей снова в этом «Мицукоси». Продащица радостно нас приветствует, прибегает старый знакомый, весь персонал выстраивается в ряд, и под торжественную музыку (помоему, что-то из Чайковского) шеф с низким поклоном передает здоровенную коробку с бурадзя Наде. К коробке дарится О-миягэ (сувенир), которым оказался мини-приемник. Надя тоже кланяется, грудями почти касаясь пола, берет коробку с О-миягэ и благодарит: коннити ва, коннити ва (здравствуйте, здравствуйте). Она думала, что говорит спасибо-спасибо (аригато годзаимасита). Мне же подсунули какую-то книгу для записи, в которой я нацарапал, что-то вроде того, что в Японии самое лучшее обслуживание в мире, хотя я в мире этом, кроме двух-трех стран, к тому времени не бывал. Прошло больше 20 лет, но эту Надю я помню до сих пор.

Но у нас в группе был еще Мефодий.

Как я уже вначале написал, у Мефодия на голове была жуткая соломенная шляпа, придававшая ему вид бомжа. Когда мы прилетели в Токио, я посоветовал ему выкинуть этот огородный инвентарь. Мефодий очень удивился, резонно заявив, что шляпа спасает его лысину от солнца. Он действительно был лысоват, хотя лет ему было под 30. «Не валяй дурака, нам же кепки японцы подарили. Носи ее вместо шляпы», — говорю ему. Чувствую, не убедил. Продолжаю: «В этой шляпе ты унижаешь звание советского рабочего человека, поскольку японцы подумают, будто ты не зарабатываешь денег даже на новую шляпу». Гордость за рабочий класс сработала. Мефодий мучительно расстался со «шляпой» и одел кепку. В кепке он смотрелся не лучше. Я понял, что в данном случае дело не в шляпе.

У Мефодия была одна уникальная черта: он ни одного предложения не мог произнести без слова «бля» (прошу прощения у читателя, но иначе я не объясню смысл). Сам он этого, естественно, не замечал. Мы же похохатывали над его речью.

Нас повезли на один из филиалов автозавода «Тоёта». После экскурсии по заводу, от которой мы все немножко приобалдели, нас пригласили в конференц-зал и рассказали о достижениях этого завода. Настала наша очередь похвастаться достижениями нашего Горьковского автозавода, и поручили это сделать Мефодию, поскольку он оттуда и, главное, он был комсоргом цеха (!). Его выступление должна была переводить японская переводчица. Мефодий очень уверенно начал было извещать японцев о достижениях своего цеха, соединяя слова между собой тем самым словом-паразитом. Переводчица сморщила лобик, пытаясь вытащить из своего сознания значение «бля», но, поскольку в ее сознании и словаре такого слова не было, она растерянно обратилась ко мне с вопросом: «Буря тою нова нан дэс ка»? («буря» — так в японском звучит это слово — что это такое?) Я ей: «Не обращай внимания, это слово-паразит». И Мефодию: «Старик, кончай блякать, она же ничего не понимает». Мефодий, очень обиженно: «А я, б..., и не блякую, б...». Наши смеются, а переводчица в растерянности. Тогда мне пришлось самому через пень-колоду рассказывать о достижениях этого завода. Что он-де выпускает одну из лучших машин в мире — «Волгу», которая ничуть не хуже их «Тоёты». На том мы и распрощались с заводом «Тоёта».

Но Мефодий до конца поездки отмочил еще одну штучку, в буквальном смысле этого слова. Часть нашей группы повезли в какую-то деревню для знакомства с крестьянским бытом. Нас приняла одна семья в летнем домике. Усадили за низенький круглый стол с японскими кушаньями и сакэ. Мефодий попросил пива, которое было подано с японской благодарностью и ритуальной красотой. Я с удовольствием присоединился к нему, поскольку считаю японское пиво одним из лучших напитков. Через некоторое время Мефодий, сидевший напротив меня, заявил, что пиво, б..., просится наружу и где это можно сделать. Я прошу хозяина показать ему туалет. Они вместе выходят, затем хозяин возвращается. Через короткое время наша оживленная беседа прерывается, и все взоры оборачиваются к углу комнаты, за которой слышится знакомый звук. Угол дома начинает мокреть... Минутное молчание, оцепенение. Его прерывает довольный Мефодий, радостно сообщивший нам, что, б..., все нормально. «Мы это видим по углу, который ты оросил», — шиплю

я ему. Мокрое пятно между тем расплзлось. Дело в том, что летние домики строятся по старинке из плотной бумаги, которая, правда, не выдержала «советской атаки». — «А что же не в туалет?» — продолжаю шипеть. «Да там, б..., не развернешься», — ничуть не смутившись, отвечивал Мефодий.

После его возвращения беседа как-то перестала клеиться, и мы быстро-быстро погрузились в автобус. Все сидели какие-то пришибленные. Один Мефодий не был огорчен.

Третий персонаж — Петро, который напоил в первый вечер японцев, тоже умудрился оставить след в Японии. Я уже говорил, что он был здоровый детина. Так вот, в одном из ресторанов, куда нас привели для кормежки, стоял аппарат, стукнув по которому, можно определить силу удара ноги или кулака. Надо был сунуть сотню иен в специальную щелку, и бей себе на здоровье. Среди нас были каратэки (из москвичей). Я тоже немножко этим делом занимался. Мы поударяли и зафиксировали какие-то килограммы. Петро, говорим, попробуй. «А на кой хрен я буду 100 иен тратить на эту фигню». Ну, думаем, жмот какой. Кто-то все-таки бросил 100 иен. «Давай, Петро, бей за бесплатно». Он тогда набычился, поплевал на свои кулаки-кувалды, да как хряснет по этой машине. Аппарат завыл и слетел с петель, которыми он был прикован к полу. Хозяин ресторана подскочил, ошарашенный происшедшим. Петро аж задрожал от испуга, думая, что сейчас с него сдерут за ущерб. Хозяин же, наоборот, очень благодарил за доставленное удовольствие и с радостью попросил написать на английском языке фамилию и имя Петра, принеся какую-то красивую бумагу, и пообещал сделать табличку с именем русского богатыря. Петр, успокоившись, стал убеждать, что он не русский, а украинец. Ну, думаю, опять двадцать пять. Ничего я Петру не сказал, а японцу написали, что он русский.

Между прочим, этот Петро оказался ушлым малым. На все имеющиеся иены он купил колготок целый чемодан. Мы подсчитали, и оказалось, что он на них должен сделать колоссальный бизнес. Правда, Петр нас уверял, что они у него для сувениров ткачихам (он на какой-то ткацкой фабрике работал мастером). Врал, конечно.

Во время этой поездки мы были в Токио, Киото, Нара, Никко, Камакура. Ничего из всего виденного я не запомнил. Зато запомнил ребят, о которых рассказал. Между прочим, к концу поездки мы все

«заблякали», и я долго не мог отвязаться от этого слова-паразита. Вот такая, б..., была поездка в Японию.

После нее меня почему-то в «Спутник» перестали приглашать на консультации. С чем-то, видимо, я не справился.

Вот такие они, японцы!

О Японии и японцах написаны десятки тысяч книг. Прочитав их, все равно невозможно понять эту страну и ее жителей. Секрет очень простой — надо быть японцем. Потому что Япония — это не часть мира, а мир сам по себе.

Кто не знает этой страны, тому трудно в ней жить. Я не имею в виду краткосрочные поездки, когда вас принимают, кормят, возят к Уэхара или к «Ёжику» (магазины в Токио, где отовариваются россияне). Я имею в виду жить один на один со всей японской системой. Это почти невозможно, потому что Япония создана японцами для японцев.

Вот несколько эпизодов глазами россиянина.

О вежливости японцев известно всем. Они улыбаются и благодарят 24 часа в сутки. Это утомительно даже для меня, евроазиата. Они меня постоянно благодарят за то, что я езжу в метро и в автобусе, а не хожу пешком, за то, что я попросил стакан воды в ресторане, за то, что сдачу мне дали в слишком мелких деньгах. Строители метро или дорог извиняются за то, что я вынужден был из-за них сойти с тротуара и обойти их участок стройки, огороженный красивым заборчиком, украшенным искусственными цветами (хоть эстетикой компенсировать неудобства). Я уже это принимаю как должное. И если мне кто-то не улыбается, я начинаю подозревать: не является ли он представителем нашей Средней Азии бывшей моей советской империи, подрабатывающим на стройках капитализма.

Иногда кажется, что эти их извинения, например, продавцов, вызваны изобилием товаров и отсутствием покупателей. Но в америке и европах-то тоже изобилие, а улыбки не те, неизящные как-то. Просто это японская культура, которая не воспитывается, а выпитывается с детства.

Что еще «раздражает» в японцах, так это точность, пунктуальность. У них даже электрички в метро, не говоря уже о поездах и автобусах, ходят по расписанию. И если, например, электричка к такой-то станции должна подойти в 20:01, она, «сволочь», действительно подходит к 20:01, а главное, в 00 секунд. Мы с женой много раз проверяли и «возмущались» загородными поездами, прибывающими с точностью до секунд, вспоминая передвижение во Владивостоке или вообще в России.

Вот еще любопытный факт, может быть, полезный для наших «заезжих в Японию» командировочных и туристов. Это — планирование своей жизни на годы вперед не только по дням, а иногда и по часам. Правда, это характерно для всего западного капиталистического мира. И все же не в такой степени, как в Японии. Как-то, еще в декабре, я хотел перенести свой доклад с 5 марта на 8 марта. Мне было сказано, что это невозможно, поскольку 8 марта все уже «забито» до отказа, и мой доклад может быть прочитан только 5 марта с 14:00 до 17:00. Когда я еду в Токио на встречу с кем-либо, надо заранее, где-то за месяц, предупредить его, чтобы он нашел «дыру» в своем расписании для встречи со мной. Хотя японцы всегда раздают визитки при знакомствах на встречах, это не означает, что, приехав в Японию и позвонив по «визиточному» телефону, вы тут же будете приняты вне плана.

Любые встречи планируются заранее и, что очень важно, с предварительной рекомендацией человека, знающего вас. Рекомендации — это чрезвычайно важная черта этикета японцев. Если вы рекомендованы для встречи или бизнеса, то человек, представляющий вас, как бы несет ответственность за положительный исход дела. Это гарантия добросовестного подхода к делу.

У японцев есть еще одна странная черта — это поголовная честность. Эпизод из личной жизни.

В банке я прошу положить мне деньги на мой счет и называю сумму. «Теллерша» уносит эти деньги, затем приходит и со смущением на лице говорит, что у меня на столько-то больше, чем я заявил. Я утверждаю, что этого быть не может и сумма именно такая, какую я назвал. Тогда она приносит мои деньги, при мне пересчитывает их на счетной машинке, а затем вручную, и я действительно обнаруживаю излишек. Только потом я выяснил, откуда он

появился — жена, не зная, что я пойду в банк, соединила все деньги, имеющиеся в доме, вместе. Причем сумма была довольно большая. Представляю, что было бы с этим «излишком» в банке у нас, в России. Я уже не говорю о том, что у них практически нет воровства в магазинах, где все лежит открыто.

Никому в голову не придет взять, например, зонтик из тех, которые десятками оставляются в дождливый день при входах в здание, или велосипед, хотя они сотнями стоят на каждой улице. Как-то я проэкспериментировал: повесил зонтик на остановке автобуса и «забыл» его. Несколько дней, до самого нашего отъезда из Японии, этот зонтик аккуратно был повешен на видном месте, а если падал от ветра или дождя, то потом опять занимал самое лучшее для обозрения место. Для японца воровство — это стыд, а стыд — это самое страшное для них. Вот такие они, японцы!

Если ты знаешь Японию, то это — одна из самых удобных стран для жизни. Это относится к системе связи в первую очередь. Всегда чувствуешь надежность и безупречность работы любой техники. Кроме надежности я бы отметил удобство в обращении с любыми техническими средствами. Например, самый необходимый вид транспорта — метро. Можно спокойно переходить из одного вагона в другой, не выходя на платформу. На многих линиях — электронные табло с информацией об остановках и станциях пересадок, на некоторых линиях ходят поезда с телевизорами, можно следить за деловой информацией и рекламой. Информация о линиях, станциях в метро так расположена, что не найти нужного названия просто невозможно. Конечно, если ты знаешь язык и ориентируешься в традициях японцев. Еще одна интересная деталь. На платформе в метро пронумерованы все двери и отмечены места остановки каждой двери. Так что если нужно встретиться у двери номер 5, вы спокойно ждете встречи. И знаки, указывающие на пересадку или движение, например, по красной линии, будут красные, а по зеленой — зеленые. В Токио, Осака и частично в Нагоя названия дублируются на английском языке.

О японских туалетах общественного пользования можно слагать оды. Они везде, включая метро, причем, естественно, бесплатные и неестественно чистые. По запаху напоминают наши парфюмерные магазины. В принципе, по туалетам можно судить о культуре нации.

Можно много говорить о японских «диковинках» в микротехнике. Есть старый хороший анекдот об этом. Японец спрашивает американца, протягивая сжатый кулак: «А что у меня в кулаке?» Американец, ожидая подвоха и зная о чудесах микротехники, говорит: «Телевизор». «Правильно! А сикоко? (сколько)». Примерно с такими чудесами встречаешься каждый день.

Япония — самая безопасная страна в мире. Это еще одна достопримечательность. Здесь есть, конечно, якудза (японская мафия), есть «черный» бизнес по-крупному. Но здесь нет бытового хулиганства, бандитизма, уличных драк, рэкетиров и т. д. Нет и быть не может, поскольку главное в культуре японцев — не нанести ущерба другому. Даже словом.

О том, что японцы много работают, я много раз читал и даже сам писал. Теперь я это прочувствовал. У нас на экономическом факультете в Центре Нагойского университета работа начинается в 9, заканчивается в 17 (с 12 до 13 обед). Один раз я задержался до 23 часов и обнаружил, что даже после моего ухода в своих кабинетах оставались пять-шесть профессоров. И это обычное явление. Я тоже стал поздно уходить (условия, конечно, располагают).

У японцев есть, правда, одна странность, которую европейцы никогда не поймут. Они никогда не говорят «нет» (хотя слово такое есть). Из-за этого у иностранцев тысяча проблем. Вот один из случаев, подтверждающих эту странность.

Захотели мы с женой купить теннисные шарики. Спрашиваю прохожего, где поблизости спортивный магазин. Он закатил глаза к небу, начал размышлять, где такой магазин может быть. Аналогичная ситуация повторилась с тремя прохожими. Одна девица все-таки предположила, что спортивный сектор может быть в магазине «Мицукоси». Приходим туда, нас посылают на 5-й этаж. Там есть отдел спортивный, но нет теннисных шариков. Завотделом на 5-м этаже говорит, что вроде бы такой есть на 1-м этаже (до этого нас на 5-й отправили именно с 1-го этажа). Спускаемся опять на 1-й — там сплошная парфюмерия. Спрашиваю у одной продавщицы, где спортивный отдел. Она обалдевает, будто я спросил у нее, как зовут султана Брунея. Подошла еще одна. Они начали обсуждать: есть ли такой отдел. Не придя к консенсусу, одна из них ведет меня к начальнику этажа. Тот тоже начинает обалдевать от моего вопроса, и

я с ним (черт дернул меня искать эти шарики). Но не говорит, что не знает. Я уже собрался плюнуть на эту затею, но начальник просит нас не уходить, а сам исчезает. Минут через пять прибегает и тащит нас к информационному столику, за которым стоят две девицы-информаторши. Одна из них начала куда-то названивать. Выяснила, что такой отдел есть. Начальник этажа сильно обрадовался и потащил нас за дверь, как бы в «прихожую» универмага, то есть от информационного столика ровно пять метров. Там действительно есть спортивная секция, но не оказалось шариков для нас. Спрашиваю, где же они все-таки есть? Продавец куда-то звонит, радостно вскрикивает и называет нам название метро «Канэма», рядом с которым магазин «Марутан», где уж точно есть эти шарики. Мы едем до этого метро, спрашиваем у «метровца», где такой магазин, он нас направляет в одну сторону. На всякий случай спрашиваем у другого. Тот нас отправляет в обратную сторону. Мы идем назад, подходим к указанному месту. Еще раз спрашиваю прохожего, где такой магазин, тот пугается и вдруг, увидев название «Марутан», выдыхает — вот он. Мы заходим в магазин и покупаем шарики за 1050 иен.

...Но зато у них цветут хризантемы на улицах в декабре. Жена в восторге. Что еще нужно человеку?

Декабрь 1992 г.

Канада

Про Канаду мне писать особенно приятно, поскольку эта страна приняла нас, многому научила, раздвинула сознание, заставила размышлять о системе капитализма, о странах вообще, которые, как правило, нельзя понять, если не жить в них в состоянии натурализации. Впечатления туристов кардинально отличаются от впечатлений жителей. Нам представилась такая возможность жить и трудиться в замечательной стране — Канаде. И чтобы чувствовать себя адекватно, в данном случае в любой стране, нужно «не ходить в чужой монастырь со своим уставом». А «устав» нужно знать.

Книга эта вроде бы про путешествия, но я обнаружил, что мою (в соавторстве с женой) книгу про иммиграцию в Северную Америку¹ читают и на моем сайте в Интернете довольно активно, и более того, целые куски из этой книги перепечатывали многие газеты без ссылок на авторов, другие даже помещали на своих интернетовских сайтах, опять же без нашего разрешения. Это значит, что мы отразили там что-то интересное или полезное. Нижеприведенный текст — это одна из глав упомянутой книги, тематика которой, уверен, является актуальной для современной капиталистической России. В ней описаны хитрости, к которым прибегает капитализм, чтобы реализовать свою главную сущность — купить и продать.

¹ *Эйли Р. и В.* Иммиграция в Северную Америку. Полезные советы русских канадцев. М., 1997. (Раф и Валентина Эйли — английский вариант произношения нашей тогдашней российской фамилии «Алиев»).

Атака, оборона и контратака

Как однажды выразился один из американских мультимиллионеров, Бенжамин Сорэз, «в капиталистической системе нет людей, а есть продавцы и покупатели». Он прав на сто процентов. Но если покупателями мы являемся все без исключения, то продавцами станем не все. Для этого надо обладать некоторыми природными качествами, прежде всего, такими, как напористость, агрессивность, даже наглость, беспринципность, умение красиво, с улыбкой врать. Естественно, что такие «интеллигентские штучки» типа морали, совести далеки от реальности продажи. В нынешних условиях переизбытка предложений-товара, помимо природных данных, необходимо обладать знанием рынка, т. е. всем тем, что связано с наукой продать. Но и это не все. Сейчас на первый план выходит... психология, точнее знание природы человеческих душ и их устремлений. Продавцы стали большими психологами. Они досконально изучили психологию массового потребителя, особенно такую ее черту, как желание разбогатеть, причем лучше всего за одну секунду, ну, в крайнем случае, за день-два. Надо иметь в виду, что в Америке человек, его достоинства, ум, талант определяются по размеру кошелька, по наличию кредитных карточек от ведущих кредитных компаний.

Богатство в Америке может быть реальное и мнимое. Несчетное количество примеров тому, когда, умерев, «богач» оставляет практически нулевой счет или даже долги. Да, в Америке все живут в долг. Это считается удобным. Реальное богатство и демонстрируемое во внешнем проявлении вы никогда не отличите. Дом — это долг на всю жизнь, машина — долг, мебель, путешествия, покупки — все долг. Кому? Тому, у кого реальное богатство, — банки и организаторы тотализаторов (рулеток). Не всякому американцу банк дает возможность пользоваться его услугами. Но непотопляемая изобретательность людей придумала тысячи способов, как убедить банк в кредитоспособности и получить желанную карту, дающую видимое богатство и благополучие. Дельцы-«подпольщики» учат тонкостям овладения кредитной карточкой, имея 100 долл. в кармане. Процесс получения кредит-карт при фактической бедности — бизнес. «Учителя» советуют открыть счета в разных банках

и в течение пары недель перекладывать деньги из одного в другой по схеме, демонстрируя свой кредит-рейтинг. Таким образом бедняк тоже может продемонстрировать «богатство». Подобная литература (как надурить основу «родного капитализма» — банки) распространяется по почте, иначе бы эти изобретатели долго не вели бы свой бизнес. Все делается через адреса почтовых ящиков. И даже в таком, казалось бы, опасном для схватки бизнесе вы не сможете подкопаться к сочетанию слов, чтобы официально закрыть такие «гимназии». Гиганты, определяя разрушителей своего крупного бизнеса, просто могут раздавить мелких соперников. Об этом всем можно прочитать или прочитать между строк у того же Сорэза.

Бизнес: как стать богатым

Свинстейксы или тотальный обман

В России существует миф, что «на Западе» все богатые, однако реальность этого не подтверждает. Другое дело, что все хотят разбогатеть. Это — правда. И на использовании этого желания в последние годы весьма активно расцвел бизнес, который условно можно назвать: Как быстро разбогатеть.

На этом неистребимом желании людей играют множества различных организаций, компаний, прежде всего, связанных с издательской деятельностью. Техника оболванивая отработана бесподобно. Особенно хорошо поддаются на это свежие иммигранты. Поскольку эта техника начала проникать и в Россию, думаю, нижеизложенное будет полезно и для россиян, кстати сказать, до сих пор остающихся самыми доверчивыми людьми в мире. Особенно перед лицом изощренного вранья, до мельчайших деталей отработанного развитым капитализмом.

Изучал я эту технику на собственном примере из-за своей жены. Дело в том, что она, как самая нормальная русская женщина, верит (вернее верила) «в печатное слово», во всяческие обещания «хороших людей» и в судьбу, которая неожиданно может подарить желанное. Поэтому когда к нам в дом пришел именной пакет с извещением о том, что я выиграл 10 млн амер. долл., сердце на секунду дрогнуло, но поскольку я материалист-реалист и в удачу или

чудеса не верю, то я собрался его выкинуть. Но жена остановила меня, и с этого момента, вернее благодаря этому, я начал изучение техники надирательства. Уж действительно, за что я должен благодарить случай (или судьбу), так это за подарок — тему для изучения. Я смог реально проанализировать технику грандиозных надувательств очень крупными фирмами или даже корпорациями своих «клиентов», посмотрел на «чистый бизнес» со стороны его изощенного блеска. Техника этого дела универсальна, схематична. И суть до идиотизма проста — купи дешевле, продай дороже, замани, обещай, польсти, застань врасплох, даже подари что-то, но вытяни желанное. При универсальности действий разница состоит только в масштабах «игры».

Вот некоторые результаты моего исследования.

Итак, открываю я этот красивый большой пакет, в котором куча всяких ярких листочков и среди них главный, который крупными буквами извещает:

Решение — окончательное:

Алекс Бэттлер и

Джери Янгстром

оба выиграли приз в \$1,666,675.00!

И далее идет такой текст:

Дорогой Алекс Бэттлер.

Наш последний победитель Джери Янгстром из Калифорнии уже начал получать свой приз в \$1,666,675,00. И сейчас мы озабочены победителем нашего следующего приза в \$1,666,675.00. Это означает, что для Алекса Бэттлера крайне важно вернуть тотчас же бланк с Золотой печатью, находящийся внизу этого письма. Конечно, вы можете проигнорировать наше предложение и забыть, что вы когда-нибудь получали это извещение. Однако, если вы не вернете этот бланк, вы можете сильно пожалеть. Так как если вы вернете бланк с Золотой печатью и ваш бланк включит номер главного приза, мы подтвердим, что

Джери Янгстром и Алекс Бэттлер

являются победителями самого крупного выигрыша!

Далее предлагается не упустить возможность проучаствовать в более мелких розыгрышах, дающих шанс на такие «пустяки», как покупка автомобиля за 25 тыс. долл., отдых в Монте Карло за 15 тыс. долл. и прочие мелочи. Доверительно спрашивается, в каких купюрах вы хотите получить деньги, а также сразу или в течение нескольких лет. И самое главное, из-за чего и весь сыр-бор, — предлагается подписаться на журналы (список в 117 журналов), естественно, со скидками. Правда, оговаривается, что это, конечно, добровольное дело, но намекается на то, что в случае подписки ваши шансы стать миллионером возрастают, поскольку многие-де из списка претендентов выбывают. Тут только начинаешь соображать, что ты еще ничего не выиграл. Вновь внимательно читаешь этот громадный лист и случайно обнаруживаешь в самом верху фразу, написанную таким маленьким шрифтиком:

«Если ваш номер совпадет с номером приза и вы его (входной бланк) вернете назад, а также, если вы правильно ответите на вопрос, определяющий ваше мастерство, мы объявим, что...»

Далее см. выше крупными буквами.

Что касается «мастерства», обычно дается арифметическая задачка типа, сколько будет $100 + 50 - 30 =$. Такое впечатление, что не все североамериканцы могут такую операцию совершить.

Но, даже осознав, что эта сумма у тебя не в кармане, но ты уже в списках потенциальных победителей (в письме пишется, что этой чести не все удостаиваются, а только самые-самые) и достаточно только подтвердить свое желание продолжать участвовать в этом конкурсе, ты отправляешь все, что от тебя требуется, в специально для этого предназначенном конверте. Многим же кажется, что если уж и на журнал какой-нибудь подписался, тем более со скидкой (т. е. ты еще и сэкономил), твои шансы увеличиваются. Повторяю, хотя во всю эту галиматью я не верил, но мне было любопытно, как осуществляется это надувательство дальше.

Через некоторое время вновь приходит большой конверт с радостным для тебя сообщением, что ты попал во второй тур и, чтобы попасть в третий, тебе опять предлагают что-нибудь купить. Тут же следом приходит другой пакет почтой, от другой бизнес-компании, которая информирована якобы о возможном победителе и предла-

гает свои услуги в выгодное размещение денег. Доверительно спрашивают, как ты намерен расходувать свои миллионы, не нужна ли тебе помощь. Потом ты «попадаешь» в третий тур, а между вторым и третьим тебе посылают неоднократно всяческие предложения войти в какие-то промежуточные розыгрыши, а заодно так доверительно спрашивают, в каком ресторане ты намерен отпраздновать свою победу и кого из гостей-знаменитостей хотел бы видеть, чтобы заранее согласовать их расписание. А то, мол, это все связано с трудностями заблаговременно устроить все: заказы на путешествия, машины, на которой ты предпочитаешь ездить, и т. д. Вся эта переписка только по одному розыгрышу длится два года. Но поскольку одновременно тебя опекают другие компании, ты фактически находишься в постоянной переписке и «надежде счастья» одновременно с пятью-шестью компаниями. Я, точнее, мы с женой активно «сотрудничали» со следующими «свиפטэйксами», то есть организаторами тотализаторов. Publishers Clearing House — специализируется на распространении практически всех журналов США и Канады, завлекалка — 10 млн долл.; Reader Digest — распространение собственного журнала и массу книг, поп-дисков своего издательства, 1 млн долл.; Times, Inc. — свой журнал и литературу своего издательства, 1,666,675 долл.; Sport Illustrated — свой журнал, 1 млн долл.; Men's Health — 500 тыс. долл.; National Publicity Sweepstakes — картины и рамы для картин, от 4500 до 10 долл. (Кстати сказать, Men's Health — журнал для мужчин, дающий советы, как сохранить форму и т. д. В этих журналах не было ни одной информации, которую я бы не знал из литературы, прочитанной еще в СССР, например, у Амосова, Николаева, Микулина.)

Хочу упомянуть, что тут же после письма с объявлением об уже вот прямо идущем к вам выигрыше (если ваш номер совпадет при выбросе компьютером выигрышных номеров), такое приличное издание, как Файнэншл Пост, шлет вдогонку целую газету, типографски набранную персонально для вас, где на первой странице во всю ширь красуется ваше имя с сопровождением таких слов: «Триумф, опять триумф. Мы объявляем, что... Алекс Бэттлер... выиграл... сумму» и пришлем в подарок музыкальную систему (или телевизор, или еще что. Тут это не имеет значения). Вы уже чувствуете благодарность и готовы подписаться на эту газету, даже если

она вам и не нужна. Просто спасибо родному капитализму за то, что он так чуток и индивидуален.

В США тотализаторство активно используют, помимо упомянутых, также American Express, Funk & Wagnals, Hosiery Corporation of America (проталкивает свои чулки), издательства Working Women, McCalls.

Главная завлекалка — шанс выиграть большую сумму денег, что в Америке равно счастью. Когда внимательно читаешь условия тотализатора, — а они обычно расположены где-нибудь в невидном месте и написаны таким шрифтом, что у тебя отпадает желание это читать, — оказывается, что шанс выиграть ничтожно маленький. В разных «играх», конечно, по разному, но в среднем — один из 15–25 миллионов.

Так на чем же они зарабатывают? На нашей дурости.

Во-первых, за счет своей искусной психологической атаки они вынуждают немалое число людей все-таки подписываться на свои журналы. Хотя вы можете их читать через Интернет.

Во-вторых, вы нередко клюете на предлагаемые ими книги, подсознательно рассчитывая, что их покупка даст вам преимущества перед остальными «игрунами». Тем более, они специально вкладывают два конверта: один для тех, кто покупает их продукцию (этот конверт обычно «покрасивше»), другой — кто не покупает. Таким образом, они как бы делят претендентов на выигрыш на две части. Хотя в реальности все равны перед случайностью выигрыша, но организаторы обставляют таким образом, что создают иллюзию преимущества того, кто что-то у них купил. Из-за этих иллюзий люди покупают очень дорогие книги, журналы, кассеты, видеопродукцию, даже картины и прочее, которые можно купить значительно дешевле.

В-третьих. И это очень важно. Все эти компании теснейшим образом связаны с почтовым сервисом, который участвует пайщиком такого бизнеса. Заставляя миллионы людей тратить на марки и почтовые отправления, они получают миллионы долларов прибыли только на затраченные вами марки и конверты. На первый взгляд это, кажется, не так много. На самом же деле только мы, участвуя в этих «игрищах», в год на «почту» тратили около 40 долл. Умножьте

это на количество всего взрослого населения Канады и США, и вы поймете, какие суммы собирают эти компании вкупе с почтой.

Почему все это работает?

Естественно, как я уже говорил, главное — это шанс выиграть миллион, а то и больше. И хотя многие понимают, что этот шанс не такой большой, но человеческая натура — а вдруг — бывает сильнее здравого смысла. На этом-то и строится сей бизнес.

Для того же, чтобы усилить эту иррациональную часть человеческой природы, весьма искусно оформляется весь процесс общения с клиентами. Начиная от оформления конверта, марок, бумаги, расположения строк, варьирования шрифта, всевозможных картинок, красивых вкладышей и мини-подарков. Всем этим дизайном занимаются профессионалы.

Составление текстов в таких обращениях — это также особое, очень ответственное, юридически строго выверенное дело. Слова составляются по их многозначному пониманию так, что ни один суд не сможет осудить организаторов за нравственный или материальный урон, наносимый участникам игры в счастье. В вас посегают иллюзию, что только для вас специально президент тотализатора пишет это письмо, он думает именно о вас, о вашем личном благополучии и ни о ком больше. У вас не должно возникнуть чувства, что аналогичный текст разослан десяткам миллионов человек. Причем тексты с каждым письмом-туром меняются, а подпись все того же директора или президента. Я, например, уже настолько привык к письмам от мадам С. Хуртибайс — директора тотализатора, курирующего Ридер Дайджест, — что даже стал бы скучать без ее проникновенных слов с заботой о моем благополучии. Хотя я давно не «играю» в ее игры, она продолжает посылать мне свои письма, сообщая что я уже где-то там в каком-то туре, а в последнем письме даже прислала аж два «ключика»: один серебряный, другой золотой — от машин. Просит меня выбрать одну из этих машин в дополнение к миллиону американских долларов (если, естественно, мой номер, состоящий из 18 цифр, совпадет с номером выигрыша). Вынужден признать, что ребята/девчата-письмописцы действительно заслуживают своих заработков.

Все это есть наука надувательства массового потребителя, и надо признать, что этой наукой может овладеть не каждый. Как и любая наука, она требует годы и годы освоения. Кто освоил — тот в этих джунглях не растеряется.

Лотереи

Через год проживания в Канаде нас стали засыпать предложениями поиграть в лотерею. Поначалу мы удивлялись, откуда в Австралии (первое предложение сыграть в их лотерею пришло оттуда) знают наш адрес. Но со временем мы узнали, что адреса «клиентов» с индексами почтового отделения (без него все это есть в телефонных книгах, но именно почтовый индекс делает адрес полным) продаются компаниями от одной к другой. Так что, если вы поучаствовали в одном из тотализаторов, ваш адрес предлагается за мзду другим сходным компаньонам. Если вы, к примеру, подписались на журнал о здоровье, то через месяц-два к вам повалят письма о совершенно уникальных средствах для похудения, оздоровления, чудо-рецептах «от всего». Если купили книжку про физику, то астрологи тут же обнаружат ваш интерес к мирозданию и «предложатся». Вскоре и самые знаменитые гадалки всего мира предложат «бесплатно» свои услуги, ссылаясь на их знахарства и рекомендации известным людям. Если купили кассету с классической музыкой, тут уж и книжные гиганты подспеют с серьезной литературой. У доверчивых и верующих в чудо капитализма иммигрантов из России возникает чувство собственной нужности, сопричастности к чуткому слуху страны проживания. Ведь все письма приходят с обращением именно к вам по имени.

Итак, лотерея. Первыми на нас вышла Австралия.

Лотерея — понятное дело, это самый наипримитивнейший способ выкачивания денег у людей. Тут тебя ни к чему не обязывают, ничего покупать не надо. Надо только регулярно посылать деньги, чтобы тебя регулярно прокручивали их компьютеры в очередные туры. Но кто, скажите, пожалуйста, может проверить, сидя в Канаде, что делается в австралийском лотерейном компьютере, а? Это просто «чистые деньги», так нам кажется. Условия игр опять написаны так, что читать невозможно — в глазах рябит. Тем не менее многие клюют, а вдруг... По данным одной из ванкуверских га-

зет, каждый житель провинции Бритиш Коламбия тратит на покупку лотерейных билетов местной лотерейной компании 208 кан. долл. И это только одной компании! Вовлечены в это «счастье в конверте» наши иммигранты. В некоторой степени это вызвано тем, что они не очень хорошо знают английский язык, не понимая некоторых нюансов. Например, получаю я из Австралии такую открытку, где написано: «Поздравляем, Алекс Бэттлер. Вы удостоены получить приз, по самым консервативным оценкам, в сумме 492 190 долл.» На обратной стороне открытки: выплатить победителю 492 190 долл. Радуетесь, как идиот, думая, куда бы эту сумму денег потратить (американец думает, куда их вложить). Потом начинаешь читать более внимательно и обнаруживаешь, что там написано, что Алекс Бэттлер удостоен получить «информацию о призе...», т. е. спецброншюру, за которую надо всего-то выслать 12 долл. Тексты составляются так, чтобы такие «мелочи» ты особенно не замечал.

Через некоторое время мое имя дошло до Гонконга, Германии, откуда я также получил лестные предложения стать миллионером с радостной оговоркой, что на мои потенциальные миллионы их налоги не распространяются. И на этом, как говорится, спасибо.

Гадалки

В таком же ключе работают и другие благодетели. К примеру, гадалки. Читатель уже наверняка понял, что я не верю ни в какие чудеса, ни в гадалок, ни в кашпировских или чумаков. Но поскольку мне надо было уточнить технику «надёра», я «клянул» на письмо некой мадам Magia Duval, обещавшей предсказать мою судьбу по датам моего дня и места рождения. Конечно же, она попросила не забыть вложить в конверт 5 долл. «для облегчения контактов». Как я и предполагал, сия мадам присылает очередное письмо с просьбой более подробно описать события моей жизни для более точного прогноза моего будущего. Чтобы я не усомнился в ее способностях, она «скромно» сообщила, что о ее талантах написано в 707 статьях и что она даже общалась с самим Папой Римским. И, опять же, ей надо 5 долл. для облегчения почтовых расходов. После этого письма я понял, что мое знакомство с ней может затянуться на годы, и решил прекратить общение, лишив себя знаний о своем будущем. Хочу здесь заметить, что о моем ответе на ее пер-

вое письмо мадам Дюваль не проронила ни слова, а именно в нем была персональная информация для контакта, так сказать. Это все говорит только о том, что никто писем там не читает, а просто компьютерно обрабатывается серия ответов, необходимых для отжатия своей «пятерки».

К этой же серии надувательств относятся предсказания «нумерологов». В общем это то же самое гадание на кофейной гуще, но как бы с более «научной» подоплекой. Видимо, за «науку» они «для облегчения контактов» просят больше мадам Дюваль — уже 15 долл.

Как стать богатым «по науке»

Теперь переходим к более трудным вариантам, как стать богатым. Здесь работают люди серьезные, с практикой и с учеными степенями. Хотя и в этой сфере суть денег — простой обман.

В любой газете можно прочитать приблизительно такое объявление: «Делай доллары дома. Можешь заработать до 300 долл. в день. Только отправляй письма. Пришли конверт с обратным адресом плюс 2 долл. тому-то тому-то». В других аналогичных объявлениях может говориться, что никакого опыта не надо и т. д. Делаешь, как сказано, и тебе присылают кучу листов, в которых говорится, что можно, например, рассылать конверты для компаний, и они будут платить тебе кучу денег. Но чтобы получить адреса этих компаний, надо выслать еще 38 долл. Посылаешь эти доллары, они присылают массу адресов компаний, большинство из которых находятся в США. На всякий случай они оговаривают, что не все компании могут согласиться, т. к. они могли за это время уже найти людей, но какая-нибудь, дескать, может нуждаться в вас, и тогда есть возможность получить обещанные доллары — успевай только собирать. Здесь опять нужно обратить внимание на четко выверенный словесный баланс, его многозначность, неподсудность. Эти ребята делают деньги на воздухе, продают то, чего нет или возможно уже нет. Но вселяют надежду на успех, в ваши личные способности, так сказать (конверты-то лепить уж всяк может). Вот это и есть как бы личная свобода выбора: быть богатым, сидя дома, или

бедным, постоянно ища физическую работу. А тут и думать ничего не нужно, и производство не нужно налаживать. Все уже есть. Только объявления о своих благотворителях посылай—рассылай, а они уж, благотворители, позаботятся и о вашем проценте, и о ваших клиентах. К сожалению, это уже есть и здесь, в России. Это вот и называется инициатива по-капиталистически: обмануть своего клиента, но дать и ему возможность обмануть следующего. В этом случае последний — всегда дурак. Ну, а если пирамида повалилась, так хоть какой-никакой «урожай» можно собрать. Всяк больше, чем сам затратил на обман. Поэтому никто и не думает реально «клеить конверты», а устраивает свой «воздушный бизнес». Предлагаются даже и темы для «воздушного бизнеса», но это уж отдельно, за другую плату, в купе с видео о жизни главы компании, его бизнес-принципах, его физических упражнениях, чтобы чувствовать себя хорошо, о его миллионах. Да и вам он очень доверительно дает ключ к подобным и даже большим богатствам. Вы же только покупаете у него долларов за 50 набор «добра». Ну, а дальше — дело вашей предприимчивости.

Есть и активно действует вариант «зарабатывания» денег, когда-то распространенный в Союзе. Пошли пять писем туда-то, они пошлют пять писем еще кому-то, так все в арифметической прогрессии будет возрастать и ты, наконец, получишь свою большую сумму. Как ни странно, многие покупаются на это, тратя свои доллары на конверты и марки, а также на всю эту макулатуру.

Более серьезный вариант, связанный с бизнесом через компьютеры, телефоны, так называемый телемаркетинг (Telemarketing). Надо сказать, что этот вид бизнеса — наиболее развивающаяся часть подобной индустрии. Присылают тебе доверительное письмо какая-нибудь семья, рассказывающая, как она из бедных превратилась в богатую. Для этого они наладили компьютерную программу по рекламе тех или иных видов товаров и т. д.

Если вы серьезно хотите разбогатеть, посылайте деньги им, они вам вышлют подробные рекомендации, плюс видеокассеты или просто кассеты, на которых они все расскажут (это, видимо, для не умеющих читать). Следующий этап — готовы выслать сами программы, и наконец, даже компьютеры и т. д. Все это будет стоить дешевле, и вы «спасете» соответственно немалую сумму денег, об-

щаяся с ними. На самом деле приобретение специальности телемаркетера стоит массу времени, немало опыта, а в информационном плане (что, собственно, и предлагается) все это можно прочитывать в любой библиотеке совершенно бесплатно. И если вы действительно увлеклись этим бизнесом, конечно же, успех придет через несколько... лет, но не через день-два, как вам наобещают.

Инвестиционные гуру

Особый вид бизнеса, связанный с «умелым вкладыванием», т. е. инвестированием денег. Обычно это приглашение купить ту или иную книгу, но главное — стать регулярным подписчиком какого-нибудь бюллетеня или ньюслеттера (нечто в виде памфлета)

Делается это так. Присылается письмо, из которого ты узнаешь, что достаточно следовать советам обещанной книги, брошюры, буклетов, журналов, как уже через час после запуска «дела» ты на пути к миллиону. Но для начала надо отправить чек на определенную сумму денег, обычно от 30 до 200 долл., и тебе вышлют волшебную книгу (брошюру, журналы...). Получив материалы, обнаруживаешь, что на самом деле это только для заправки, а уж если ты действительно серьезно вздумал стать миллионером, надо послать еще некоторую сумму, и тогда они вышлют подробный план действий с желанием поддержать и направить, что тебя действительно сделает миллионером. После постижения рецептов обнаруживаешь, что 90 % информации ты знаешь и без них. Главная же идея всех этих советов, которая повторяется обычно через каждую страницу, заключена в универсальной фразе — надо быть настойчивым в желании стать миллионером. Тогда, не исключено, и станешь им. И действительно некоторые, кто всю свою жизнь посвящает этому, становятся. Не так много, но имеет место быть.

Такого типа бизнесом занимаются, например, Поль Сарнофф — редактор бюллетеня Gold Stocks Advising, издаваемого Marketing & Publishing Associates (находится в Нью Джерси, США), супруги Кэн и Дария Долан, распространяющие «волшебные» брошюры; Бари Зискин, специализирующийся на рекомендациях по вложениям акций в биржи, связанных с бизнесом по золоту (у по-

следних штаб-квартира — маленький городок на границе с США в провинции Онтарио — Форт Эрио), и ряд других радостей вашего благополучия. Подкупает их «бескорытность». Например, супруги Доланы предлагают подписаться на 12 выпусков своих брошюр на год всего за 54.40 кан. долл. и таким образом «спасти» 48.80 кан. долл. (это если бы вы подписались по регулярной, обычной цене), а уже за 24 выпуска, т. е. на два года, вы «спасаете» 97.75 кан. долл., подписываясь всего лишь за 108 кан. долл.

Несмотря на мою иронию, однако, для тех, кто серьезно намерен заниматься бизнесом, или кто в принципе занимается экономикой США и Канады, я бы рекомендовал все-таки наладить контакты с некоторыми аналогичными организациями-клубами. Из множества моих контактов с ними и после прочтения большого количества литературы, на меня произвели убедительное впечатление три издательства. Одно из них называется, правда, клубом. Это Highlander Club, который выпускает те же самые бюллетени, брошюры и прочую рекомендательную литературу. Чтобы напустить туман, этот клуб весьма мистично обставляет вхождение в члены клуба всяческими секретами и таинствами, категорически не рекомендует делиться информацией с не-членами клуба, высылает особый значок и т. д. Несмотря на всю эту мистификацию, материалы Хайлендера дают подробную информацию о мировой экономике, в первую очередь США и Канады, а также технике организации бизнеса, покупки-продажи, и, кроме того, адреса тех, кто в районе вашего местожительства может вам помочь в налаживании бизнеса. Мне лично понравилось также и то, что, когда я решил выйти из этого клуба, они возвратили мои взносы.

Достоин упоминание имени и Дугласа Кэйзи — редактора журнала «Кризис инвестинг», в котором также давалась реалистичная картина экономики Северной Америки. И другой источник информации, которую распространяет Джеймс Д. Дэвидсон, главный редактор регулярного бюллетеня «Стратеджик инвестмент». Помимо этого, в качестве бесплатного приложения оба редактора присылают небольшие книжечки по определенным экономическим темам, что существенно обогащает ваши экономические знания. Конечно, все это можно почерпнуть в библиотеках, изучив экономическую статистику и т. д. Но это кропотливый труд, который уже

проделан командой тех, кто издает упомянутые бюллетени. Причем, особо хочу подчеркнуть, что их данные не распространяются широко в открытой печати. Это своего рода ДСП (материалы для служебного пользования). Опять же надо иметь в виду, что поскольку задачей этих журналов является «зацепить» вас в качестве подписчиков, они привлекают такой информацией, которую вы не везде можете раздобыть. Естественно, они хвастаются своими прогнозами экономической и политической ситуации в мире. Многие из них сбываются. Некоторые не сбываются. Так, у Дэвидсона получилась «прокол» с Ельциным, которому он пророчил поражение на выборах. Обишурился он также и с Клинтон. Он клялся в одной из своих брошюр, что Клинтона на второй срок не переизберут. Но тем не менее в целом их прогнозы относительно экономической ситуации, хочу повторить еще раз, сбываются. Все они расположены в Форте Эрио, и у меня такое впечатление, что и Клуб, и «Кризис инвестинг», и «Стратеджик инвестмент» — одна команда.

Имея дело с этими клубами и прочими «благодетелями», совету не торопиться с подпиской. Раз они вас взяли «на карандаш», они уже от вас долго не отстанут, какое-то время присылая свою брошюры и журналы для завлечения. Изучите их как следует, и только после этого, если их информация вам подойдет, подписывайтесь. Некоторые сразу посылают вам свои материалы — книги (иногда и с кассетами). Прочтите внимательно условия. Иногда бывает так, что они разрешают держать эти материалы 30 дней, и если вам не понравится, вы можете отослать им обратно. Но даже если вы заплатили за них, и в этом случае при отсылке назад иногда могут вернуть ваши деньги.

Вообще-то существует немало методов обратного «надёра» всех этих благодетелей, о некоторых из которых я скажу чуть ниже по другому поводу. Дело в том, что североамериканцы мыслят стандартно, и им часто в голову не приходят варианты, которые могут использовать русские по отношению к ним. Объяснение простое — русские всегда жили и живут в таких экстремальных ситуациях, которые американцам или канадцам не снились. Невобразимых ситуаций у русских значительно больше, а значит способов выкручивания из них также значительно больше. Отсюда наша непотопляемость. Мне пришлось использовать свой «скил», то бишь

мастерство, в заполучении одной книги. Она вместе с компьютерной программой — дискеткой стоила 160 кан. долл. Я сумел получить два экземпляра, один выслал назад, сказав, что все это мне не понравилось, и мне вернули назад мои 160, плюс у меня осталась и книга, и программа. Как я это сделал — «секрет фирмы», но об этой книге я расскажу чуть подробнее, поскольку она стоит этого. По крайней мере, она несколько просветит мозги начинающим бизнесменам — иммигрантам из России.

Почему мультимиллионер Бенжамин Сорэз не любит марксизм

Однажды среди всей этой туфты о том, как стать богатым, мне пришло письмо от господина Бенжамина Сорэза (не путать с Дж. Соросом), которое отличалось по форме от других аналогичных писем. Письмо написано очень тонко, со знанием психологии, доверительно и эмоционально, что действует, как лекарство по Кашпировскому: только поверь, начни и пойдет само. Он, как и все, тоже предлагал стать миллионером, но не за минуту, а за возможное реальное время, приложив усилия на пути к миллионам. Сам он потратил на это 21 год и, наконец, стал мультимиллионером. В своей книге господин Сорэз в деталях расписал, с какими невероятными трудностями пришлось ему столкнуться на пути к богатству. Сам того не подозревая, он описал реальную структуру и механизм американской системы, а не ту, которая наукообразно и схематично представлена в учебниках США. Такую книгу не рискнуло бы опубликовать ни одно известное издательство в США, почему он вынужден был издавать её на свои деньги в маленьком городке Кантоне, что находится в штате Огайо. К своему удивлению, эта книга принесла ему 10 млн долл. и продолжает приносить, поскольку, повторяю, в этой книге реальность Америки, а не миф о ней. Книга называется «7 ступеней к свободе. Как избежать крысиной гонки в Америке»¹.

¹ *Benjamin D. Suarez. 7 Steps to Freedom II. How to Escape the American Rat Race. Canton, Ohio: The Hanford Press, 1994.*

Я не собираюсь раскрывать технику одурачивания населения — а в этом суть любого бизнеса — а хотел бы изложить политэкономические взгляды американского мультимиллионера на систему, которые могут показаться на первый взгляд крайне странными.

Как известно, российские демократы очень не любят социализм и, соответственно, марксизм (от него все и пошло в России наискосок). Зато любят капитализм, особенно в американском исполнении. Представляю, какие глаза они закатят, если узнают, что, построив капитализм по американскому образцу, они получают в результате... марксизм!

Именно таким страшным словом определяет общество в США мультимиллионер Бенжамин Сорэз. По его глубокому убеждению, созданный Марксом и Энгельсом утопический социализм в XX в. был внедрен в России в форме *тоталитарного социализма*, а европейские страны в начале века адаптировали *демократический социализм*, который постепенно в последующие годы внедрился и в США.

В его понимании марксизм состоит из 10 постулатов или принципов, 8 из которых действуют в США. Принципы следующие (в скобках, каким образом эти принципы реализуются): 1) отмена права владения собственностью на землю. Все виды работы на земле должны служить общественным целям (через налог на собственность); 2) высокие, прогрессивные или дифференцированные налоги на доходы (Федеральное агентство по налогам); 3) отмена всех прав наследования (налог на наследство/недвижимость); 4) конфискация собственности всех эмигрантов и бунтовщиков (федеральные законы государственных агентов); 5) централизация кредита в руках государства через национальный банк с государственным капиталом и исключительной монополией (Федеральный резервный банк); 6) сосредоточение средств связи и транспорта в руках государства; 7) увеличение количества предприятий и средств производства, принадлежащих государству, обработка пустошей и улучшение почвы в основном в соответствии с общим планом (федеральные программы по земле); 8) равная ответственность всех перед работой. Создание промышленных армий, особенно для работ в сельском хозяйстве (в США не существует); 9) соединение сельского хозяйства с промышленностью, постепенное сближение города и деревни через равномерное распределение населения по

всей стране (этого, по мнению Сорэза, тоже в США нет); 10) свободное образование для всех детей в общественных школах. Ликвидация фабрик с применением ручного труда в его нынешней форме. Соединение образования с промышленным производством (американские общественные школы).

Все эти марксистские штучки, внедренные в США, не работают. И несмотря на это, возмущается Сорэз, «наши политики из-за того, что социализм дает так много власти правительству, пытаются сделать нашу страну еще более марксистской с каждой новой социальной реформой. Мы социализировали образование, пенсионную систему, на 50 % социализировали медицину. Мы уже на грани 100%-ной социализации медицины и идем к этому страшно быстро. Мы социализировали благотворительность, почту, банки; имеем высокий и обременительный прогрессивный налог на доходы, которые сдерживают стимулы быть богатым и заставляют жить в соответствии с *Коммунистическим Манифестом* „От каждого по способностям, каждому по потребностям“. Политические корректировки 1990-х гг. говорят о том, что прожорливое правительство контролирует и манипулирует все большими и большими аспектами жизни».

Сорэз ненавидит свое «марксистское» правительство прежде всего из-за налогов, которые за последние 75 лет увеличились в 50 раз. В результате 70 % доходов американской семьи уходят на налоги и проценты всех видов. (По подсчетам самого Сорэза, налоги увеличились в 50 раз с 1938 г.)

Собственные исследования привели его к выводам, что львиная доля этих налогов уходит на содержание марксистского государства — США. Столкнувшись с этим правительством на всех уровнях власти, он детально расписал жизнедеятельность паразитирующего класса.

Нескрываемую ненависть Бен питает к общественным школам, которые все находятся под влиянием марксизма, поскольку они построены на системе «веры», а не творчества. Аналогичную ненависть он питает и к правительственной бюрократии, особенно к адвокатам, поскольку все они вышли из университетов, из академического мира, в которых опять же доминируют социалистические профессора. Он настоятельно советует американцам не верить

им ни в чем, особенно профессорам экономики, поскольку их знания умозрительны, теоретичны и совершенно оторваны от реальности. Если бы было иначе, иронизирует мультимиллионер, они сами стали бы миллионерами, а не занимались бы такой ерундой, как преподавание.

Так как на пути к своим миллионам Сорэз постоянно вынужден был общаться с американскими судьями, он из общения с ними вынес несколько твердых убеждений. Он считает, что «слепая справедливость является величайшим мифом, когда-то внушенным американской общественности». Вся деятельность судей направлена на одну конечную цель — занять пост в Верховном суде США. Степень справедливости зависит от уровня власти и количества денег. Вся судебная система, включая деятельность правоохранительных органов и судов, коррумпирована, причем «чем выше ты поднимаешься, тем больше коррупции». То же самое относится к правительственным кругам.

А вот его мнение о свободе слова в Америке. Проталкивая один из своих необычных продуктов (хлеб-здоровье), Сорэз наткнулся на невидимый барьер, которым оказалась одна из крупнейших фармацевтических корпораций, одновременно доминирующая на рынке хлебобулочных изделий. По наивности Сорэз начал с ней борьбу, рассчитывая на СМИ: газеты, радио и телевидение. К своему очередному удивлению, он обнаружил, что все эти СМИ контролируются той же самой компанией, против которой он ведет борьбу. В отчаянье за свои деньги он дважды опубликовал Открытое письмо к президенту (тогда был Джимми Картер) в газетах: сначала в «Вашингтон пост» (за 6 тыс. долл.), затем в «Вашингтон стар» (за 18 тыс. долл.). Поскольку никакой реакции президента на его письма не последовало, он связался с Белым домом, и какая-то секретарша информировала его, что президент в такие дела не вмешивается. Сорэз лет 10 боролся за рынок для своего хлеба-здоровья и в конце концов проиграл. В этой связи он сделал следующее умозаключение: «Наконец, я ответил на вопрос, который всегда меня занимал. Что случится, если частный гражданин позвонит президенту с какой-нибудь проблемой? Будет ли тот отвечать группе людей из обычных граждан? И что если проблема каса-

ется его обещаний на национальных (выборных) кампаниях? Мой опыт ответил на этот вопрос оглушительным „нет“»¹.

Его опыт также показал, что правительство США из бизнеса выводит больше компаний, чем соперничество со всеми иностранными фирмами, вместе взятыми. Налоги и сверхрегуляция наносят смертельный удар по тысячам компаний каждый год.

Другой удар наносят монополии, о которых Сорэз, будучи американцем, даже не догадывался до начала занятия бизнесом. Если бы предварительно он прочитал книги советских авторов о государственно-монополистическом капитализме (ГМК) на Западе, в том числе в США, он был бы более подготовлен к борьбе. Но поскольку марксизм он не любит, тем более марксистскую науку, то он все испытал на собственной шкуре, подтвердив все наши писания о ГМК. Сорэз весьма подробно описал их методы контроля и подавления всех, угрожающих их интересам (от убийств, поджогов и подкупов). Он резюмирует: «В большинстве случаев, когда малый бизнес, ставший жизнеспособным, заметно начинает вступать в сферу доходного рынка крупных корпораций, они тут же систематически выкидывают „мелкашек“ из бизнеса. И здесь нет никакого почтения к общественному или национальному благосостоянию или уважения к закону. Вся система направлена на одну вещь — вышвырнуть компанию из бизнеса навсегда»². Сорэз все-таки не читал Маркса. Все эти азбучные вещи для него стали истинами только в результате собственного опыта.

Сорэз, естественно, отстаивает принцип свободного предпринимательства, так сказать, чистого, незамутненного капитализма. Он за свободу частного сектора, не субсидируемого правительством, сектора, который является «линией фронта за выживаемость в мире экономических джунглей, где выживаемость и приспособляемость являются ключевыми принципами». В этой системе, вдохновляется Сорэз, ты или добился успеха, или погиб. «Мы стоим и защищаем Свободу предпринимательства».

¹ Benjamin D. Suarez. 7 Steps to Freedom II. How to Escape the American Rat Race. P. A-73.

² Ibid. P. A-68.

Сам Сорэз действительно сумел не только выжить в джунглях, но и стать мультимиллионером. Нынешняя его мечта — войти в список 500 крупнейших компаний США, фиксируемых в журнале «Форчун».

Честно говоря, стать миллионером, применяя в том числе средства, предлагаемые в книге Сорэза, не так уж и трудно. Шанс есть. Проблема в том, что надо перестраивать всю систему ценностей, приспособивая их к законам джунглей, т. е. становиться зверем. Это не метафора, это реальность цивилизованного капиталистического мира. Каждый день, каждую секунду идет борьба на выживаемость. Люди исчезают, появляются продавцы или покупатели. Вместо морали (совесть в русском смысле здесь вообще отсутствует) — закон, который, естественно, необходимо обойти, что облегчается отсутствием морали. В этом плане очень помогает религия. Любой грех можно отмолить (бог, как известно, грешников любит).

Ценности такие: первоначальная цель — выжить, затем — стать миллионером. Зачем? Авторы книг «как быть богатым» иногда отвечают так: купишь дом и новую машину, сможешь отдохнуть на Гавайях или еще где-нибудь. Сам Сорэз в своем письме мне, как, наверное, и миллионам других, похвастался, что, став миллионером, он дал жене денег на покупку новой одежды, затем они купили дом на колесах и целый месяц провели в отпуске, разъезжая по стране. Затем купили дом и другие ценные вещи. Теперь... блаженство.

Капиталистические правила поведения на работе

Для россиян нелишне познакомиться с некоторыми правилами капитализма, регламентирующими взаимоотношения людей на предприятиях. Знакомство с этими правилами заодно позволит им поразмышлять на тему о том, насколько они соответствуют характеру и поведению русского человека в общении между собой, в том числе и на производстве. В качестве примера привожу Правила рабочего и служебного поведения типичной компании средней вели-

чины, принадлежащей тому же Сорэзу, который изложил их в упомянутой книге «7 ступеней к свободе. Как избежать крысиной гонки в Америке».

Предлагаю буквальный перевод этих Правил. Итак:

Сексуальные домогательства

Определение: Нежелательные сексуальные заигрывания, принуждение к сексуальным обязательствам и другие типы словесного и физического воздействия сексуального свойства означают сексуальное домогательство, когда:

- 1) подчинение подобному воздействию может прямо или косвенно отражаться на сроках и условиях индивидуальных деловых решений;
- 2) подчинение или отказ от подобного воздействия на личность использовалось в целях влияния на его работу или принятие им служебных решений;
- 3) подобное понуждение, как намерение или фактическое действие, беспричинно вторгается в рабочий процесс индивидуума или создает интимную или недружественную, или требующую защиты рабочую обстановку.

Категории поведения сексуального домогательства (последующее приводится только для наглядности и может включать другие типы поведения):

- 1) физические: насильственный секс, поцелуи, хватания, касания интимных частей тела (т. е. колен, ягодиц, паха, груди), касание волос, одежды, обнимания, ласки, вторжение в личное пространство, блокирование движений;
- 2) словесные: требования в сексуальной благосклонности с косвенной или открытой угрозой или «обещанием» работы или других служебных привилегий; унижающие, оскорбляющие или враждебные личные или основанные на половой принадлежности замечания; требования свиданий; дискриминация или сексуально направленные замечания;
- 3) наглядные: плакаты, рисунки, картинки или другие визуальные средства, которые:

- а) представляют половые органы в грубо оскорбительной или завуалированной и неприемлемой форме;
- б) вызывают чувство унижения на основе сексуальной принадлежности в грубой или завуалированной неприемлемой форме;
- в) недопустимы и неуместны: «сверление» глазами груди, ягодиц; так называемое «раздевание глазами».

В целом:

Коллеги должны работать без опасения сексуальных домогательств. Если сотрудник испытывает на себе домогательства своего коллеги, то он должен незамедлительно связаться со своим начальством. Такое поведение не может быть оставлено без внимания и должно быть расследовано немедленно. Доказанное сексуальное домогательство может быть причиной немедленного увольнения.

Декларация о политике Корпорации

Официальные и этические стандарты.

Здесь представлены основные правила Корпорации со всеми законами управления внутренних и внешних операций. В реализации этой политики должны выполняться следующие правила:

- 1) *Использование активов.* Использование корпорационных или соподчиненных ей фондов или поддержка любых незаконных целей строго запрещены.
- 2) *Отчетность.* Никаких скрытых или необъявленных фондов или активов Корпорации или любых ее филиалов не должно иметь место ни при каких условиях.

Ни при каких обстоятельствах не допускается фальсификация или преднамеренное изменение в отчетных книгах или любых записях Корпорации или ее филиалов.

Никакие платежи от лица Корпорации или ее филиалов не могут быть одобрены или исполнены сознательно, если любая часть такого платежа направляется на иные цели, чем те, о которых ведутся записи в документации, сопровождающей оплату.

- 3) *Вклады*. Запрещено использование средств Корпорации или ее вкладов в поддержку политических кандидатов, бюрократов или политических партий, кроме узаконенных случаев или тогда, когда это может быть сделано исключительно с письменного одобрения Президента или Вице-президента «Сорез Корпорейшн». Однако члены Корпорации по своей собственной инициативе могут вносить свои личные вклады в поддержку политических деятелей.
- 4) *Конфликты*. Никто из членов Корпорации не может заниматься деятельностью, которая ведет к конфликтам или противоречиям с главными интересами Корпорации или ее филиалов.
- 5) *Прием подарков*. Никто не может рассчитывать или ожидать подарка или любой выгоды, которые могли бы повлиять на суждение коллег в исполнении его или ее обязанностей в главных интересах Корпорации или ее филиалов.
- 6) *Незаконные вознаграждения*. Взятки, скрытая оплата за утайки (приписки) или денежные вознаграждения правительственным чиновникам, поддержка или любые другие финансовые нарушения строго запрещены.

Таковы главные деловые предписания «Сорез Корпорейшн» во всех местных и зарубежных филиалах.

Главный консультант должен нести ответственность за полную координацию и соответствие действий Управления. Он/она должны ежегодно знакомить всех членов Корпорации с настоящими правилами, одновременно осуществляя разъяснительную работу по ним в доходчивой форме. В ответ требуется постоянное подтверждение согласия партнеров с настоящими правилами¹.

Реклама

Реклама по телевидению — дело серьезное и дорогое. Надуть надо миллионы, т. е. вбивать им в голову, что без такого-то товара вам — миллионам — не обойтись. Американец, в меньшей

¹ Benjamin D. Suarez. 7 Steps to Freedom II. How to Escape the American Rat Race. P. 5–27.

степени канадец, в принципе без рекламы чего-то — будь то шампунь, книга, кино — ничего покупать не будет. Знаменитый наш художник Михаил Шемякин в интервью одному из журналов рассказывал, как благодаря рекламе продавали за тысячи долларов банку Манцони (художник-модернист) с дерьмом. Корреспондент в шоке: «Я думала, что это анекдот». Шемякин: «Нет, вполне серьезно. И была борьба за эту банку. Продали ее за 80 тыс. долл. Вышла книга — целая монография. На обложке эти банки. Просто написано: «Мое дерьмо номер 1», «...номер 2». И так далее. И сфотографирован художник в туалете с этой банкой около унитаза»¹.

Я как-то получил толстую брошюру от Ассоциации потребителей Канады, где вычитал, что чуть ли не 99 % так называемых новых товаров, рекламируемых по телевидению, не являются новыми. Они по качеству (ингредиентам) почти на 100 % повторяют старые товары. Изменены только названия. Особенно, кстати, касаются это шампуней.

Не стоит верить и в чудеса превращения лысых в гривастых. Рассчитано на идиотов.

Хочу подчеркнуть: средний американец или канадец крайне манипулируем через ТВ. В мозгах у него то, что вбил этот ящик. Старайтесь не поддаваться на него, иначе тоже начнете покупать дерьмо, как они.

Другие клубы

Наверняка многие уже испытали на себе внимание всяческих клубов: Video Club, Music Club, Book Club. К их предложениям надо подходить очень осторожно. На первый взгляд они готовы вам продать все по дешевке, иногда за 1 цент несколько штук видеокассет или просто кассет (дисков), плюс столько-то по регулярной цене. В контракте оговаривается, что в течение года (иногда двух-трех) вы должны выкупить еще столько-то по клубной цене, что, дескать, дешевле, чем если бы вы это покупали в магазине. Плюс они обещают регулярно, обычно 17 раз в год, направлять вам свои

¹ Огонек. 1995. Окт. С. 67.

бюллетени с информацией — предложением своего продукта. Вам кажется, что вы выгадываете. На самом деле, если подсчитать ваши марки, оплату почты и всю сумму, которую вы выплатили во исполнение договора, ничего вы не выигрываете, а может быть, даже проигрываете, потому что те же самые товары вы можете купить у себя в городе где-нибудь на распродаже дешевле. Как минимум, вы не тратитесь на почтовые отправления.

Но если вы все-таки «клюнули», старайтесь контракт далее не продлять. А через некоторое время начать новый контракт, т. е. вступать с ними в контакт как новичок с причитающимися новичкам первоначальными скидками, тем самым за цент — штуку. Проблема только в том, что они от вас не отстанут после окончания контракта. И даже если вы не подписываете следующий, они продолжают высылать свою продукцию с требованием ее оплатить (в данном случае без скидок). Обычно люди поначалу отправляют назад или не берут эту продукцию на почте. Но некоторые не выдерживают и начинают оплачивать не заказанную продукцию. На это и была рассчитана их психологическая атака. От некоторых клубов продукция приходит запакованная так, что вы обязаны вскрыть посылку, а не приклеенное к ней письмо с сообщением о содержимом. На это и рассчитан эффект. Раз вскрыли, значит, платите. Однако это нарушение прав покупателя, и это нужно знать. В таком случае, т. е. если какой-то клуб продолжает вам высылать свою продукцию, которую вы не заказывали и не имеющую указания на содержимое вне присланной коробки, просто берите и пользуйтесь ей и плюйте на все их письма с угрозой. Ничего они сделать вам уже не могут. Вы ничего не подписывали. А они расплачиваются за свою агрессию. Не вздумайте, как моя жена одно время делала, писать им письма с объяснениями, что вы, дескать, ничего не заказывали и т. д. Вы просто теряете деньги на марках. Никто ваших писем читать там не будет. Точнее, читают... автоматы в одном месте, а посылают... автоматы в другом, никакой связи между ними нет. Я сам несколько раз посылал книжные клубы подальше и по-русски, и по-английски, но мне, как ни в чем ни бывало, вновь приходили вежливые предложения купить еще что-то.

В какой-то степени с выгодой вы с ними общаетесь только в том случае, когда подписываетесь всегда как бы в первый раз. По-

сле получения, допустим, книг в соответствии с контрактом за 4 долл., которые вкуче стоили бы долларов 120, забудьте об этом клубе на какое-то время. И хотя они о вас не забудут, вы на них не реагируйте. Но через некоторое время вы опять можете подписать контракт на покупку книг за несколько долларов вместо сотен. И опять забудьте про них. Таким образом, я за 20 долл. купил прекрасные энциклопедии английской литературы, учебники по мировой истории и ряд других роскошно изданных нужных мне книг, каждая из которых стоила по 50–60 долл. И это абсолютно законно по условиям первоначального контракта.

И последнее. Обычно все иммигранты удивляются, откуда клубы, тотализаторы, организаторы лотерей знают вас и ваш адрес? А это тоже целый бизнес. На выяснении новых лиц с адресами специализируются немалая часть брокеров, продающих адреса. Бывают просто адреса, бывают адреса с указанием количества членов семьи, бывают с указанием профессий, возраста и т. д. Разные «адресные» листы стоят по-разному, и продают они их тем самым организациям, от которых мы и получаем массу всяких предложений, как стать миллионером или, на худой конец, просто богатым.

В общем возможности есть, главное не теряйтесь...

Китай: социализм с человеческим лицом

Поездка в Китай для нас имела особый смысл¹. Я получил командировку от института, а поездку жены оплатил наш сын. Я, собственно, и рвался-то в Китай из-за того, чтобы Валя смогла посмотреть на страну, поскольку она занимается китайской живописью (не бизнесом на живописи, а самим мастерством). Можно было бы поехать и в качестве туристов, но, чтобы почувствовать дух страны, туристического времени недостаточно. Уже прожив довольно много на Западе и кое-что поняв про суть отношений между людьми там, нам хотелось снова посмотреть на жизнь при социализме, который умудрился сохраниться и развиваться во времена глобальной американизации.

Я был в Китае несколько раз, но эта — пятая — поездка несколько отличалась от предыдущих тем, что я увидел Китай, так сказать, не по выборочным или фасадным показам. Более того, в этот раз я увидел Китай глазами моей жены, а также через общение с людьми, что называется, с «улицы».

Каждый из нас в этой поездке имел свой личный интерес. Вале это нужно для постижения сути китайского искусства, мне — для моих научных исследований. В принципе я знал Китай неплохо и до поездки. Макроэкономика, внутренняя и внешняя политика — это то, что я постоянно изучаю, анализирую. Однако последняя поездка дала мне возможность прочувствовать дух китайцев, точнее, то, что делает китайцев уникальной нацией и позволяет им двигаться по дороге своих китайских реформ.

¹ В 1997 г. я вернулся в Россию, прожив в ней до 2001 г.

Мы за два месяца перед поездкой «проглотили» китайский разговорник (к тому же у меня еще не до конца выветрился японский язык), что позволяло нам, по крайней мере, не потеряться на просторах Пекина и Шанхая.

* * *

Московский таможенный досмотр для пассажиров, следующих рейсом на Пекин, несколько отличался от тех досмотров, к которым мы уже как-то привыкли: быстрый и свободный проход всех формальностей. Здесь же сразу ощутили мы какую-то заинтересованность и возбужденность таможенников. Во-первых, пассажиры почему-то предоставляли пачки денег для досмотра (мы уже давно не видели, что люди возят деньги наличными в таком количестве и не очень понимали поначалу причину этого). Скопилась большая очередь, поскольку самолет на Пекин — это огромный аэробус. Таможенники как-то странно себя вели: как бы нарочно тянули время, сами создавали нервозность. На вопрос, почему работают только два таможенника, ответ был до глупости прост: сейчас придут и другие. Кого-то отзывали в сторону, суетились, ругались, оставляли «лишние деньги». Регистрация багажа проходила тоже необычно: кому-то разрешали взять с собой в кабину очень большие сумки, кому-то (именно нам) нужно было сдать даже то, что по всем рейсам проходит как ручная кладь. В конце концов рейс загрузили, русские пассажиры достали какие-то тетради и калькуляторы и началась настоящая работа. Тут только мы сообразили, что это — главный «челночный рейс».

В Пекине наш чемодан пришел со сломанным замком и торчащими вещами. Ну, подумали мы, социализм не изменился. Было довольно противно.

Но тут мы увидели радостного китайца, который держал плакат с нашими фамилиями и зазывно махал руками. Товарищ Ли погрузил нас в очень хорошую машину, и она покатила по пекинским просторам, как нам показалось, без правил движения. Поместили нас в дипломатический городок, огороженный забором, с часовым, приставленным к воротам. Жилье нам «не показалось»: занавески

висели на канцелярских скобках, душевая кабина требовала прочистки с хлоркой, мебель — покрашенные масляной краской фанерные коробки, дверь не прикрывается плотно и пр. Но мы поняли, что это по китайским стандартам хорошее жилье. Еще бы: охраняется, есть все необходимое, вплоть до посуды, вода, газ, туалет и душ. Наличие всего этого количества, хоть и без качества, действительно и определяет высокий уровень жилья. Профессорская столовая предлагала 7–10 блюд. Хотя я и люблю китайскую кухню, но качество этой еды тоже «не показалось». Вспомнилась халтура русских столовых времен социализма. Официанты с не очень чистыми, мягко сказать, фартуками разглядывали нас, новеньких, садились за стол в зале, но чувствовалось желание облегчить нам жизнь с китайским языком и реалиями. Валя пыталась говорить по-английски, и официанты нашли человека, способного понять и объяснить все. Нам тут же подсказали, где можно поесть и купить все дешевле, чем у них. На мои попытки произнести что-то по-китайски, реакция была только одна: их глаза становились круглыми. Мы поняли, что язык общения — пальцы.

Вечером, когда спала жара, мы пошли погулять по городу. Строящийся Пекин не произвел архитектурного впечатления. Похоже на московское строительство 1950–1960 гг. Колорит зданиям придает только крыша — плоский бордюрчик. Уже уставшие и почти без эмоций мы возвращались домой. Вдруг увидели услуги, которых мы не видели никогда, и оживились. В ряд под одним брезентовым навесом располагались мастера ножниц и бритв. Ни воды, ни мыла. Прямо вот так «по суху» и производится подравнивание китайца. Зазывая «за красотой», мастера орали во все горло. Мы, правда, не решились попробовать эту услугу. Все остриженное и побритое за день лежало тут же на асфальте. Стоит это копейки. Китайцы пользуются этим с удовольствием и улыбкой. Но для богатых людей есть прекрасные салоны и с водой, и с едой. Тут же, на улице, мы увидели массажный «кабинет», представляющий из себя кушетку, накрытую «простыней», где ловкие китайцы делают растирания, разминания. Смотреть интересно. Стоит примерно один доллар. Рядом с «медицинским центром», через один метр, продают обувь и суп, пирожки и зелень. Купили в супермаркете еду. Магазины такого типа не отличаются от мировых стандартов. Но нам ска-

зали, чтобы жить дешевле, нужно ходить на рынок и готовить самим. У нас не было такой цели, поэтому на рынок мы ходили только за фруктами. Рынок располагался прямо у ворот нашего комплекса.

Встав на следующий день в 8 часов утра, мы обнаружили, что это уже поздно для рыночных покупок. Все начинается в 6 утра. Тем не менее мы купили килограмм клубники и килограмм груш — все вместе стоило примерно один доллар.

Наш первый завтрак я опишу только потому, что такого больше мы нигде не встречали. Пришли мы в столовую в 9:15 утра. Все было открыто, но никого из посетителей не было. Мы решили, что все уже позавтракали и это поздно, так же, как поздно для рыночных покупок. Но смущало то, что было как-то чисто. Официантка подошла и приняла заказ, но что-то всех нас смущало. Тут же повара вышли куда-то и вернулись с мясом и овощами. Минут за 15 сделали все: принесли продукты и приготовили довольно вкусную еду. Стоило это для нас двоих примерно полтора доллара. Потом официантка подошла и, извинившись тысячу раз, сказала, что они начинают работать с 11 часов утра! Мы были поражены, что, хотя все происшедшее не входило в обязанности работников столовой до 11 часов, наша, с их точки зрения, беспомощность заставила весь персонал начать работу почти на два часа раньше. Тут мы порадовались за человечность социализма. Порядок порядком, а человеческие отношения выше.

Улицы Пекина и Шанхая — эти кровеносные артерии страны — заслуживают особого внимания. Понять движение на них практически невозможно, а только почувствовать всеобщий поток всего и всех вместе взятых. Улицы очень напоминают само движение Китая к цели: все передвигается одновременно в разных направлениях, чувствуя «плечо» соседа и никогда не задевая и не сталкиваясь друг с другом. На протяжении всего месяца мы ни разу не видели дорожных аварий. Это тем удивительней, что машины и люди движутся одновременно в разные стороны. Эту картину надо представить визуально: машины (их много), велосипеды (еще больше), рикши и миллионы пешеходов снуют по дороге в разные стороны вне зависимости от сигнала светофора. Все эти движущиеся объекты понимают друг друга с полупамятки. Причина этого ясна была только тогда, когда один журналист передал разговор с китай-

ским таксистом: «Мы все велосипедисты, передвигаемся на двух колесах с детства». И действительно, ведь велосипедисты там, двигаясь «стеной», не задевают друг друга, легко притормаживают или застывают почти без движения (но как это китайцам удается, непонятно, объясняй хоть тысячу раз). Мне тоже пришлось как-то ехать на велосипеде, так эти миллионы движущихся людей и машин на улице тут же «вычислили» чужака, освободив мне для маневра место на дороге. Я, как ни старался, не мог встать в строй со всеми. Китайцы «живут» на велосипеде: говорят между собой, жестикулируют, ругаются, везут, едут в вечерних одеждах на свои праздники.

Естественно, основным средством нашего передвижение было метро. Почитание иностранцев все же чувствуется. Вроде бы великая страна, но чтят чужаков, видимо, есть все же комплекс какой-то. Там мы всегда были объектом особого внимания, а в метро на нас смотрели, как на зверей в зоопарке: близко и внимательно. Те, кто посмелее, говорили: “Hello”.

У китайцев есть уникальная черта: готовность помочь. Никто там даже и не подумает, что его помощь может навредить, что мы всегда отмечали в Канаде, где лучше ответят, что не знают, чем посоветуют что-то. В метро в Пекине всегда было такое ощущение, что все только и ждут твоего вопроса, чтобы начать принимать участие в его решении. Решения, кстати, может и не быть. Важно участие. Дети реагируют на светловолосых и вертикальноглазых с нескрываемым удивлением. Как-то малыш, не видевший нас, вдруг оглянулся. Он, прямо, застыл и схватился рукой за мать. Я — с белой бородой и совсем «другой», чем привычные ему лица. Наверное, потом, если не будет слушаться, его будут мной пугать.

На площади Тяньаньмынь к нам подскочили две молоденькие девушки и спросили, не интересуемся ли мы китайской живописью? Ну как же, именно ею и интересуюсь. Такая удача: второй день в Китае — и вдруг очень нужное знакомство. «Пойдемте в студию нашего профессора», — приглашают симпатичные и очень радушные девушки (молодежь говорит по-английски. Потом мы поняли, что говорящих по-английски просто нанимают, чтобы звать к себе клиентов). Валя показала фотографии своих картин, и мы поняли, что это вызвало интерес. Девочки позвали профессора, который тут же явился. Галерея представляла собой довольно при-

личное помещение, увешанное картинами. Появление мастера несколько шокировало Ваю, и она даже не знала, как начать разговор, поскольку Мэтр был с распахнутой ширинкой и с удивительно грязными руками. Рассмотрев фотографии Валиных картин, он спросил: а как это вы делаете технически? Валя, преисполнившись гордостью за свои изобретения, ответила, но и спросила художника о его технике. Тот что-то крутил, так и не ответив. Только потом в одном из канонов китайской живописи, она нашла изречение: говори, **Что** ты делаешь, но не говори **Как**. В этом, конечно, есть очень большой смысл: пройди свой путь сам! Думаю, что китаец и не знал этих хоть и китайских, но все же премудростей. Интерес же к нам был проявлен только в смысле продажи картин, что естественно. Нам предложили отобедать здесь же, где на втором этаже жила семья художника. Увиденное потом уже шокировало даже меня, родившегося в бедняцкой семье в российской провинции после войны. В «хоромах» площадью где-то 6–7 квадратных метров жил Мэтр, его жена, тут же спали и «студентки» на матрасах. Содвинув со стола остатки какой-то пищи, накрыли на стол новое яство, и нас «село» за стол 8 человек. Валя, чувствую, зажалась. Китайцы наворачивали «еду» и удивлялись, что мы не едим. Только от попробованного тошнило потом пару часов. Валя опять задала мне тот же вопрос: как же сочетается великое искусство и дух с таким примитивизмом, жуликоватостью и грязью? Визит нужно было как-то заканчивать, и я попросил показать мне туалет. Девочки засуетились и сказали, что туалет недалеко от площади Тяньаньмынь, примерно метрах в трехстах. Это заведение в Китае найти всегда нетрудно. Метров за 100 уже знаешь, куда идти. Уф!

Как нам показалось, китайцы вообще почти не обращают внимания на то, что для европейцев и американцев существенно, — на детали. Ну подумаешь, профессор почти голый и с грязными ногтями, ну подумаешь, что «к столу» нужно пробираться по скользкому от очисток пищи полу, ну потошнило немножко после еды, ну туалет на расстоянии, что можно и не добежать. Но ведь есть же это все! И профессор, и галерея, и действительно гостеприимство, и дом с двух этажах вблизи площади Тяньаньмынь, и пища, и туалет — все есть! Мы искренне порадовались за китайцев, что им и в голову не приходит то, на что другие люди тратят почти все свое время, а иногда и всю жизнь.

Понятие пространства у китайцев тоже особое. Европейец всегда пытается держать свое личное пространство, как бы «охранную зону». Китаец этого не чувствует. В метро, автобусе все стоят так тесно, что для западного человека это просто harassment. Ну никому и в голову не придет, что транспорт — это место для секса или чего-то еще. В транспорте люди едут, и ничего больше.

Чувство расстояния у китайца также другое. Как-то однажды я спросил на улице, далеко ли до площади Тяньаньмэнь? Нет, говорят, недалеко. «Дойду ли я туда?» — «Конечно, дойдете». Пешком я шел до этой площади часа полтора. Видимо, для местных жителей это не расстояние.

Представления о много—мало тоже совершенно другие. К примеру, в разговоре о сотрудничестве между российским Дальним Востоком и северными провинциями КНР (Хэйлундзян, Цзилинь и Ляонин) я говорю, что одна из проблем для нашего Дальнего Востока — малочисленность населения (там проживает менее 8 млн человек). И многие опасаются китайской миграции. В ответ мне говорят, что в их провинциях тоже не так много проживает китайцев. Спрашиваю, что означает «не так много»? Оказывается, «всего лишь» около 100 млн человек.

Чувство времени у них тоже другое. Когда меня приглашали в Шанхай, то имелось в виду, что я там должен в день прочитать две лекции в Фуданьском университете. Я решил, что они займут у меня максимум по часу каждая и останется масса свободного времени. Как же я был удивлен, когда организаторы заявили мне, что на «монолог» они мне дают полтора часа, а потом вопросы. Эти вопросы обычно длились часа два, два с половиной. То есть каждая лекция в среднем у меня занимала часа четыре, а на две у меня уходил полный рабочий день. Любознательность китайцев просто феноменальна.

Институт, в который меня пригласили, находится напротив горкома партии, который охраняется военными при штыках. Производит впечатление очень сильное. Выправка, уверенность, мощь. После знакомства и очень приятной и дружеской беседы нас с женой пригласили в замечательный красивый ресторан «Белая цапля». Очень крупные ученые стояли перед официанткой, просясь на обед. Та чувствовала себя самой главной в Поднебесной, не понимая глупости ситуации. «Добро» было дано, но пришлось еще упрашивать

ее, чтобы разрешила подняться на второй этаж. Умные и интеллигентные люди хотели нам доставить всяческую радость, угостить как хорошей едой, так и красотой. И им это удалось.

После обеда нам хотели показать город, его сердце — центральные улицы. Вдруг откуда-то появился тот Ли, который встречал нас в аэропорту. Показывать нам пекинские магазины оказалось ненужным, хотя мы обратили внимание, что в магазинах есть все, точно так же, как и в Канаде, Италии или Испании, да и везде в мире. Единственно, чего нет в мире в таком количестве, так это книг по китайской живописи, что мы с огромным удовольствием отметили и закупили столько, сколько могли увезти.

Там же мы сделали еще одну покупку, которую не сделали бы больше нигде. Это портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Может, это и покажется кому-то смешным, но, видимо, здесь понимают значение этих людей для мировой истории, людей, изменивших профиль мира, как бы и кто бы к этим людям не относился иначе. Здесь нет портретов матери Терезы или Ганди, Гитлера или Наполеона, икон или шаманских талисманов. Есть творцы того, что кардинально меняло жизнь Китая от бедности до относительного благополучия.

В мае в Пекине было развернуто строительство и обновление старых зданий в связи с предстоящим 50-летним юбилеем КНР. Мы прекрасно знали, что все строительство должно быть завершено ко дню празднования, однако жена решила «проверить» нашего сопровождающего на веру в своих строителей (читай, партию), успеют ли они завершить эти стройки к 1 октября. Ли поначалу даже не понял вопроса. После некоторых уточнений он с уверенностью ответил, что, конечно, успеют, т. к. было принято решение партии на этот счет. Слава богу, подумали мы, что есть еще такая страна.

Нужно отметить, что улицы, площади, храмы и вообще все в Пекине невообразимых размеров. Это поражает какой-то неизбежностью, мощью, уверенностью, вечностью. Находившись до полусмерти по улицам, вернулись «домой». По телевидению показывали праздничный концерт, видимо, посвященный Первому мая. И здесь участников и зрителей — тьмы, и тьмы, и тьмы. Американское удобство и функциональность, права человека и законность, демократия и борьба гринписунов здесь, внутри, в Китае, кажутся

какими-то рефлексиями, укусами. Вместо этого постоянно испытываешь физическое ощущение встроенности в какой-то монолит. По другому каналу показывали свадебный обряд, который проходил на... стадионе! Тысячи пар одновременно вступали в брак! Сначала немного смешит, но потом рождается совершенно другое чувство — ВЕЛИКАЯ СТРАНА!

Телевидение — визитная карточка страны. В Пекине 30 каналов, в Шанхае тоже множество, но не помню точно. Есть в Пекине один канал, так сказать, прозападный. В первые дни нашего пребывания мы иронизировали над парадным китайским телевидением. Радостные артисты поют очень радостные песни под аккомпанемент радостных музыкантов. Женщины — певицы, чтицы, правда, почему-то в военной форме, но очень красивой и симпатично на них смотрящейся, с таким энтузиазмом прославляют свою жизнь, что можно подумать, будто в Китае нет проблем. Бесконечные праздничные концерты и выступающие, похожие на принцесс, — все это производит впечатление предельной оболваненности. Однако стоит только переключить программу на западную, как тут же монстры, черви и бесконечно льющаяся с неба вода придавливают тебя. Музыканты мучают музыку, мысль (если можно так сказать) залеплена наркотиками, внешний вид — никогда не моющихся и не стригущихся людей.

Американские «клипы» выглядят чудовищно и развратно на фоне китайского созидания, то как бы течет отовсюду мороженое, которое нужно съесть, то движения, похожие на движения обезумевших животных. Ни голосов, ни красоты — умирание человека. Хочется тут же переключить этот ужас на «дюймовочек» в красивых кринолиновых платьях. Смешно? Не знаю, может быть, но хочется это сделать. Понятно, что за подбором западных показов стоит недремлющее око партии Китая.

На следующий день нас повезли в очень интересный парк — Парк национальностей. Громадные деревья — баньяны — стоят на страже у входа в парк. Жуткая мощь! И от природы, и от количества людей, и от обилия предлагаемых товаров, от рынков, улиц, произведений искусства, подделок... всего.

Основное свое время Валя проводила на Улице искусств. Я уже больше с ней не ходил, поскольку она часами смотрела на картины, книги, краски и пр.

Вечером опять по телевизору «давали концерт», посвященный антифеодальной революции 4 мая 1919 г. Зрительного зала не показывают, но на сцене, если так можно назвать Это, примерно тысяч десять человек. Зрители — члены ЦК. Одна часть исполнителей слушает и аплодирует другой. Группы то соединяются, то садятся, то встают, то каски наденут, то производят отмашку вымпелами или цветами, то в ладоши хлопают как-то необычно. Все это перемежается радостными чтецами, потом снова выступают солисты, опять хор...

Смотрели мы, честно говоря, с огромным удовольствием и интересом. Рады за китайцев.

Мы было уже совсем себя почувствовали свободно, и Валя уже сама ходила во дворцы, музеи и храмы, как случилось то, что заставило нас немного поволноваться и опять же преисполниться уважением к китайцам. Это были дни, когда американцы бомбили китайское посольство в Югославии, в Белграде. В эти дни мы почувствовали некоторое напряжение в отношениях китайцев к вайгожень, т. е. иностранцам. Американцы передвигались только в своих автобусах, группами, экскурсии — только в группах. Хотя очевидных фактов неприязни я не могу привести, но все же то и дело нам было как-то неловко двигаться: то заденут локтем, то встанут спиной прямо перед носом. Мы, честно говоря, и здесь порадовались за китайцев, как они стоят на страже.

Весь Китай тут же всколыхнулся, студенты, рабочие во всех городах вышли на митинги с протестом против янки. Кстати, эти события, кажется, немного прочистили мозги тем китайцам, которые относились к американцам с симпатией, питая иллюзии о возможности долгосрочного сотрудничества с США. Они еще раз убедились, что с Америкой можно иметь дело только по расчету. Дружьями с ней быть невозможно. В этой связи в частных разговорах они все пытались у меня выяснить, насколько ослабла Россия и когда она наконец поправится от своих «реформ», чтобы в перспективе можно было бы наладить полновесный союз против США.

Произошел и курьезный случай с женой в эти дни. Она пошла купить каких-то пирожков, но проворный и шумный китаец сначала не хотел продавать свой товар «белой», которая, конечно же, американка. Его напарница зашипела на него, что, мол, бизнес ты, крикун, портишь. Но горластый стоял на своем. Нет пирожков для

бэйгожень-янки, и все тут! И только после того, как жена сумела объяснить, что она не американка, а русская, пирожок был тут же продан с дружеским участием. Более того, было сообщено всем близ сидящим продавцам, что эта иностранка — русская, на что те одобрительно заулыбались и закивали — элосы хао (русская хорошая). Кстати сказать, к русским китайцы относятся значительно лучше, чем к европейцам, американцам и японцам (знаю из опросов общественного мнения).

В Пекине многие улицы превращены в рынки, на которых можно купить абсолютно все: любую еду, одежду или мебель. Китайский рынок — это особый мир, живущий по своим неписаным правилам. Живет рынок дважды в день и умирает с 11 до 16, когда жарко. Как-то жена пошла купить фруктов, овощей и всего того, что нам нужно было для питания. Приходит с удивленными глазами и в некотором возбуждении. «Что случилось?» — спрашиваю. «Не скажу. Завтра пойди сам, но только будь на месте в 15:45». Пошел. Я должен сказать, что действительно ничего подобного не видел. Без пяти минут четыре — пусто, вокруг никого. Вдруг «откуда не возьмись» возникли как из-под земли сотни велосипедов, колясок, сумок, лотков, зелени, мяса, рыбы, бобов, фруктов, овощей, тапочек, склянок... не хватает никакого пространства, чтобы хотя бы назвать все то, что разворачивается, раскрывается, начинает жариться и печься. Это действительно невозможно описать, нужно посмотреть. За пять минут рождается шумный организм, который клокочет и орет часа три. Ощущение такое, что ты попал в кипящий водоворот, из которого просто невозможно выбраться. Эти тысячи предметов выгружаются и погружаются на сотни велосипедов, тележек. Сделав свои покупки, китайцы оседлывают свои «мешки на колесах» и спокойно движутся против всякого движения и даже поперек его, болтая между собой прямо во время движения.

В одной из брошюр о туристических достопримечательностях Пекина мы прочитали, что там-то есть «русский рынок», а в американских путеводителях написано — “fake the fake” — обман на обмане. Показалось любопытным. Валя отправилась пообщаться с соотечественниками. Выйдя из метро, она оказалась в окружении рикш и велосипедистов с повозками в виде плоской платформы. Все орали: мадама поехали!!! или дома (дама) поехали!!! Предста-

вить Валу, сидящей на телеге даже моя фантазия не может. Но этого и не случилось, до рынка — метров 200–300, который охранялся солдатами. Это — рынок оптовой торговли, челночный рай. Все надписи на магазинах сделаны по-русски. Иногда очень смешно, когда случайно изменяют букву, по незнанию, к примеру: «шубы и тапки» (шубы и шапки). Парикмахерские, рестораны, карго — все по-русски с китайской неряшливостью. Гостиницы — по-русски. Китайцы говорят по-русски. Местные индусы — по-русски. Вот где производятся и продаются все товары, «произведенные» в Италии, Франции и прочих странах!!! Все этикетки только из европейских стран. Продавцы кричат: привет! Заходи! В некоторых местах орут сразу так: привет-деньдобжий-хелло! Все это действие почти сюрреалистично. Здесь именно можно понять фактическую стоимость товаров. Например, обувь (действительно изготовленную по итальянским колодкам и из замечательной кожи) стоит 10–30 долл., рубашки “Boss” — 5–8 (американцы покупали их просто мешками и на телегу в свою гостиницу), шелковое белье, пижамы, халаты практически бесплатно — примерно 5 долл., зонтики — 1 долл. Именно здесь Валя увидела некоторых Дам с самолетного рейса. Здесь они себя чувствовали хозяевами положения. Тон, походка, пачки денег — хозяева. Над этими Господами есть свои — отдел отправки Добра — карго. Нужно было постоять и посмотреть на трансформацию Господ в Рабов. Очень интересно. Валя захотела купить мне куртку, но первый вопрос от продавца был такой: «Вы какую хотите — итальянскую или французскую?» Фирму-«изготовитель» меняют тут же. Вся французская косметика тоже делается в Китае «за углом». Восток — дело тонкое. За русских было стыдно.

Особо стоит упомянуть рынок жемчуга и рынок у стен Храма неба. Эти места туристам обязательно нужно посещать. Цены, объявленные продавцами, ничего еще не означают. Фактическую цену, за которую почти любой товар продается на рынке, в том числе и хороший жемчуг, можно высчитать по схеме: объявленную сумму делите на 10 и умножаете на 2. Если объявлена цена в 250 юаней, значит, товар можно купить за 50 юаней. Но это если вы хотите потртоваться. Вообще, все в Китае стоит очень дешево, и западному туристу при его деньгах как-то и неприлично покупать за одну копейку настоящий хороший товар.

Китайское жильё внутри, мягко говоря, не впечатляют. Не те, как говорится, стандарты. Да и «удобства» в старых кварталах на улице. Китаец очень ловко управляется с такими удобствами, поскольку жизнь в поле для него привычна. Хотя по телевизору постоянно проходят передачи, как пользоваться современной техникой, а также управляться с унитазами, китаец не сидит дома, он все время работает, что-то производит, а затем продает. Поймал жука, жарит и несет продавать. Воробья, скорпиона, лягушку, змею, короче, все, что летает, ползает, плавает и можно есть, китаец продает, меняет. Не перепродает, а продает созданное (это в основной массе). Поэтому домой он приходит только спать. И до глубокого вечера даже тротуары в жилых местах полны чулками, пирожками, трусами, обувью. Кто-то просто продает воду в бутылках и банках, кто-то рядом делает массаж, кто-то играет в кости.

Сейчас уже многие китайцы могут скопить денег, чтобы купить квартиру по приличным стандартам в больших домах со всеми современными удобствами. Но для них дом, его внутренние габариты и убранства не важны. Квартира — это место, где он спит. Причем недолго. Потому что уже часов в пять утра он на ногах. Делает свои тай-чи или какие-нибудь упражнения из у-шу — и за работу: кто на поле, кто на заводы, кто на рынки. Китаец в основном живет вне дома.

Отношение к религии у китайцев тоже особое. Нет здесь веры в сверхъестественное или загробную жизнь. Даже когда хоронили троих погибших от белградских бомбежек посольства американцами, не было никаких религиозных обрядов. Был только гнев на врагов и естественные человеческие эмоции. Уникальность жизни очень даже ценится в Китае. И когда говорят: их там миллионы, то это — миллионы в духовном единстве. Есть единство человека и природы и особый энергетический дух китайца, который «наращивается» самой жизнью там. Когда бы не посмотрел вокруг, обязательно кто-то попадетя в поле зрения: кто делает какие-либо упражнения из тай-чи, кун-фу и других неведомых иноземцу культур выравнивания духа. Здесь только понимаешь, что никакой дядя Сэм не сможет изменить естество единения духа и тела китайца. Равно и наоборот, здесь любой «сэмоподобный» становится китайцем.

17 мая мы поехали в Шанхай. Мы изъявили желание ехать поездом, хотя немного опасались, вспоминая мои приключения при

поездке из Чанчуня в Суйфунхэ. Здание пекинского вокзала тоже поразило гигантскими размерами. Дворец! Поезд, на котором нам нужно было ехать, сверкал чистотой. В современной России мы давно уже не видели такой ухоженности в поездах, хотя ездить приходилось много. Проводник очень серьезный и работающий парень все время что-то делал, работал в пути, действительно качественно обслуживая пассажиров.

Природа за окном поразила, особенно при подъезде к югу. Это — живые картины: «висячая» вода, субтропические пальмы и растения, названия которых мы не знаем, мостики через крошечные каналы, по которым снуют китайцы (это примерно в 5 часов утра!). Крыши домов с характерными загнутыми краями.

В Шанхае нас ждали и встречали. Город огромный и красивый. Если Пекин удивляет своей историей, музеями, храмами, то Шанхай — размахом бизнеса. На центральной площади построено современное здание театра, напротив — Шанхайский музей искусств, огромные и современные магазины. На самом последнем, 10 этаже гигантского магазина расположен, если можно так сказать, ресторан. По периметру всего этажа разные фирмы предлагают свои блюда разных направлений китайской кухни. Думаю, что предложено было примерно 1000 блюд. Можно выбрать любое и садиться в любое место внутри этажа.

Жили мы в гостинице университета, очень уютной и чистой. Завтрак в гостинице — шведский стол, но все блюда китайские. Еда уже не лезет.

Очень хорошее впечатление произвел Фуданьский университет. На мои лекции приходило множество интересующихся Россией профессоров и студентов. Каждый раз все заканчивалось ужином или обедом с интересным застольным разговором и немислимыми яствами, причем количество блюд доходило до 30. Очень вкусно, по-человечески тепло и интересно.

Особый район Пудонг — это стоэтажные офисные здания со все новейшими атрибутами. Все самые известные мировые фирмы заывают своими светящимися вывесками. Чувствуется, что это именно бизнес-сердце Китая. Нас повели в Башню, высота которой — 420,5 м. Очень гордятся и говорят, что самая высокая в мире. Внутри башни — как внутренний колодец — пустота. Страшно глядеть вниз.

К нам «прикрепили» двух очень симпатичных и хорошо говорящих по-английски девочек, которые показали нам национальный парк прямо в центре города. Пагоды, переходы, внутренние музеи. Очень красиво.

И снова Пекин. Два дня до Москвы. Уезжать совсем не хочется, удивительно.

В предпоследний день я давал интервью иностранным корреспондентам, аккредитованным в Пекине. Среди них оказалось немало американцев, которые ранее работали в Москве. Они с неудовольствием вспоминали свое пребывание в Москве и с восхищением отзывались о Пекине и вообще о Китае. Общий смысл ответа на мой вопрос, чего это они вдруг полюбили Китай, звучал приблизительно так: здесь, в Китае, делается мировая история, поэтому она и интересна. Другие американцы — преподаватели — также стремятся всеми силами продлить свои командировки в КНР. Общаясь с ними, я с удивлением обнаружил, что им нравится эта жизнь. «Но ведь здесь нет никаких привычных американцу условий», — провоцировал я. — «Да, условия совсем другие. Но что-то есть такое, чего нет у нас, на Западе. Здесь, в Китае, все как-то человечнее». «За деньгами, наверное, приехали?» — не унималась моя жена. «Да какие там деньги. По сравнению с американскими деньгами нам платят совсем немного. Но почему-то здесь хорошо. И не нужны им, китайцам, наши „права человека“. У них свои права, человечнее».

Вот такой в Китае оказался социализм с человеческим лицом.

* * *

И в заключение. Первое чувство, которое рождается по прибытии в социалистическую страну человека, «видавшего свет», — это некоторое пренебрежение или даже западнический снобизм, что, мол, бедные китайцы и знать не знают, что же за мир существует вокруг них. А уезжая, последнее чувство — что и не надо этого знать.

Впечатление массового энтузиазма всего населения страны поначалу немножко смешит. Западный человек привыкает к фальшивым улыбкам и в то же время внутренней, глубоко скрытой подавленности. Но это, боже упаси, нельзя показывать. Только “cheese”,

иначе не будет работы, а значит, денег — бедность, задворки. В Китае радостные, энергичные лица, кипение духа и тела сначала умиляют, а перед прощанием с Китаем восхищают. Такое стремление к лучшему будущему было в Советской России 1930-х гг., когда страна возводила днепрогэсы и уралмаши.

Все время себя в этой связи ловишь на мысли: сколько же на улицах Запада попрошаек, душевно и физически больных людей, а здесь, в «отсталом», с точки зрения западника, Китае столько нормальной радости и нормальных эмоций на лицах. Многие могут спросить: а что это такое — нормально? Нормально — это то, что дает надежду и желание надежды на лучшее, продляет это лучшее и природно здоровое, не уродует людскую душу и тело. Да простят меня ванкуверцы, но когда мы с женой проходили по улице Мэйн и Хэйстингс, то всегда внутренне содрогались от ужасного вида людей в богатой и хорошей стране Канаде. А разница между полами если не исчезла окончательно, то слабо теплится из последних сил. Да простят меня москвичи и россияне вообще, более чудовищной трансформации людей я не встречал в других местах Земли. Если это «новый русский», то, как правило, это неуч, хам и вор, а если «старый», то жалкий интеллигент, обшарпанный, без всяких надежд человек. На мой взгляд, вот это и ненормально.

Понятно, что Коммунистическая партия Китая, как ни иронизировать, стоит на страже. Наркотическое или алкогольное уродство противоестественно для нации. Для таких людей у них есть особые места жития, так сказать. Да, может быть, это и правильно — вот такая мысль посетила нас там, в Китае. Работы у них очень много, а жизнь не вечна. Китаец не рассчитывает на загробную (в христианском представлении) жизнь, да и, как правило, китайцы вообще не религиозны. Единственная религия, которая видна невооруженным глазом, — это труд и физическое здоровье нации при жизни. Вот и торопятся, снуют туда-сюда эти миллионы, вытаскивая Китай из грязи. Так что вот такая мысль посещает: при внешней грязи в Китае (я имею в виду улицы, условия жизни) есть в их жизни какая-то чистота, радость и движение к лучшему, а в «цивилизованном мире» при лампочках, вымытых с мылом улицах и бесконечном “cheese” — ощущение видимого человеческого конца.

Гуляя по Италии

В Италии я ни разу не был и почему-то туда и не рвался. Она как-то выпала из моего поля зрения. Напомнил мне про эту страну один мой приятель, побывавший там дважды как турист. Из его рассказов выходило, что там грязь, тучи голубей и жулики. В гостиницах ничего оставлять нельзя — украдут, на улицах — мотоциклисты вырывают сумки, а пацаны пристают, чего-то клянча. Кто-то из других знакомых подтвердил рассказы друга, и у меня сложилось некоторое предубеждение к итальянцам. Ну, думаю, и хрен с ними, все равно я туда не собираюсь.

Но как-то сын обронил, что нам нужно посмотреть эту самую Италию. Я было заартачился, но он резонно сказал, что эта поездка не столько для меня, сколько для мамы, поскольку она художница и ей надо, так сказать, воочить великих мастеров, и что всю поездку он спонсирует. А я — сопровождающий. Раз так, чего не съездить, тем более на халяву.

Жена начала лихорадочно изучать все проспекты и туристические центры, собрала информацию через Интернет даже о часах работы нужных ей музеев. Я заранее купил русско-итальянский разговорник, из которого запомнил несколько слов: буонджорно (здравствуйте), арривэдерчи (до свиданья) и скузи (извините). Правда, и без разговорника я знал слово грациэ, т. е. спасибо. Дальше учить не стал, т. к. сын сказал, что нужно произнести только одно ключевое слово по-итальянски, к примеру, «Уффици», и итальянцы затараторят на своем родном с мимикой и жестикуляцией, настолько достаточной, что не понять будет просто нельзя. После недельной поездки я «обогатил» свой словарный запас еще на два слова:

усчита (выход) и почему-то запомнил пуртроппо, что означает «увы» или «сожалею, но».

Итак, наш туристский маршрут пролегал через Мюнхен во Флоренцию, где мы должны были прожить три дня, затем Рим (два дня), затем опять Флоренция (одна ночь), откуда надо было опять лететь в Мюнхен и оттуда в столицу нашей необъятной ныне криминально-капиталистической родины — Москву.

Поскольку я ехал в эту обязаловку, то все мне казалось уже плохо: в Мюнхене самолет опоздал на час. А где же немецкий порядок? И вообще этот хваленый Люфтганза мне не понравился: как-то все чинно, по-деловому, без души. Правда, пиво было отменное, особенно «Лёвенбрюэ». По крайней мере, лучше нашего «правильного» пива «Бочкарев». Да, еще поразила «картинка» в самолете. Немецкая семья: мать, отец и дочка лет под 5–6–7, сосущая соску. «Ни фига себе, — думаю, — воспитаннице. Неужели у них „свобода“ и на детей распространяется?» Про себя же, не вслух, я не мог не отметить собранности экипажа и всех служб, да и самолет опоздал не по вине Мюнхена, но я тянул «свою песню».

Прилетаем в эту Флоренцию. Аэропорт такой неказистый. «Сервиса» никакого. С трудом разобрались, где деньги разменять на их лиры. Пока меняли, выстроилась очередь на такси. Ну, думаю, надолго. Валя — в очередь, а я пошел выяснять, можно ли в центр на другом транспорте доехать. Спрашиваю одного итальянца на английском, он мне, естественно, бурно отвечает на своем тарбарском. Я ни черта не понял, возвращаюсь к такси. Глядим, минут через 15 наша очередь подошла. Едем, и минут через 10 мы уже у цели, т. е. у пятизвездочной гостиницы “*Helvetia & Bristol*”. Когда подъехали, было на счетчике 15 тыс. лир. Но таксист как-то крутанул счетчик, и стало 21 тыс. И тут все так, как мне говорили. Валя, видно, вспомнила прочитанную ей информацию об Италии, да и слова сына, что в этой стране чаевые — это норма, дала 25 тыс. лир. Мое сердце заныло. Чувство пролетарской справедливости, заложенное во мне с детства, давало о себе знать. Ну и черт с ними со всеми.

После оформления формальностей портье подхватил наши полупустые сумки и полетел в номер, криво изогнув спину, за что опять же полагалось дать тысяч пять. Я внутренне негодовал, вспомнив свои поездки в любимую Японию, где просто невозмож-

но дать чаевые, даже если ты захочешь. Обязательно до иены тебе выдадут сдачу, а если не берешь, то пришлют. Итак, в комнате воды в графине нет, зубной щетки с пастой нет. Мне было все равно, что номер состоял из двух шикарных комнат, задрапированных в шелк, с видом на замок Медичи, что все благоухало и свежие розы лежали на столе. Но вот не было зубной щетки, и все тут. Ванная комната сверкала известными на весь мир мраморами, благоухала и готова была нас обнять и успокоить маслами и благовониями, но я хотел кафель, справедливости и зубной щетки. А когда к ночи постучали и предложили разобрать кровать, мои представления о норме просто затрещали. Мы скромно отказались.

На следующий день по Валиному плану идем в знаменитую (естественно, не для меня) картинную галерею — Уффици. Эта галерея — одна из самых известных в мире. Леонардо да Винчи, Микеланджело, Боттичелли, Джотто и другие великие имена, которых я, естественно, знал по книжкам, но сердце мое стучит в такт с мыслью, а не с красотой. Должен сказать, что незадолго до этой поездки я прочитал интересную статью об измерении *энергетики красоты*. Оказывается, *чем истиннее красота, тем сильнее энергетика*, исходящая из нее. Я, собственно, и заинтересовался этой статьей потому, что приходящие к нам в дом люди рассматривали картины моей жены, подолгу не желая расставаться с ними. Все в один голос говорили, что не хочется торопиться, а у некоторых улучшалось физическое состояние. Правильно на Востоке говорят: красота — это сгусток истины.

Итак, прежде чем попасть в эту галерею, мы отстояли очередь в два с половиной часа. Но даже я не пожалел — впечатляет. Единственное, что мне показалось не очень — это лестницы. Такие про-остенькие, не галереечные. В Эрмитаже намного богаче. А картины и скульптуры — тут слов нет. Правда, на всех или почти всех произведениях изображен Христос, так сказать, в различные годы жизни и особенно смерти. Видимо, в те времена он был очень популярен. Мое внутреннее ощущение изменилось на противоположное: удивление от красоты и могущества культуры, которая стояла у истоков человеческого развития. Ощущение сопричастности к местам, откуда, как из вулкана, извергается невиданная энергия красо-

ты, уже не оставляло меня. Валя в восторге. Мне ничего не оставалось делать, кроме как присоединиться к ее восторгу.

Затем стали осматривать другие достопримечательности города, и тут со мной случилась оказия, которая заставила вспомнить рассказы друга. Идем от вокзала, навстречу мне то ли цыганка, то ли итальянка с ребенком на руках. Она приставляет к моей груди какую-то картонку, на которой стоит стакан. «Намек»: кинь что-нибудь в стакан. Думаю, что это я ей буду подавать, когда своих нищих в Москве пруд пруди. Я, упираясь в ее картонку, отгалкиваю ее молча, сверкая очами. Она не отстает и что-то тараторит. Я уже было собрался схватить ее картонку и разорвать на куски. Но тут из моего кармана выпадает калькулятор и портмоне, в котором, между прочим, Валина кредитная карточка, наши деньги, плюс билеты в Рим и обратно. Только в этот момент я сообразил смысл ее картонки. Упирая ее в грудь, она другой рукой под картонкой шарила по моим карманам. Но из кармана вместе с портмоне вывалился и калькулятор, что произвело шум при падении. Короче, стибрить ей мое портмоне не удалось. Валя потом долго не могла успокоиться (а если бы стащила?), а я же не мог не оценить хитроумный способ очищения карманов. Проехали.

На следующий день мы продолжили осмотр музеев и города, центра, так сказать, знаменитой Тосканы. Упомопрачительно. Весы моей души снова качнулись в другую сторону и уже замерли в таком состоянии, придавленные соборами, Вратами Рая, античными красотами и невидимой энергетикой Микеланджело. Отсюда началось Возрождение. Собор Санта Мария дель Фьоре (Собор Св. Марии с цветком) завораживает. Высота купола 107 м. Но главное — фасад. Я такой росписи и архитектуры нигде не видел. Уникален собор, где похоронены Данте, Микеланджело, Галилей, Маркони (изобретатель радио). Город очень необычен, династия Медичи постаралась. Дух великих итальянцев ощутим физически. Музей Академия хранит символ Возрождения — «Давида» Микеланджело, который в своей огромности и величии покоряет всех пришельцев, а «Раб» все так же несет свой камень, из которого он уже много столетий не смог выбраться и не выберется никогда. Капелла Медичи бережно хранит в усыпальнице надгробные скульптуры, сделанные своим гениальным тосканцем.

Теперь уже вся жизненная мишура с ее торговлей у стен Храма, обманом, чаевыми и карманниками ничего не могла изменить. Я был покорен.

Через два дня поехали на Евростаре в Рим. Доехали за 1 час 50 минут. Скорость — около 150 км/час. Удобно, быстро. В Риме поселились в пятизвездочной гостинице Regina, в центре города. Там тоже не было зубных щеток и пасты. Мы попросили их включить в «сервис». Нам их включили за 10 тыс. лир. Опять же по Валиному плану начали осматривать классические достопримечательности, начиная с Колизея, оттуда глаза на Римский форум, затем перешли на площадь Венеции, на которой возвышается очередной шедевр — дворец с гигантскими скульптурами. Настолько все это огромное, что ни в один фотоаппарат это не может войти. Или далеко и мелко, или крупно, но частями. Затем Пантеон, площадь Навона, знаменитый фонтан Треви, площадь Испании со знаменитой Лестницей, усыпанной туристами. Не пропустили музеи и галереи Боргезе, замок Св. Ангела и еще различные соборы и музеи, названия которых я не запомнил. Но причастился.

Уставшие, вечером пошли в китайский ресторан, который, как оказалось, содержат шанхайцы. Я с удовольствием попил одно из своих любимых «пив» — Циньдао. В ресторане поговорил с двумя японками — студентками какого-то малоизвестного университета в Токио, которые чуть не свалились со стульев, услышав, как вертикальноглазый говорит с ними на японском. На прощание попросил передать привет императору. Они, сильно засмутившись, переспросили: самому императору? Да, говорю, Акихито-тэнноо. Тут выяснилось, что они не знали имя нынешнего императора. Здесь уже мне пришлось поразиться. Первый раз я столкнулся с тем, что японец, в данном случае японки, не знал имя императора. Ну, думаю, правильно старики говорят о проблеме Синдзинруй (проблема Нового поколения). Да, не та молодежь пошла.

Кстати, несколько раз мы встречали и русских. Одну, что удивительно, в качестве продавщицы в магазине. Оказалась студентка, подрабатывающая на жизнь.

Следующий день оказался пиком нашей программы — мы пришли в Ватикан. Вся площадь Св. Петра заполнена народом. Валя умудрилась пройти далеко вперед и через какие-нибудь 20 минут

мы попали в Собор Св. Петра. Внутренние масштабы поразительны. Такое впечатление, что там поместились бы все сооружения Кремля. Внутренние барельефы, скульптуры — словами не передать. Вершина творения Микеланджело — Дева Мария с Христом на руках, так называемая «Пьета», помещена в отдельной нише, защищенной от всех видов доступности, кроме глаз. Об этом не рассказывают — это надо зреть. Скопление же народа объяснялось тем, что должен был выступить папа. День был воскресный. Он и выступил. Мы его, правда, не увидели, но очень хорошо слышали. Несмотря на его немощь, голос у него оказался довольно бодрый. Валя предположила, что это вещает его радиозапись. В любом случае, приобщились.

На следующий день посетили Сикстинскую капеллу. Рафаэль, Микеланджело. Хотелось только молчать.

* * *

Да, мы попали в удачное время — все музеи до 1 апреля принимали гостей-туристов без билетов. Только в Сикстинской капелле, в которой мы побывали 2 апреля, с нас взяли по 16 тыс. лир.

В Риме столкнулись с такой странностью. Пиво внутри ресторана или бара стоит, например, 5 тыс. лир. То же пиво за столиками перед рестораном — 14 тыс. лир. Почти в три раза дороже. Это касается и других блюд. Но какая страна без странностей.

Итальянцы оказались очень милыми людьми: открытыми, общительными, готовыми помочь. В какой-то степени похожими на русских эпохи социалистического застоя. Арривэдерчи, Рома.

Уезжали мы из Италии с теплым чувством удовлетворения, вдохновленные их культурой и техникой очищения карманов.

В аэропорту в Мюнхене мне надо было скинуть немецкие марки, которые я с великим удовольствием отдал за родного поэта «Пушкина» в виде водочного напитка в очень красивой бутылке. Жду собутыльника, чтобы осушить «Пушкина» до дна и рассказать мою историю.

Германия, Donnerwetter

Когда в школе при переходе в 5-й класс мне предложили на выбор иностранный язык для изучения: английский, французский или немецкий, — я выбрал немецкий. В 12-летнем возрасте мне казалось, что язык врага надо знать. Но по мере изучения этого языка, сопровождающегося ознакомлением с немецкой литературой, а позднее и немецкой классической философией, мне все больше и больше стала нравиться Германия и немцы. И хотя волею обстоятельств я не стал профессиональным германистом, Германия всегда была под моим пристальным вниманием. После трех поездок в ГДР немцев я полюбил еще больше.

И вот подвернулась возможность съездить в ФРГ, правда, в качестве туриста и всего на неделю. Как обычно, перед поездкой я навестил своих знакомых, бывавших там, чтобы составить некоторый туристический план и спросить об общих впечатлениях о стране, чтобы потом сравнить со своими. Некоторые мои друзья, один из которых — профессиональный германист, как-то неодобрительно отзывались о западных немцах в том смысле, что они заносчивые, жадные и вообще не такие, какими я их себе представляю. Что же, надо проверить, насколько они правы. Недельку-другую я посвятил немецкому языку, который изрядно подзабыл. Какие-то бытовые клише вспомнил, но при разговоре все равно вылезал английский. Думал, что восстановлю на месте.

Гамбург без гамбургеров, но наших там было

Поехали мы с женой по маршруту: Москва — Гамбург — Любек — Мюнхен — Москва.

В Гамбурге мы поселились в гостинице *Europaischer Hof* напротив вокзала. До всех достопримечательностей рукой подать.

Гостиница ничем не примечательная, но функциональная. Все, что надо, есть. Завтрак включен в стоимость проживания (что существенно для туриста, можешь лопать «от пуза»), есть бассейн с джакузи, сауной и другими водными игрушками. Правда, когда мы с Валею после бассейна ринулись в сауну, там обнаружили голых мужиков и баб, возлегавших рядом, а также прогуливающихся в «предбаннике», так сказать. Мы засмутились и быстро ретировались. Наш «культур» явно «не потянул». Как-то у нас еще не вошло в привычку греться голыми с незнакомыми людьми. У немцев же это запросто: хоть греться, хоть купаться. Однако в гостинице проживают не только немцы, но и «дети разных народов». Мы, правда, и не стали выяснять национальную принадлежность голых, но здесь это и не нужно было. Голое состояние для них, видимо, так же естественно, как и для животных.

В первый же вечер, гуляя наугад по одной из улиц, мы обнаружили так же удивившую нас картину: загадочные взгляды и позы парочек однополых существ. Хотя я подобные специфические отношения не понимаю (меня не убедил даже Сократ), но для Западной Германии, вернее, для «западных» стран вообще, это стало нормальным. Непривлекательные фрау, лишённые женской обаятельности, я имею в виду даже морфологические изменения внешности, маршируют по улицам с деловым выражением тела и лица. Так что мужчинам, наверное, поневоле приходится любить друг друга. В Восточной Германии я все-таки встречал весьма привлекательных женщин, а в Западной почему-то нет (хотя я знаю причину, но не здесь ее излагать). И опять же, как ни странно, старушки у них получают очень милыми, такими седовласыми и благообразными. На молодняке — печать вырождения. Не сразу даже сообразишь, какого пола объект.

И все же в Гамбурге мы встретили не просто красивых, а очень красивых девушек. Но оказалось, что они наши российско-холоцкие «Наташи», подтверждающие утверждение тов. Маркса о том, что при капитализме и тело становится товаром. Хотя я не на сто процентов согласен с классиком (думаю, что не всякое «тело» можно продать), но тела наших «Наташ» — это один из немногих товаров, которые конкурентоспособны на рынках любой страны и любого континента.

А продают они свои тела на улице Steindamm, состоящей из одних секс-шопов, в витринах которых призывно выставлены некоторые органы человеческого тела. Жене почему-то стало противно, и мы, внутренне осудив себя за бескультурие и ханжество, ретировались и с этой улицы.

Следующий день мы посвятили искусству, которое было сконцентрировано в двух музеях — Галерее современности и Музее искусств. Эти два здания связаны между собой. Надо признать, что там собрано действительно много шедевров. Валентина профессионально изучала стенку за стенкой, я без возражений выслушивал ее комментарии, поскольку своих мыслей у меня почему-то не возникало. Для приличия я выразил восторг — о-о! — при виде картины Рембрандта (портрет Морица Хьюйгенца, секретаря госсовета). Но я искренне восхитился, наткнувшись на современные «картины», судя по всему, немецких «абстрактивистов». Особенно поразили две работы: одна — полотно метра полтора на полтора грязно-серого цвета, на котором ничего не было нарисовано. Или художник забыл что-то туда поместить, или он положился на воображение зрителей, которые сами могут заполнить любым сюжетом это серое пространство. Вторая картина была посодержательнее. Полотно такого же размера с аналогичным буйством красок, но в середине шедевра нарисован булыжник. Булыжник вызвал у меня море ассоциаций: орудие пролетариата, Россия, пролетариата много, булыжников нет, революция не предвидится... И я запечалился. Затем встрепенулся: зародилась мысль. А что если устроить свою выставку из такого же типа картин на Манежной? Родился, как теперь говорят русские, ПРОЕКТ.

Запомнилась еще одна картина из-за фамилии художника — Оскара Кокошки (я в школе дружил с Таней Кокушкиной). Нарисо-

вал он «Девочку с куклой» (1922 г.). Девочка напомнила мне наших комсомолок 1920-х гг., только очень страшная и вместо маузера или серпа держит куклу. Написано в экспрессионистской манере, отсюда и уродство. Импрессионисты мне нравятся больше. Там была картина Эдуарда Мане «Нана» (не путать с музыкальной группой «Нана») — очень аппетитная девушка, мнение, которое, судя по всему, разделяет мужик с усами и цилиндром, попавший в эту картину.

Поневоле я запомнил имя немецкого художника Филиппа Отто Рунге, скорее всего потому, что он жил во времена Гете, Тика и Гегеля. А картины его не запомнил.

На следующий день мы посетили зоопарк, который в Гамбурге называется не Zoo, а Tierpark. Зоопарк хорошо выстроен, маршрут для зрителей четко спланирован. Звери сытые и ухоженные. Только почему-то сибирский тигр выглядел печально. Видимо, тосковал то ли по Сибири, то ли по России, а зря. Если бы его не продали в Гамбург, то на родине его давно бы уже пристрелили или он сдох бы там с голоду. Он явно не знает, что его сородичи-сибиряки стали жить меньше, чем среднестатистический россиянин. Единственное, что не понравилось в этом зоопарке, так это платные туалеты. Ну а трехметровые гризлы и розовые фламинго — слов нет.

В остальное время мы посещали множество кирх, гуляли по городу, сходили в знаменитый порт. Порт как порт, такие я видел везде. Вообще-то город мне «не показался». То ли потому, что он был полностью разрушен американцами и посему восстановлен после войны, утратив довоенную специфику, то ли потому, что это просто индустриальный город. Хотя что-то от старинного сохранилось симпатичное. Например, ратуша, в центре города озеро, протестантские соборы.

Удивило метро, их У-бан (U-bahn). Нет никаких турникетов, контролеров на входе и выходе. Билеты, видимо, проверяют контролеры, как у нас в автобусах или троллейбусах. Какая экономия: подсчитайте, сколько уходят средств на содержание армии билетчиц и прочих проверяющих на входе—выходе, на закупку турникетов и будок в московском метрополитене. Все это, в принципе, не нужно. Почему бы не использовать этот опыт. Хотя, пардон, я забываю, что это не для России. Русские только тем и занимаются, что придумывают себе проблемы, а затем героически их решают. Кста-

ти, эскалаторы в метро и в подземных переходах начинают работать только тогда, когда кто-то наступит на первую ступеньку. А когда никого нет, то и эскалаторы не двигаются. Вот еще одна статья экономики. Правда, опять не для России.

Да, в отличие от русских и прочих «шведов» немцы все еще не привыкли переходить улицу на красный свет. А если кто-то переходит, значит, он не немец.

Любек нельзя не полюбить

После Гамбурга мы поехали на электричке в Любек, что в 40 минутах на Севере от Гамбурга. Поселившись в гостинице Radisson SAS, тут же отправляемся в город и попадаем в средневековую сказку. Городок небольшой (218 тыс. жителей), окружен со всех сторон каналами и рекой. Напоминает городки из сказок Андерсена. Или из сказки Пушкина о царе Салтане (там за тридевять земель город есть и т. д.) Архитектура XII–XVIII вв. Каждое сооружение индивидуально и красиво. Готика перемежается с барокко. Рынок, окруженный кирхами, — одно из красивейших мест города. Запоминается дом Будденброкков на Mengestrasse, 4 (барокко). Вообще, на этой улице много красивых домов, принадлежащих торговцам. Столь же выразительны две основные улицы — Konigstrasse и Breite Strasse. Мы с Валею, изучив внутренние улицы и посетив основные кирхи и соборы, затем прошли город по краям, т. е. по-над каналами и их знаменитой рекой Траве, любуясь набережными. Сказочное впечатление, запоминающееся надолго.

Затем мы взяли билеты в Мюнхен через Гамбург. Кассирша, кстати, нас сильно выручила, порекомендовав взять билеты туда и обратно. Оказалось, если бы мы взяли билет только в одну сторону, то это нам стоило бы на двоих 550 марок, а туда-сюда — 370 марок. 180 марок она нам подарила, за что ей *danke schön*.

На следующий день поезд отходил в 10:03. Мы, естественно, на вокзал пришли по-русски, как минимум за полчаса до отхода и спустились на платформу. Поезда нет. Без пятнадцати десять Валя начала волноваться. Я вынужден был спросить у стоявшего рядом парня, не опаздывает ли поезд? Он ответил, что еще рано, т. к. по-

езд отходит в 10:03, а сейчас только без десяти десять. К нашему удивлению, поезд подошел в 10:01, все сели, и в 10:03 поезд отправился в путь. Никто, кроме нас, даже не удивился, что поезд подошел за 2 минуты до отправления. Никакой давки, никакой спешки. Все по минутам.

Приехали в Гамбург в 10:48, а из Гамбурга должны выехать в Мюнхен в 11:05. Переходим на другую платформу. В 11:02 подходит поезд, садимся, в 11:05 отъезжаем и мчимся в Мюнхен со скоростью 133 км/час. Шесть часов езды. Минута в минуту, как в расписании и зафиксировано, проезжаем Ганновер, Геттинген, Кассель, Фулду, Вюрцбург, Аугсбург и, наконец, Мюнхен. Я после Ганновера заснул, а Валя мне рассказывала, какие у них ухоженные поля и очень зеленая трава, и все такое прочее. Меня этим уже не удивишь: они везде ухоженные, кроме России. Мы на такие пустяки силы не тратим. Зато мы делаем ракеты. Я имел в виду «делали».

Мюнхен — уже не столица Баварской советской республики

И вот мы в Мюнхене. Внедряемся в гостиницу Eden Hotel Wolff. И тоже напротив вокзала. И опять же все их достопримечательности в двух шагах.

Мюнхен архитектурно напоминает нам Париж, только в сжатом виде. Шаг за шагом мы осваиваем все достопримечательности в квадрате вокзал — Новая Пинакотекка — Университет Людвиг Максимилиана — старая ратуша. Внешне самое красивое здание — новая ратуша, которая является, по мнению баварцев, самой красивой ратушей Европы. Побывали мы во всех кирхах и соборах, кроме самой красивой — церкви Асам. Ее мы случайно пропустили. Кстати, внутренне убранство немецких церквей и соборов весьма скромное. Оно резко контрастирует с золотой мишурой русских церквей. Контраст имеет причины. Православная церковь призвана своим внутренним великолепием подавлять мирянина, напоминать, что он червь, раб божий. Даже несмотря на бедность страны, во все времена истории России государство на церковь денег не жалело

(кроме, понятно, периода Петра I и Советской власти). Храм Христа Спасителя тому пример. Народ пухнет с голоду, страна корчится от бедствий, а золото для храма находят. Это обычное явление в недоразвитых странах Востока и Запада.

Немцам не надо пускать пыль в глаза. Убранство церкви соответствует ее функции, а не показухе и подавлению человека. В первую очередь это касается протестантских церквей и современных соборов всех типов.

Очень удивил Национальный театр на площади Макса Йозефа тем, что он сильно напомнил нам Большой театр в Москве. В Мюнхене много музеев. На городское население в 1 300 тыс. человек 24 крупных музея. Мы, естественно, двинулись в знаменитую Старую Пинакотеку, в которой выставлены картины XIV–XVIII вв. Есть еще Новая Пинакотека, но туда я категорически отказался идти, поскольку не было желания глазеть на уродов, нарисованных, к примеру, Пабло Пикассо и ему подобными «умельцами». В «Старой», как говорится, знакомые все лица: Рафаэль, Тициан, Ван Дейк, Хальс и т. д. Где-то я прочел, что здесь хранится самая большая коллекция картин Рубенса, а Валя сказала, что в Лувре больше. Ну и ладненько.

В наш заход здесь оказалась спецвыставка работ Якопо Тинторетто (Jacopo Tintoretto) из цикла Гонзаго. О нем я ничего не знал, так же, как и о многих других, и думаю, вскоре забуду это имя. Не знал я и о Якоби Робусти, который мне напоминает Тициана позднего периода, поскольку раннего периода я не знаю. Но одна картина доселе неизвестного мне художника Карина Михаила Пахера (1435–1498) врезалась мне в память. Нарисован черт со второй башкой на заднице. Очень странное зрелище и, как назло, запоминающееся.

Если же честно, то я поймал себя на мысли, что ни картины, ни галереи почему-то не произвели на меня такого впечатления, как это было во Флоренции и в Риме. Вроде бы и там, и здесь те же Рафаэль, Леонардо да Винчи, Тициан... а что-то не то. Не могу понять, в чем дело.

Большое впечатление произвела знаменитая мюнхенская пивная — Hofbrauhaus. Это та, где Гитлер замышлял свой путч, а Ленин за 20 лет до него задумывал великие деяния в России. Сидят веселые немцы, некоторые в своем баварском одеянии, что-то орут,

пьют пиво из литровых бокалов и пожирают ножку молодого поросенка. Мы с Вале́й тоже приобщились. Здание пивной, между прочим, было открыто аж в 1591 г., и с того времени в ней кто только не побывал. У многих завсегдатаев есть свое персональное место, отмеченное табличкой, которое, как абонемент, действительно на год или больше, в зависимости от срока приобретения. Если пришел владелец места в самый посещаемый час, а его место занял случайный посетитель, то место немедленно освобождается. Завсегдатаи чаще всего имеют свои кружки, сделанные из фарфора с инкрустацией, которые после трапезы запираются на ключ цепью.

Мы, конечно, съели ножку молодого поросенка, но в целом нам немецкая кухня не понравилась. Поэтому мы столовались в китайских ресторанах. Что любопытно: если в Гамбурге эти рестораны можно было встретить на каждом шагу, то в Мюнхене нам пришлось приложить усилия, чтобы их отыскать. То ли китайцы игнорируют Мюнхен, то ли мюнхенцы не жалуют китайскую кухню.

В Мюнхене сталкиваемся с интересным и неожиданным явлением. Валя зашла в обычный обувной магазин, рядом парень спокойно закладывает понравившиеся ему ботинки в рюкзачок и спокойно удаляется от магазина. Валя как-то не сумела даже среагировать, полагая, что он пойдет расплачиваться вовнутрь магазина. Но владелец «бесплатной» обуви быстро удалился. Когда мы поднялись на второй этаж, там обнаружили несколько пар старой обуви, задвинутой под примерочные лавки. Видимо, кто-то, примерив новую обувь, в ней так и уходил, оставляя свою старую. А на первом этаже, где надо расплачиваться, никто на это не обращал внимания. Вот вам и немцы.

Между прочим, в Альбоме достопримечательностей Мюнхена среди трех десятков исторических дат почетное место занимает дата с упоминанием имени Ленина, жившего там в «ссылке» в 1900–1902 гг., и возникновение Баварской социалистической республики в 1919 г. Уважают.

Религия и политика

Кажется, только в преамбуле Конституции ФРГ записаны слова: «В полном осознании своей ответственности перед богом и че-

ловечеством...». Такие слова предполагают набожность немцев. Однако процесс дехристианизации коснулся и Германии. Известно падение числа верующих в Англии (до 7–10 % от всего населения). Во Франции половина населения — неверующие. Та же тенденция в США и Канаде. В Германии, особенно после объединения с ГДР, число неверующих также увеличилось. В пяти новых землях 70 % населения не относят себя ни к какой религии. Ныне католики и протестанты образуют по трети населения Западной Германии, но тенденция четко обозначилась понижательная. Но даже верующие христиане не всегда могут объяснить, какому богу они поклоняются. Ритуальное крещение детей еще сохраняется, но оно все чаще уступает даже в западной части Германии нерелигиозной церемонии вступления во взрослую жизнь (*Jugendweihe*), которая была распространена в ГДР. Все это ведет к тому, что даже некоторые теологи, такие, как немецкий парламентарий Вольфганг Ульман, протестантский теолог из партии зеленых, в ходе предвыборной борьбы 1993 г. потребовал изъять из преамбулы Конституции упоминание бога. В целом же о боге в Германии дискутируют не так часто, как в других европейских странах, позволяя ему без лишнего шума исчезнуть с арены общественной жизни страны. Хотя, возможно, немцы, в отличие от других, неукоснительно следуют одной из 10 библейских заповедей: не упоминай бога всуе.

И все же, в отличие от англичан и американцев, немцы более политизированы. Все они расколоты на различные политические течения и весьма активно враждуют между собой. Несколько проблем, присущих только Германии, поляризуют страну. Одна из них — отношение к прошлому, которое в формулировке Генриха Бёля звучит так: *Vergangenheitsbewältigung*. Речь идет об отношении к нацизму. Эту тему педалируют политики, писатели и ученые левого и христианского направления, такие, как упомянутый католик и писатель Генрих Бёль, бывший президент Германии Рихард фон Вайцзеккер, лауреат Нобелевской премии, сторонник СПГ писатель Гюнтер Грасс.

Другая проблема — отношение к гастарбайтерам, т. е. к иностранным рабочим. Эта тема стала еще более актуальной в связи с активизацией фашистских организаций или так называемых «Новых правых», острие деятельности которых направлено против

иностранцев. На их стороне, как ни покажется странным, немалая часть населения бывшей Восточной Германии. Хотя странного ничего нет, т. к. проблема в рабочих местах, которые захватывают иностранцы из-за более дешевой рабочей силы.

Третья проблема — отношение к бывшим гэдээровцам и взаимоотношения последних с западниками.

В Германии довольно высок уровень критического отношения к капитализму как системе. Я был удивлен, увидев книгу под названием «Черная книга капитализма» (Schwarz Buch Kapitalismus), написанную Робертом Курцем. Я ее тут же купил, несмотря на дороговизну (68 марок) и толщину (816 страниц). Таких книг я до сих пор нигде не встречал. Обычно везде распространяют Черные книги коммунизма.

Интересны и немецкие газеты, в которых всегда есть приложения с весьма любопытными аналитическими статьями на политические темы вокруг капитализма.

* * *

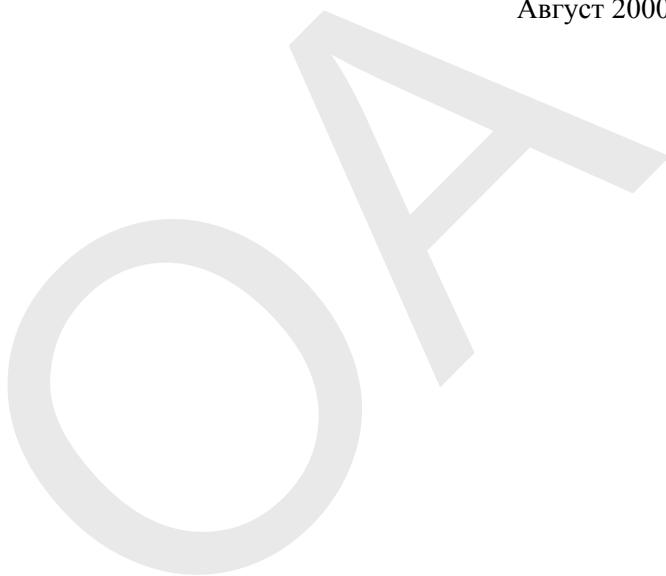
В целом немцы производят впечатление сытой и довольной нации. К сожалению, мне не пришлось с ними общаться вплотную, т. е. поговорить подетальнее и глубже об их обществе. Все-таки туристическая поездка не предполагает серьезного исследования страны. Кроме того, я обнаружил, что мой немецкий язык все-таки не на том уровне, чтобы я мог говорить на нем о серьезных вещах. В Мюнхене, кстати, я вообще почти ничего не понимал, когда баварцы общались между собой. Я, естественно, знаю, что в Германии масса диалектов (сам я говорю с саксонским произношением), но баварский, по-моему, даже уже не диалект, а другой язык. В книжном магазине даже увидел «Немецко-баварский словарь». Между прочим, опять же где-то читал или слышал, что баварцы себя даже не относят к немцам.

Несмотря на все это, через телевидение и газеты я почувствовал, что немцы то ли прошли, то ли проходят свой пик развития. Тупые забавы, демонстрирующиеся по телевизору, заикленность на сексе, на голости, неосознанное стремление уйти в животный

мир — это то, что лежит на поверхности, а также масса аналогичных «деталей» говорит о том, что пик все-таки пройден. Начинается, пока еще для многих незаметная, фаза разложения. Это уже находит свое выражение в живописи, лишенной смысла и духа, и особенно во внешности женщин, стремящихся перестать быть женщинами. Избыток изобилия действительно разлагает общество.

Какой же вывод? Его пока нет. Поэтому немцев и Германию я продолжаю любить.

Август 2000 г.

Испания и Португалия: страны не «золотого миллиарда», но очень позолоченного

Я много раз пытался прочитать «Дон Кихота», но после страниц тридцати забрасывал эту книгу для следующего раза. И так повторялось не один раз, пока я не понял, что этот шедевр мировой литературы мне не одолеть. Может, Сервантес «не пошел» потому, что я не интересовался Испанией или от меня был сокрыт очень глубокий смысл написанного, но я был безразличен к Испании как к государству, хотя мне нравился испанский язык, в основном из-за двух звуков: звука «х» и двойного «рр». Первый звук превращает Иисуса в Хесуса, а пассажиров в пасахэрос, а второй еще больше революционизирует слово революция, придавая ему атакующее звучание — Рреволюсьон. В этой связи с детства мне казалось, что все испаноязычные страны должны быть жутко революционными.

Но тут мой сын Герман предложил нам съездить в Мадрид, чтобы сменить однообразность российских дней на что-то яркое, да и Вале подпитаться новыми впечатлениями от мировых музеев. В этом смысле Мадрид вполне подходящее место. А поскольку моя жена без меня не любит никуда ездить, я вынужден был оторваться от своего научного опуса (честно говоря, он мне уже изрядно надоел) и принять предложение ее сопровождать. О Мадриде я почти ничего не знал и, опасаясь заскучать в путешествии, предложил съездить еще куда-нибудь. Поначалу встал выбор между Барселоной и Лиссабоном. Одни советовали Барселону, другие — Лиссабон. Выбрали Лиссабон: все-таки за одну поездку — сразу две страны, да к тому же там останки Васко да Гама, а путешественников я всегда уважал.

Перед поездкой Валя, как обычно, проводит тщательную подготовку, чтобы не терять время на поиски туристических мест. Делает она это через Интернет: смотрит маршруты, транспорт, гостиницы, погоду и прочие туристические необходимости. Я тоже подготовился: купил русско-испанский разговорник, правда, всего за неделю до поездки, рассчитывая овладеть испанским до возможности объясняться на улицах и ресторанах. Кстати, мой словарный запас к началу «изучения» состоял из двух фраз: «Но пасаран» (они не пройдут) и «патриа о муэрте» (родина или смерть). Но то ли было мало времени, то ли с памятью моей что-то стало, мой «словарь» расширился ненамного, причем за счет слов, которые мне не очень были нужны. Например, зачем-то запало в душу слово багаж — экипажэ, пиццерия — писерия, ювелирный — хойерия, пассажиры — пасахерос. Из нужных слов я запомнил спасибо — грасьяс, привет — ола, добрый день — буэнес диас, пожалуйста — пор фавор, где — донде и особенно понравившиеся мне слово — извините — пэрдоне. Конечно, уже там я выучил главное мое слово — пиво — сервеса и зачем-то запомнил слово мадре. Наверное, назло падре, которое, наверняка, произошло от имени Пэдро.

Я как-то не особенно беспокоился за португальский язык. Мне казалось, что достаточно менять звук «х» на «ж» или «ш» и получится португальский. Хотя направление мыслилось правильное, но все оказалось не так-то просто. С пивом все нормально, оно действительно превратилось в сервежу, а хесус в жесус, но с остальными словами...

Короче, в языковом смысле я подготовился очень плохо, и это ощущалось затем постоянно.

Маршрут наш был такой: Москва — Мадрид — Лиссабон — Мадрид — Москва. Сын поинтересовался, какой авиакомпанией мы хотим лететь? Валя ответила: любой, лететь-то всего 4,5 часа — лишь бы было удобное время вылета и прилета. Под эти параметры подошел наш родной Аэрофлот, и сын, правда, почему-то засомневавшись, взял нам билеты на Мадрид.

Начало пути не предвещало ничего хорошего. Загрузившись в пузатый аэробус (А-310) в возрасте где-то лет 20–25 от роду, что выдавал его внутренний антураж, мы сразу столкнулись с обычным делом для Аэрофлота: нам объявили, что самолет со взлетом запаз-

дывает на час (мы сидели уже в салоне), поскольку надо было подождать каких-то пассажиров, которые не успевали к сроку вылета. Мы, уже «порченные» западным сервисом, не понимали, почему опоздавшие не могли сесть на следующий самолет, раз они опаздывали, и почему пассажиры, у кого были пересадки, встречи и прочие планы, должны перестраивать их из-за каких-то разгильдяев. В конце концов село несколько человек. После взлета к реву двигателей присоединился плач ребенка, который ни на секунду не прекращался в течение почти пяти часов полета. Сервис был убогий. За эти часы нас покормили один раз и один раз предложили напитки, что входило в один обход пассажиров. В последующем тот, кто уж очень «загорелся от жажды», сам шел к проводникам и просил воды. Приземление в мадридском аэропорту навело на мысль о том, что летчики только что закончили училище: тормознули, как в троллейбусе новичок.

На выходе я не стерпел и высказался старшему стюарду, что все у них не «фонтан», и скоро они с таким сервисом разорятся. А тот как-то обреченно со мной согласился, сказав, что Березовский то ли их предал, то ли продал этот Аэрофлот. Чтобы закончить с Аэрофлотом, скажу, что и на обратном пути мы опять задержались на час без всякой причины. Ну не можем мы вовремя! Поэтому мне было дико читать в журнале «Аэрофлот» хвалебные отклики пассажиров о качестве обслуживания и даже о том, что это качество превосходит зарубежные авиакомпании. Эту писанину надо понимать или как элементарное вранье, или под зарубежными компаниями имелись в виду компании Туркмении, Казахстана и Киргизии.

Надеюсь, что это был наш последний полет рейсами Аэрофлота.

Музеи и дворцы — испанцы молодцы

Адаптация

Итак, мы прилетели в Мадрид, взяли такси, и за 4 500 песет нас довезли до четырехзвездочной гостиницы Hotel NH Nacional, расположенной напротив музея Дель Прадо. Гостиница ждала нас специальным задравно-дежурным набором, состоящим из бутылки

портвейна, пяти видов чая, кофе и шоколада. Довольно уютный номер, красивый вид из окна дополняла некоторая, на мой взгляд, несуразица: конструкция увязки ванны—туалета и умывальника. Ванна и туалет находились за стеклянной дверью, весьма прозрачной. Какой же конструктор придумал сидеть на горшке за стеклянной дверью? — подумал я. Но мы отнесли это к нашей феодальности и неготовности воспринять сердцем новый вид услуг. В гостиницу мы приехали часов в 10 вечера, вокруг все бурлило, светилося и веселилось. Я сбегал за пивом, купив литровую бутылку “Mahou” за 215 песет (182 песет за 1 амер. долл.), чтобы сбросить раздражение от Аэрофлота и дороги. Несмотря на дешевизну, пиво было отменное, по крайней мере, по вкусу превосходило все наши бочкаревы и старые мельники. Тут я вспомнил фразу Жванецкого: «Если не видел другие костюмы, то наш вот такой» (тут нужно поднять большой палец вверх).

На следующий день была суббота. Валя из Интернета вычитала, что в этот день Дель Прадо после обеда «дают» бесплатно, а с утра мы пошли немного осмотреть город. Привыкшие обслуживать себя везде на английском, мы впервые почувствовали, что в Мадриде это не будет легким делом. Испанцы даже в туристическом бизнесе чувствуют свою полнодостаточность, говоря на своем языке. «Учи язык сам, если приехал нас посмотреть» — вот так в основном организован туризм. И правильно!

В ресторане, куда мы зашли пообедать, начались первые проблемы с языком. Меню было на испанском. Официант нам показался суетливым и невнимательным, точно, как «вас много, а я один». Тут мы почувствовали разницу между так называемым первым миром и остальными странами. По картинкам мы выбрали себе разные блюда, а Валя попросила еще суп (поскольку сын порекомендовал попробовать испанский суп, но название мы забыли). Взаимопонимание было условным. Мне принесли заказанное блюдо, Вале — суп, больше похожий на воду из-под вываренной рыбы. Через некоторое время, когда мы спросили, почему нет блюда для Вали, официант сказал, что его нет вообще. Его «сказал» мы, естественно, поняли по жестам. Суп Валею тоже не порадовал. Может быть, у них слово «суп» означает воду, и это была шутка сына? Оставшись голодной (хоть я и поделился своей едой), Валя попросила

универсальный набор: кофе и шоколадный пирог, что на всех языках звучит одинаково. Но вместо обычного кофе с молоком принесли два глотка эспрессо, поскольку другого кофе там не пьют. Попели: пиво и кофе были отменны. Мы поняли, что наш английский испанцам не нужен, знать они его не знают и не желают знать. Мы порадовались за испанцев — молодцы, себя уважают. В этом ресторане мы чуть не расхохотались, когда увидели японцев, пытающихся поесть. Это были те японцы, которые не умеют «с ножом», так сказать, а взяв европейские инструменты, как палочки от барабана, они с двух сторон подцепляли «еду», с трудом заглатывая противную им пищу.

Дель Прадо и Маха с неправильной грудью

Этот музей считается одним из крупнейших музеев мира наряду с флорентийским Уффици, парижским Лувром, нью-йоркским Метрополитен. Из справочника я узнал, что там содержится 6 000 картин и 400 классических скульптур. Естественно, представлен весь цвет мировых художников: итальянцы — Тициан, Рафаэль, Тинторетто, Веронезе, Бассано; голландцы — Вейден, Бутс, Мемлинг, Рубенс, Ван Дейк и Брегель; французы Пуссен, Перет и еще какие-то, которых я не знал; немцы — Лукас Кранах, Дюрер, Брейгель, Гольбейн, нео-классик Антон Рафаэль Менгс и, конечно, гордость испанцев — Эль Греко, Рибера, Мурильо, Веласкес и Гойя.

Вообще-то говоря, я в живописи ничего не понимаю и хожу в эти галереи из-за Вали, чтобы ей было с кем делить свои впечатления. Например, она считает, что Рубенс (плюс его ученики, но подписано-то Рубенсом) многие вещи рисовал условно грамотно и был халтурщиком. Возможно, это и так, судя хотя бы по тому, что все более или менее значимые музеи мира имеют этого Рубенса в больших количествах (шедевров много не напишешь). Но мне тем не менее нравятся его женщины во плоти. Глядя на них, веришь, что человечество не останется без потомства. Чего не скажешь о нынешних «стерлядках», которые навевают обратные мысли. Кстати, очень симпатичных девочек на одной картине нарисовал и Мурильо. Но они у него почему-то летают по небу. Вроде тело есть, а как-то умудряются еще и летать. А Вале нравится, она даже купила про него что-то.

Мне всегда нравилась «пентура» Гойи — «Маха обнаженная», а Валя и в ней нашла изъяны: оказывается, по законам структуры тела ее правая грудь должна была бы падать вниз, а она у нее торчит кверху и даже как-то запрокидывается наверх, к шее. Вообще-то Валино замечание убедительно, но я предположил, что, может, и в те времена использовали силикон или что-то в этом роде — потому и торчит. А может, в те времена просто испанки так выглядели? Другие картины Гойи Валию пугают, но я ее отвлек от его уродливых каракатиц и переключил внимание на то, что рамки у картин великого испанца были уж очень простенькие, такие палочки без позолоты. Она почему-то стала раздражаться, и мы ушли от Гойи, что мне и нужно было.

Вообще-то само здание Прадо — грандиозное сооружение, снаружи украшенное еще и скульптурами, в том числе памятником Гойе, на фоне которого я запечатлелся. Здесь, на памятнике, и мне на память — Маха с неправильной грудью. А внутри Прадо — довольно простое помещение. Совсем не похоже на дворцы русских царей, не как в Эрмитаже. Валя, правда, предположила, что в этом заложена осознанная цель: не отвлекаться на пустяки, сконцентрироваться на картинах. Я хотел сконцентрироваться, подошел почитать, что под картинами написано, а все подписи к картинам только на испанском. Так что, если не знаешь сюжета, то и не поймешь, что к чему. Но тут Валя мне в помощь, «если захочу». А на английском я нашел только название библиотеки — Bookshop.

Короче, галерея как галерея. Особых эмоций я не испытал, духовность свою не обогатил, но отметил: был в Прадо.

Прогуливаясь по городу

Вечером решили погулять по Мадриду. Ночной Мадрид еще красивее, чем днем. Очень большое впечатление от подсвеченной архитектуры. Здания в стиле барокко и неоклассицизма. Мощно и красиво. Очень. Особенно красив Дворец связи, построенный в конце XVIII в., в котором жил герцог Альба. Его я запомнил еще по фейхтвангерской книге о Гойе. Затем мы дошли до площади Колон, где возвышается высокий монумент Колумбу. Далее мы оказались на площади Испании и обнаружили там Сервантеса в окружении Дон Кихота и Санчо Пансы. Тоже впечатляет.

На следующее утро мы отправились на главную площадь Мадрида — Puerta del Sol (Ворота солнца), от которого происходит отсчет расстояний во все стороны Испании. На площади стоит конный памятник королю Испании Филиппу II, а недалеко памятник медведю, обнюхивающему дерево мадрону (the madrona tree). Эта медвежья скульптура у испанцев является символом и гербом Мадрида.

Недалеко находится знаменитая площадь Майор опять же с конным памятником, на этот раз Филиппу III. Площадь окружают прилепленные друг к другу здания в стиле барокко начала XVII в. Все красиво и чисто. В воскресный день на ней разворачивается «блошиный рынок», так сказать, барахолка, хотя вместо блох продаются (в этом специфика этого рынка) ордена, медали, марки. Среди всего этого мы узрели для продажи медаль «Золотая звезда» по цене 85 тыс. песет (около 467 амер. долл.). Орден Отечественной войны 2-й степени стоил 5 тыс. песет (около 28 амер. долл.). Видимо, наши ветераны окончательно пошли вразнос: начали продавать свое достоинство.

Зашли в кафе. Еще раз поудивлялись «взаимонепониманию». Валя попросила один кофе — эспрессо, один — нормальный, показав на большую чашку. Официант кивнул, мол, понял, и принес два эспрессо, но та же порция, налитая в большую чашку. Валя попросила стакан воды, официант мотнул головой в знак понимания, стал что-то греть и шипеть на своей машинке. В результате принесли горячее молоко. Мы сказали грасьяс.

После США, Канады, Германии, Англии, Франции и других «продвинутых стран» обращает на себя внимание выражение лиц на улицах. У всех нормальные живые лица без тени душевного маразма, идиотизма или вырожденческих черт. Нет и «молодняка» с красными и зелеными гребешками на голове, а у девиц отсутствуют кольца на губах, пупках и прочих местах. Как ни странно, не увидели мы и представителей всяческих сексуальных меньшинств, которые особенно нас потрясли в Гамбурге. То ли все это до Испании еще не дошло, то ли мы не там ходили. Общее ощущение здоровой нации.

Еще одна уличная особенность: все люди переходят улицы только на зеленый свет. Ну, прямо как немцы. Мы ожидали на улицах хаос, пренебрежение к порядку, но этого нет. Хотя надо иметь в виду, что мадридцы — это не все испанцы. Говорят, что барселонцы

от них сильно отличаются, а южане отличаются еще сильнее от тех и других. Очень даже может быть.

Музей Тиссена: красота и уродство

На следующий день я сопровождал Валу в художественный музей Тиссена. Он хоть и меньше Прадо, но классиков там тоже хватает. Нам даже «повезло»: в эти дни там экспонировалась передвижная выставка средневекового Ренессанса с множеством имен, которых я не знал. Немножко на них поглазел, но все равно не запомнил.

В основной же галерее знакомые имена Дюрера, Тициана, Крахнахи, Рафаэля. Но мое внимание привлекла картина, повешенная на переходе от одного зала в другой. Называется «Молодой Христос с красными цветами». Правда, этот Христос выглядел девочкой, наряженной в красное одеянье. Очень красиво.

Вообще-то эти сюжеты с Христом, его матерью и апостолами изрядно мне надоели, и мне больше нравятся картины, где вся эта братия отсутствует. Отсутствовать же она начинает с картин периода начала Ренессанса. То есть — с освобождения от мракобесия, что отражалось как в картинах, так и в жизни.

Да, тут я случайно встретил своего старого знакомого — Оскара Кокошки, которого запомнил еще с мюнхенской Пинакотеки благодаря ассоциации с фамилией Тани Кокушкиной — моей одноклассницы. А вот картину его я в этом музее почему-то не запомнил.

В этом Тиссен-музее представлены в изобилии французские импрессионисты. И, что очень любопытно, много наших российских художников маразматического направления. Тут тебе и М. Ларионов, и Давид Бурлюк, и Кандинский, и Филонов (не путать с моим одноклассником Володей Филоновым), и Шагал, и даже какая-то Л. С. Попова. Я не уверен, что их творения относятся к искусству, иначе мне надо объяснить, что такое вандализм.

У Шагала на картине «Деревенская мадонна» по небу летит колова, впереди скрипка, мадонна вцепилась в какого-то дядьку и плюс сбоку припеку свечи. Подозреваю, этот Шагал просто отразил свои кошмары после бурной пьянки. А у мадам Поповой на «картинах» разноцветные треугольники, за которые я когда-то в школе получал двойки по рисованию.

Угарным сознанием, видимо, страдали не только русские художники, но и западные. К примеру, Марк Ротко. Полотно 2,5 на 2,5 м покрыто фиолетово-грязной краской; посередине зеленый квадрат. Все. Не совсем. Оказывается, этот Ротко тоже родом из России. Другой титан — Луис Морис из Балтимора. Картина называется «Геркулесовы столпы». Также где-то 2,5 на 2,5 м. С правой стороны рыжие потеки, с левой — грязные потеки. Рядом потеки зеленые. Они, видимо, и должны были отражать «столпы». Увидел бы все это Геркулес.

В аналогичном ключе создан шедевр под названием “Untitled” («Без названия») некого Стила Клиффорда. Грязно-коричневая краска перемежается с бело-грязной краской, а в одном месте желтое пятно, очень напоминающее детскую кашку. Сам он так и не придумал, как обозвать свое творение.

А вот уже другой гений — Кунинг Вильям из Роттердама, размазавший по полотну различные краски. Все это названо “Redman with Moustache” («Красный человек с усами»). Никакого «мэна» на картине я не нашел, не говоря уже об усах. А некий Грис Хуан из Мадрида грязно-серое полотно в квадратах назвал «Сидящей женщиной».

Попалась картина Пикассо («Коррида де Торро»). Какой-то перекоренный бык в виде человека куда-то мчится. Но пиком считаю картину Сорнберга — «Композиция № 104». Полотно 0,5 на 0,5 м называется «Белое на белом» с еле заметными двумя треугольниками. Еще один хохмач — Курт Шпиттерс из Ганновера — на рамку 80 на 80 см прибил гвозди, палочки, деревянные, кусок полотна. Картина готова.

Меня удивляет наличие потребителей этого добра в музее. Но, зная статистику психбольных по миру, перестаешь удивляться и этому. Правда, следует подчеркнуть: посетители проходят эти залы, не притормаживая. Большинство все-таки нормальные.

Мне казалось, что испанцы в силу исторических причин должны быть очень набожными людьми. Мы побывали во многих церквях — соборах — костелах. К удивлению, обнаружили не так много посетителей. Люди не проявляли религиозной экзальтации, наблюдаемой мною в российских церквях. Кроме того, удивляли и скромные убранства всех церквей, за исключением, может быть, церкви

Convent of the Encarnation, внутренности которого были расписаны Вентурой Родригесом в стиле Бурбонов. То же самое, кстати, мы наблюдали и в Лиссабоне.

Восток + Запад = Лишбоа

В Лиссабон мы решили поехать на поезде. Взяли билеты 1-го класса, и на наше счастье продавец билетов худо-бедно, но говорил по-английски. Во всяком случае, понимал и отвечал уверенно «да» или «нет», как в тестах для американских или канадских студентов. Первый класс от других «лежачих» мест отличается наличием спальных мест (2) и возможностью людям противоположного пола ехать вместе. А другие — делились по 4 человека на купе с обязательной одинаковостью полов.

Билет в оба конца стоил 248 амер. долл. на двоих. Купе состояло из двух полок, внутреннего умывальника, набора предметов для умывания (щетки, паста, расческа, мыло) и минеральной воды, а также телефона (для переговоров с проводником), а дверца снаружи закрывалась магнитной карточкой. Нам также выдали талоны для завтрака «континенталь», который мы должны были получить в ресторане.

На вокзале нас не ждали

Когда мы утром приехали в Лиссабон, между прочим, не пройдя никаких визово-таможенных процедур, даже просто для регистрации потоко-перемещения людей, то обнаружили довольно-таки провинциальный вокзал.

Хотя Валя и была готова к Лиссабону, как обычно это делает, но тут мы несколько растерялись. Прежде всего, на вокзале нужно было взять из банкомата деньги или поменять их в обменном пункте. Время 8:30 утра. Ощущение такое, как будто чего-то не хватает: то ли народу, чтобы выглядеть столичным городом, то ли красоты, то ли четкости. А оказалось все просто — инфраструктуры, то есть того, что делает пребывание в любом месте удобным и малозатратным.

Поначалу мы не смогли вытащить деньги из банкомата. Техника не желала с нами общаться, а может быть, там просто не было

денег. По крайней мере, он отверг все наши карточки, и не только наши, но и стоявшего перед нами американца, от которого периодически несло “shit” и “bullshit” (черт). Но португальских-то денег у нас не было, и их нужно было где-то взять. Чтобы разрешить такой простой вопрос — где найти банкомат и как добраться до гостиницы — Валя обратилась к полицейскому, естественно, на английском, тыча в название нашей гостиницы, которая называлась Hotel Madrid, и показывая на конкретный адрес. Полицейский вытащил нечто типа атласа, долго сосредоточенно водил пальцем по этому атласу, а затем обратился к рядом сидевшему чистильщику обуви. Тот произнес адрес, куда обратиться, и замахал руками, показывая направление за угол. Мы завернули за угол и метров через 60 увидели нужный номер дома. Когда мы зашли туда, это оказался наш же вокзал, только с другой стороны. Валя увидела слово «информация» и начала переговоры с девушкой, исполнявшей роль информационного агента. На карте для нас поставили отметку с расположением нашего отеля. Валя вычитала по Интернету, что этот отель находится на расстоянии 1,5 км от вокзала, и даже знала, как он выглядит. На вопрос: «Как туда добраться?» — «агент» прочертила путь по карте вдоль улиц. «А метро, автобус, такси?» — «Да, да, — такси, — оживилась „агент“». — Такси в Лиссабоне очень дешево», — сказала она. Я увидел камбьо (обмен денег) и поменял долларов 30 на португальские эшкудос. Вышли на стоянку такси. Очередь человек 30, а машины ни одной. Валя вернулась в информацию и спросила, есть ли станция метро у нашей гостиницы. — «Есть, но на вокзале нет метро». — «А автобус?» — спросила Валя. «Автобус № 12. Но он здесь не ходит». Поскольку наш багаж состоял из двух легких сумок, то мы решили пройтись в это теплое утро пешком до гостиницы, послав подальше этот сервис и эту информаторшу вместе с полицейским и чистильщиком сапог, да умноженную на их банкомат. В картах я ас. Пошли.

По-над Тежу до «Мадрида»

Путь наш начался по набережной их знаменитой реки Тежу (между прочим, очень широкой, в одном месте аж 3 км). Ощущение, что город похож на наш Сухуми: немножко грязно, разбиты тротуары, на что никто не обращает внимания, но хороший мягкий

воздух, пальмы... и грязь. Дома внешне напоминают кухни или ваннные комнаты: все фасадные части домов выложены цветным кафелем. Мы, конечно, знали, что это — особенность Лиссабона и гордость и что лиссабонцы хранят секреты изготовления таких изразцов. Но первое ощущение — кухня.

Где-то минут через 40–50 мы повернули направо, поскольку этого требовала карта. Пройдя еще минут тридцать, мы вышли на какую-то площадь. Валя сделала еще одну попытку спросить у полицейского о нашей гостинице. Он столь же сосредоточенно углубился уже в нашу карту. Полицейский не знал пути, а зеленщик, сидевший рядом, махнул вперед. По идее, исходя из общего расстояния в 1,5 км, мы уже несколько раз должны были бы быть у цели. Ан нет. Нужно отметить, что город расположен по рельефу гор. Если одна улица может быть ровной, то шаг в сторону — и начинается крутой подъем. Валя, по-моему, внутренне скукожилась, хотя не без интереса рассматривала все вокруг. Скорость наша снизилась. Устали. Кивок полицейского в географическом направлении нашей гостиницы совсем не означал лучшего пути для нас, а просто направление. И этот путь пришелся на самые бедные кварталы Лиссабона, чем-то напоминавшие арабские кварталы в Иерусалиме. Улицы были полны следами от выгула собак, да они и сами выгуливались без хозяев. Мелькнуло в голове — «третий мир». Все же я вырулил к гостинице «Мадрид», тоже четырехзвездочной, которая находилась на хорошей улице в окружении дорогих магазинов. Дорога у нас заняла часа два. Только на следующий день мы случайно выяснили суть нашей ошибки. Оказывается, в центре города есть большой железнодорожный вокзал, но не международный, а местный, от которого-то до нашей гостиницы 1,5 км, но это уж — интернетовский бизнес по заказу гостиниц. Урок на будущее.

Гостиница хотя и четырехзвездочная, но была поскромнее мадридской. Портвейн нас не ждал, кофе и прочие напитки тоже отсутствовали, ванно-умывальные аксессуары в минимальном количестве (то есть не было щеток, кремов и т. д.), но зато комната была довольно большая, полукругом. В номере не оказалось телевизионного управления, и просьбу принести эту штуковину пришлось повторять дважды и дважды услышать — сейчас. Чернокожая улыбчивая девушка забыла также положить и полотенца. Но это так, к слову.

Пока шли до гостиницы, отметили следующее. Во-первых, выложенные мозаикой тротуары. И что они очень узкие, иногда в ширину моей стопы. Во-вторых, множество фасадов зданий, выложены кафельной мозаикой, и узоры напоминают русскую гжель. Сплошные стены из гжели. Это к ним пришло от мавров. В-третьих, португальцы, в отличие от мадридцев, переходят улицы на красный свет. В-четвертых, повсюду растут лимоны и прочая субтропика. В-пятых, несмотря на дождь, на балконах и окнах «сушится» белье. Как сушится, я так и не понял. В-шестых, с английским здесь еще хуже, чем в Мадриде. А португальский мне не показался похожим на испанский, с которым мы немножко уже сроднились.

И все же с первого взгляда нам этот город понравился своей необычностью. Находится в Европе, однако уклад жизни — это лишь имитация европейского образа. Несмотря на однотипные дорогие магазины, которые есть по всему миру, Лиссабон нам показался по своей сути восточным городом.

Бакалау — не фонтан, а город очень даже Самсон

Поначалу решили сходить пообедать. Зашли в какой-то ресторан. Меню на португальском языке. Мы — ни одного слова. Вспоминаю из статьи М. А. Хазанова, знатока Португалии, что у них любимое блюдо — рыба. Валя все же попросила меню на английском. Официант жестом показал что-то вроде «подождите» и ушел. Вскоре принес меню, но по-португальски нам стал рассказывать его содержание. Поняли мы только, что «это» есть, а «этого» нет. Так он тыкал в меню, как бы отмечая: есть — нет. Валя говорит медленно одно слово — «фиш». Она в таких случаях начинает говорить очень медленно, что придает речи спокойствие и уверенность. Официант закивал, но перед этим поставил нам тарелку с сыром и копченым мясом. Именно это и стало нашей основной пищей, поскольку, когда он принес нам «фиш», мы ее не смогли съесть. Нам она показалась немножко вонючей, похожей на замаринованную рыбу, подкопченную на гриле для отбивания запаха. Это и была их знаменитая «бакалау», одна из 365 ее разновидностей. Мы с Валею поняли, что вряд ли будем поклонниками португальской пищи. Тем не менее за все заплатили около 30 амер. долл., покинув это заведение с твердой убежденностью перейти на китайские рестораны. Но с ними возникли

тоже проблемы. Они почему-то работали два часа утром и два-три часа вечером. И мы тогда перешли на самообслуживание, покупая привычную нам еду в обычных магазинах. Кстати сказать, это намного дешевле. Вообще, Лиссабон оказался очень дешевым городом.

Как профессиональные туристы, мы разбили город на квадраты, начав осваивать его с центральных улиц и площадей. Мы отметили три ключевые точки: внизу — Торговая площадь, в середине — площадь Россиу, наверху — площадь Маркиза Помбала. Между площадями Россиу и Помбала центральная улица Авенида да Либердада (улица Свободы). Мы же жили недалеко от Маркиза, то есть просто в центре Лиссабона. На центральной улице — Либердада — мы обнаружили массу памятников, воздвигнутых писателям и политическим деятелям. Между прочим, Маркиз Помбал был крупнейшим реформатором Португалии, жившим в начале XVIII в. Честно говоря, ни о ком из них я раньше не слышал. Я понятия не имел, кто такой Каммила Каштелло Бранко или очень похожий на Пушкина Альмейдия Каррет (1799–1854), или некий Александро Херкулано. Среди моих интеллектуальных знакомых (кроме специалиста по Португалии, упомянутого М. Хазанова) никто не слышал даже о таких классиках испанской литературы, как поэт Луис Камознш (1524–1580), драматург Антонио Рибейра (1520–1591) и поэт Фернанду Пессоа (1888–1935). С последним, кстати, я сфотографировался недалеко от кафе.

Но если мы не знаем их, то почему должны удивляться, когда узнаем, что за рубежом кто-то не знает Пушкина, Толстого или Достоевского. У русских странная черта: нам кажется, что нас знают все. Хочу разочаровать: за время пребывания в этих двух странах, Россия ни разу не была упомянута по телевиденью. Отсутствие информации о России в СМИ присуще почти всем странам, где мне приходилось бывать, за исключением США, Японии и Китая. Причем, в первых двух случаях обычно информация негативная. Даже в Канаде, и об этом я как-то писал, мне приходилось объяснять молодым людям, что есть такая страна, как Россия. Кстати, в Лиссабоне, в четырехзвездочной гостинице только семь телевизионных каналов, из которых два на испанском языке, а часто и с дублированием программ. По-английски только программа про спорт, с бесконечным повторением одного и того же, наверное, чтобы англоговорящие совсем не потерялись.

Итак, мы дошли до площади Россиу, которая находилась в стадии ремонта. К России эта площадь не имеет никакого отношения, а происхождение слова связано со значением красный. Торговая площадь считается самой красивой площадью Лиссабона. К ней сходятся множество улиц, а центральная — Руа Аугушта — выходит на площадь через Триумфальную арку, строительство которой длилось 118 лет. Посередине — конная статуя короля Жозе I, при котором реформаторствовал маркиз Помбал.

Освоив центр, мы стали изучать район, примыкающий к крепости Сан Жоржи, в который входит и замок Каштележу. Вскрабкались мы туда по узким улочкам, круто берущим вверх. С замка — уникальная панорама на город. Оттуда же мы узрели Национальный Пантеон (Санта Энгразис) и церковь Сан Висенте де Фора. Хотя нам казалось, что эти две достопримечательности находились недалеко от нас, нам пришлось помучиться, чтобы добраться до них. Находится это не в богатых кварталах, и люди живут там самые разные. В основном беднота, о чем говорит быт и состояние улиц. Мы поняли, как нужно спрашивать: только одно слово — название места, куда идешь. И тут же они начинают отвечать по-португальски, не обращая внимания на твой английский или любой «тарабарский». Проходя по одной из улиц, мы не поверили, что по проложенным по ней рельсам может ходить трамвай: уклон и очень крутой поворот. Однако появившийся вдруг транспорт завизжал, изогнулся и буквально в 10 см от дома, у которого проходил путь, вырулил «на стремнину». Если бы человек стоял у этого дома, то он был бы раздавлен. Но «на Востоке» все спокойно. Трамвай не пойдет, где человек, а человек, без всяких «прав человека», подождет трамвай.

Пантеон, уникальный по архитектуре, был заложен еще в XVI в., а завершен только в 1966 г. Там находятся усыпальницы (или памятники в виде усыпальниц) всяких великих религиозных и исторических деятелей. Церковь Сан Висенте считается самым значительным религиозным памятником Лиссабона: в ней много достопримечательностей, в том числе коллекция глазурованных изразцовых панно (азулезуш). Мы попали сюда не в туристический сезон и были единственными посетителями. Но мне в ней не очень понравилось из-за запаха тлена, который источали его склепы.

Затем с высот человеческого духа и чудесных памятников мы спустились в район Альфамы — своего рода гетто Лиссабона, хотя и более веселого и безопасного, чем чрево нью-йоркского Гарлема. Улицы настолько узкие, что поражаешься, как трамваи умудряются по ним ходить. Помои и фекалии придают специфику району, в котором проживает население не белого происхождения. Не забудем мы и одну негритянку, которая указала, как нужно ходить нам, туристам, по этим районам. Она подошла ко мне и сказала что-то вроде следующего: ты что, говорит, вот у тебя экипажа на спине, а ты ее должен носить на френсии (впереди, на животе, значит), а ты будешь плакать, — и, задрав глаза к небу, сделала характерное выражение лица. Спасибо тебе, незнакомая негритянка, ты никогда не прочитаешь об этом, но пусть у тебя всегда все будет хорошо тоже!

Как-то незаметно мы очутились в каком-то подземелье. Спускались-то мы в метро, а обнаружили «шоп-мол» из 3–4 этажей, очень шумный и прокуренный народом, явно происходившим из лесов и прерий гордого Черного континента. Место называется Commercial. Люди ели, курили, спали, торговали, пели. Белокожих внизу не было никого, кроме нас. Какая-то другая страна. Вот только что мы любовались красотами барокко, триумфальными арками и дворцами, и вдруг... яма. Вале это напомнило фильм ужасов, и она потащила меня оттуда, оторвав от интересного зрелища. Мы действительно были там «объектами». Выкарабкавшись наверх, мы увидели очень любопытную картинку: ряд чистильщиков обуви — все они белой расы — усердно чистили ботинки чернокожим. Предельное равенство достигнуто!

Последний день мы посвятили аристократическим кварталам — это районы Байша и Кармо. Здесь-то я и сфотографировался с Пессао. Но перед этим в предыдущий день мы взяли вечерний тур (почему-то он стоил довольно дорого, 52 амер. долл. на двоих), который позволил нам съездить в район Белем.

Это чудо. Здесь мы поразились монастырю иеронимитов — монастырь Жернонимуш, в котором находятся гробницы Васко да Гамы и упоминавшегося поэта Камознша. Хотя и внутри все впечатляет, но снаружи красота неопишуемая. Слов нет, чтобы передать.

На берегу реки Тежу — главная достопримечательность Лиссабона — Беленская башня (Торре де Белен), построенная в начале

XVI в. Там много всего интересного. Ее значимость определяется тем, что в 1983 г. ЮНЕСКО объявила ее «культурной ценностью человечества». Поражает мощностью и находящийся недалеко от башни Памятник первооткрывателям. Он — в виде каравеллы, на которой стоят личности, принесшие всемирную славу Португалии: Генрих Мореплаватель, Васко да Гама, Бартоломео Диаш и др. Я попытался увековечиться в виде фотографии на фоне этих людей, но памятник так велик, что если фотографировать его, то меня совсем не видно, или если со мной, то от памятника остается маленькая часть.

Нас также завели в Национальный музей карет, который, правда, на меня не произвел никакого впечатления, хотя в туристических маршрутах ему отводится заметное место. Кареты я с детства воспринимал как нечто враждебное, а может, настроение было невосприимчивое. Рядом был памятник и погребение Васко да Гамы, тут уж я ожил — история, интерес! К каретам — классовая ненависть так и осталась.

Перед отъездом из Лиссабона мы с женой захотели что-нибудь купить на память и пошли по магазинам. Наткнулись на магазин со смешным названием «Бульбуль» и кафе — точная копия Макдональдса — с названием «Абракадабра». Побродив по магазинам, мы поняли, что все равно ничего не купим, поскольку не было конкретной цели. Да и ничего такого характерного именно для Португалии мы так и не присмотрели. Отсюда вывод: если нет цели, то процесс-движение ничто, он/оно бессмысленно. Так, чистая природа без разума.

Лиссабон потряс нас контрастностью: от великолепия дворцов и соборов — до каких-то вонючих подземок и районов. Этим, наверное, он и интересен. Теперь я говорю уже не Лиссабон, а Лишбоа. Так он звучит по-португальски.

Столь же контрастны и жители, населяющие этот надземный и подземный мир, эти высоты и дно общества, что, оказывается, всегда рядом.

Последние минуты нашего пребывания в Лишбоа тоже запомнятся и, думаю, могут пригодиться кому-нибудь как напоминание. Стою у вагона поезда, охватывая последним взглядом перрон, докуриваю сигарету. Подходит молодой человек и на приличном английском спрашивает, говорю ли я по-английски. «Конечно», — об-

радовано отвечаю я. «О, that's great, наконец-то», — восклицает тот. И начинает мне рассказывать, что за ним должна была приехать какая-то машина, но почему-то не приехала. А ему обязательно надо в Мадрид. Но у него нет ни одного эшкудо. Не мог бы я ему одолжить? Я — ему: а у меня тоже нет ни одной эшкуды, sorry. Он: а мне и не надо эшкудос. Дай пару сотен баксов и адрес, по которому я тебе вышлю деньги. «Я что, похож на сумасшедшего?» — спрашиваю его. Он: «Ты — нет. Тогда извини. I will try another guy (Ну, я тогда попробую у другого)», улынувшись на прощанье, сказал местный бизнесмен. Я — ему: «Never hurt to try. Good luck (Попытка — не пытка. Счастливо)». Поезд вскоре тронулся, и я увидел этого парня, который довольный шел по перрону назад. Видно, попытка сегодня удалось...

* * *

Мы возвращались наполненные впечатлениями. Прилетали в Шереметьево... и праздник кончился. Мы увидели стаю носильщиков, желающих подвезти сумки. В отличие от всех стран мира, в Москве тележки не стоят для пассажиров, они только для носильщиков. Таксисты, предлагающие услуги за баснословные деньги, — это тоже только в Москве. Обман и ненадежность уже с первого шага. Аэропорт показался тусклым (это после яркого мадридского). На улице — грязный снег, сырость. В метро почему-то тоже тускло. Видимо, начали экономить на свете. Изможденные лица усталых и расслабленных пассажиров. Никто не улыбается. Какая-то обреченность в глазах жителей страны, руководители которой называют ее великой державой.

Но тут мы вспомнили про Мадрид и Лишбоа и сразу повеселели.

Экономическая справка: по данным журнала «Экономист» (The World in 2001) в 2001 г. прогнозируется, что ВВП Испании составит 651 млрд долл., на душу населения — 16 500 долл., население — 39,55 млн человек; Португалии — соответственно: 115,4; 11 500; 10,05; России — 252,6; 1 740; 145,08.

Гонконг не Сянган, а Макао не Аомэнь

Трудный выбор

Не успели мы приехать из Мадрида и Лишбоа, как наш неугомонный сын Герман предложил очередной туристический маршрут, например, в Мексику, Таиланд или Малайзию. У него накопились какие-то «авиаочки», которые надо использовать. В Малайзии, говорит он, очень хорошие пляжи, в Таиланде — храмы, в Мексике — свои чудеса. Я-то считаю, что самые лучшие пляжи — в Астрахани: много острых ракушек и стекла, мутно-грязная вода Волги, что вкуче очень здорово закаляет организм. А храмов я насмотрелся в Японии и Китае. Мексика же у меня запланирована в другое время и в другом контексте. Тем не менее мы с женой решили все-таки «выручить» сына и выбрали... Гонконг и Макао. Эти два города-государства меня интересовали с научной точки зрения: хотелось посмотреть, как европейский капитализм прижился на китайской почве. А Валю, как художницу, пишущую в китайском стиле, привлекла возможность еще раз приобщиться к музеям восточного искусства, которые она очень любит. «Консенсус» получился сто-процентный, и мы, недолго думая, «предъявили свой выбор» сыну, на что через день получили полный маршрут, заказанные билеты, гостиницы и отправились на другой край света.

Выбрали, правда, несколько необычный маршрут, чтобы избежать на этот раз общения с Аэрофлотом. В этот Гонконг решили

лететь через Франкфурт-на-Майне компанией Люфтганза, а там пересесть на мощную англо-гонконгскую компанию Cathay Pacific. Время прилета во Франкфурт давало нам возможность поболтать по Франкфурту, который один из моих друзей почему-то сильно ругал. Таким образом, маршрут наш выглядел так: Москва — Франкфурт-на-Майне — Гонконг и обратно тем же путем.

Валя, уже по привычке, изучала Гонконг и Макао по Интернету; выяснила, где что находится, расписание музеев, какая там погода, какие деньги. За деньги мы не беспокоились, имея сильную кредитную карточку. Я же на этот раз не стал себя мучить освоением кантонского диалекта, поскольку предполагал, что в тех краях все знают английский, на худой конец, мандарин, на котором я с грехом пополам мог бы обслужиться на улицах.

Кайзерштрассе, геи и секс-шопы

Я не люблю приходить заранее никуда, тем более в аэропорт, а Валя наоборот. Однако в этот раз я был удивлен режимом компании Люфтганза. Наш самолет примерно за десять минут до назначенной минуты вылета уже закрыл двери и стал выруливать на полосу. Ровно в нужное время мы оторвались от земли. Валя торжественно взглянула мне в глаза. Во взгляде я прочитал укор Аэрофлоту и приходящим в последнюю минуту и радость за немецкий порядок. Небольшой Боинг-737 исправно привез нас к вечеру во франкфуртский аэропорт. На электричке мы минут за десять доехали до центрального вокзала, где-то вблизи которого находилась наша гостиница (так нам было сказано в аэропорту, да и в информации о гостиницах). Но нашли мы ее не сразу, потому что о нашей International Premier Hotel, расположенной на Ludwigstrasse, почему-то никто не знал. В довольно большом центральном вокзале Франкфурта была единственная Информация, в которой сидело два информатора. Вот тут уже немецкая тщательность и порядок стали раздражать. Выяснение всех подробностей у стоявших в очереди перед нами людей, их дежурные улыбки и нерасторопность просто сбивали ритм. Отвечая нам, информаторша достала карту, запусти-

ла запрос в компьютер, долго крутила карту перед носом... и отметила соседнюю к вокзалу улицу.

Гостиница не встретила нас цветами, шоколадом или бутылкой шампанского, к чему мы уже привыкли. Лестницы нам показались узкими, сумки наши никто не подхватил, света недостаточно. Потом мы только сообразили, что это всего лишь трехзвездочный отель, а номер всего за 95 амер. долл. на двоих за ночь и, видимо, самое удобное и функциональное место для короткой остановки и отдыха. Мы, сбросив вещи, т. е. две легкие сумки, тут же отправились на прогулку. Но по пути заскочили в китайский ресторан «Панда». Пища нас очень удивила, вроде бы на вид китайская, на самом деле оказалась типичной немецкой *essen*. К тому же официант не проявил к нам должного внимания, за что мы отказали ему в чаевых. Двинулись дальше на улицу Кайзера — центральную улицу города. Она оказалась забитой раскрашенными мужиками, девицами, витринами, которые завлекали в свои царства особой красотой. Ну, по этой красоте мы не специалисты, но масштаб этого искусства оценить смогли. Здесь, как и в Гамбурге, в самом центре города мы попали в царство геев и прочих озабоченных немцев и немок. Мы срочно ретировались на другую улицу, поскольку в силу нашей неразвитости никак не можем чувствовать себя естественно в животном мире.

На следующий день мы уже по карте, научно, так сказать, прочесали близлежащий район от площади Республики до площади Бетховена, а затем вырулили на одну из главных улиц *Wockenheimerstrasse*. Идя по ней, мы наткнулись на очень мощный и красивый оперный театр, который по размеру и архитектурной красоте превосходил, на наш взгляд, мюнхенский. Чистота и весна на улицах. Восхитились одной фрау, выгуливавшей плюгавенькую собачку на площади Бетховена. Ее пес не знал, что он оправдывал свой выгул прямо перед дверями собора. Накрахмаленная фрау аккуратно собрала продукт выгула в целлофановый мешочек и наверняка потом использовала это в качестве удобрения у себя в саду или на огороде. За нашими собачниками я такой рациональности что-то не наблюдал, да и за лиссабонскими тоже. Короче, город нам понравился. И почему мой друг его хаял, непонятно.

Бизнес-класс на Cathay Pacific

Наш сын, зная мою любовь ко всему пролетарскому, немножко нарушил мой покой, отправив нас в дальнейший путь бизнес-классом. Я и здесь проявлял свой исследовательский подход к делу, как бы изучая все классовые различия между слоями общества. Однако вынужден признаться, что жить бизнес-классом куда удобнее, чем пролетарским. Опять вспомнил про кровь сипаев, гнувших спину на своих господ, но «спецкомната» (lounge), через которую, по желанию, проходят пассажиры бизнес- и первого класса, умиротворила мои мысли. Франкфуртский лаундч оказался весьма удобным местом ожидания, с разнообразным набором напитков, всеми видами кофе и закуски и отличным душем, которым я не воспользовался. Все это входит в обслуживание по билету. Вместо душа я принял отличное пиво «Циньдао» и «Кирин» в объеме, равном объему моего желания.

Авиакомпания Cathay Pacific — одна из крупнейших англо-гонконгских авиакомпаний — вовремя вывела свой Боинг-747 на старт, и мы рванули вперед, а может быть, и назад в Гонконг, до которого было 10,5 часов лету, между прочим, и через воздушное пространство России. Лететь в бизнес-классе оказалось одно удовольствие. Во-первых, у тебя в подлокотнике плоский телевизор с 19 теле- и 20 аудиопрограммами. Во-вторых, кресло раскладывается почти на всю вытяжку. В-третьих, от момента входа в салон и до его покидания ты забываешь, что есть на свете другие заботы, кроме отдыха, еды и развлечений. Да и на глаза все время попадают восточные красавицы — бортпроводницы. Если же не хочешь всех этих благ — то plug тебе в уши, повязку на глаза (все дается в подарочном наборе) и... в глубокий сон до «полной остановки самолета». Оказавшись в таком месте, я прошел этот путь до конца, изучая все его изгибы. А они включают: еду по специальному меню (там за один раз «нужно» отведать около 20 блюд), богатый набор выпивки, начиная от французских вин и шампанского, от которых, правда, у меня изжога (видимо, классовая ненависть печет), до всяких крепких виски и скотчей и разнообразных сортов пива, которые мой организм почему-то принимает хорошо. В-четвертых, туалет благоухает кремами и прочими причиндалами для мытья и бритья.

Короче, обслуживание такое, что можно лететь хоть 10, хоть 20 часов в полнейшем кайфе. Очень странно, но мне это понравилось. Я и раньше (в период загнивающего социализма) летал и в бизнес-классе, и в первом классе (по приглашению американцев), но как-то на все эти «мелочи» не обращал внимания. Теперь почему-то обратил. Старею, что ли?

Гонконг — «благоухающая гавань» или Манхэттен на горах

В гонконгском аэропорту нас ждали. Сын продолжил «порчу» моего сознания, заказав капиталистический сервис. Почти у самого трапа нам с поклоном вручили сообщение, что нас ожидают, и вручили карту аэропорта, по которому мы нашли место, где нас встречали. Китаец в красном мундире, удостоверившись, что мы — это мы, подхватил две наши легкие сумки и вывел к машине, напомнившей мне правительственный лимузин-«членовоз», который тут же рванул и доставил нас в гостиницу “Mandarin Oriental Hotel”. Гостиница оказалась пятизвездочной, лучшей в городе (по крайней мере, так нам сказали). Она находится в очень удобном месте: минутах в пяти от Центрального паромы и вблизи всех важных коммуникаций, которые нам понадобились в следующие дни. Номер расписывать не буду: типичный вариант пятизвездочной гостиницы (правда, по технической оснащенности хуже, чем аналогичные японские номера). Есть и «специфика»: туалет смывается с мылом и дезодорантом.

С первого впечатления город вызвал у меня ассоциации с нью-йоркским Манхэттеном, только расположенным на горах. Множество высотных зданий весьма оригинальной конструкции. Стекло под золото и серебро блестит и ночью, и днем. Я ни разу не смог сосчитать количество этажей: путаница начиналась где-то после 50–60 этажа.

Наслышавшись о знаменитой гонконгской кухне и ее разнообразии, мы предвкушали первое посещение ресторана. Но, пройдя довольно большое расстояние, мы нигде не увидели их. Оказывает-

ся, там улицы условно разделены по виду деятельности: бизнес-улицы, магазины-улицы, рестораны-улицы, базары-улицы. Есть туристическое правило: ешь там, где едят местные жители. Это и вкусно, и дешево. Опьянев от качества встречи и гостиницы, в которой поселились, мы заскочили в один из таких «ресторанов», который был наполнен аборигенами-китайцами. Нас чуть-чуть смутило отсутствие скатертей, но, может, у них так положено? «Включили» первый официальный язык, английский, и были «выключены» отсутствием понимания. Однако как-то все же объяснили одному ресторанному полиглоту, что и как. Заказали известный Вале набор блюд, но съесть его не смогли. Мы впервые столкнулись с тем, что китайская пища тоже может оказаться невкусной, даже противной. Но это был уровень ресторана, а не кухни, как мы впоследствии поняли.

В соответствии с Валиным планом, на следующий день мы двинулись на полуостров, в район Каулун, который расположен на другой стороне залива Виктория и представляет самую обширную часть всего гонконгского анклава. На пароме это занимает минут десять (можно и на метро, которое проходит под заливом). Как раз в самой южной его части красуются культурный центр, Музей космоса и Музей искусств.

Музей искусств внешне выглядел великолепно. Но самого искусства почти не было. Точнее так. В апреле там организовали выставку под названием *Buddhist Sculptures: New Discoveries from Qingzhou and Shandong Province* — это сто физиономий будд из какого-то храма. Поскольку с Буддой у меня особые отношения — все разновидности его учения я рассматриваю как исторически вредоносные — мы его обошли стороной. Историческая же часть картинной галереи представлена 60 картинами, поделенными на три категории: Гонконг через века, Макао в серии взглядов и Вояж в Гуанчжоу за картинами. По стандартам пекинских музеев, это более чем скромно. Причем удивило то, что деформированные свитки как-то были небрежно подклеены скотчем или припилены на кнопках. Картины оказались не очень известных художников, в основном из династии Мин. Наиболее значимый среди них — Лю Маошань. В одной из комнат был представлен «молодняк». Это в основном китайские «абстракты», которые по маразму решили

не уступать своим европейским коллегам. Некий Кван Люн намазюкал картины под названием Blue-1 и Blue-2. В первом случае синяя краска как бы стекает вниз, во втором — устремляется вверх. Другой художник — Динь Яр Юнг — какие-то палки назвал Фигура-2. Ну и все остальное в том же духе. Раньше я как-то не думал, что китайцы в искусстве тоже могут впадать в маразм. Правда, гонконгцы не совсем китайцы, но об этом речь пойдет ниже.

Зато такого современного здания музея искусств я еще не встречал. Современная архитектура, внутри эскалаторы на все этажи, а не какие-то там допотопные лестницы, как в Уффици или Эль Прадо. А туалеты — одно загляденье: мрамор, стекло и золото-серебро. Произошла победа формы (здание) над содержанием (картины), что соответствует духу Гонконга и его жителей. На почти семимиллионный город всего шесть музеев. Причем, как я вычитал в какой-то местной газете, посещаемость этих музеев постоянно падает: за последние несколько лет почти в два раза.

Явно не удовлетворенная таким музеем, Валя не унималась и пошла к консьержу в гостинице выяснять, где все же можно в изобилии посмотреть на китайскую (гонконгскую) живопись. «На Голливудроуд», — посоветовал он. Там о-о-о-очень много всего. Указанная улица, где выстроились магазины с китайским антиквариатом и картинами на продажу, в основном представляла собой безликие поделки: масса буддийских статуй и статуэток и стандартные, без почерка картины, в основном современных художников, по-моему, элементарных халтурщиков.

Валя не вдохновилась, а мне наплевать.

Торговля по-гонконгски

Поскольку программа по «искусству» была выполнена очень быстро, мы начали просто ходить по улицам и другим житейским достопримечательностям — рынкам, улочкам. На следующий день мы поехали на Птичий и Цветочный рынки, которые тоже находятся в Каулуне и были широко разрекламированы в туристическом маршруте. Поехали на метро, которое, кстати сказать, очень приличное. Весьма функциональное и намного лучше, чем в Лондоне. Птичек же почему-то оказалось очень мало, цветов много.

Затем по центральной улице Каулуна — Натанроуд — мы прошли весь район насквозь, то углубляясь в китайские узкие улочки, то снова вырываясь на стремнину. Здесь купить можно все. Об этом чуть подробнее.

Процесс покупки — особая специфика Китая вообще, Гонконга в частности. Пример. Валя везде покупает СД с китайской живописью и с техникой показа этой живописи. Заходим в какой-то универмаг. Продавец говорит, что штука стоит 220 гонк. долл. (1 амер. долл. = 7,4–7,7 гонк. долл.). Валя делает вид, что хочет подумать и делает шаг в сторону. Тут же цена падает на 100 долл. за штуку. Валя канючит и понимает, что это не предел. Мы говорим: очень хорошо, но нам надо еще немножко подумать, за что вслед получаем шипение. Проходим метров 20 на том же этаже, опять продают диски. Те же самые, но тут первоначальная цена 35 долл. — А если возьмем 8 дисков? — Тогда еще 20 % скидка. Вот так: 8 дисков за цену одного, объявленную в 20 метрах от «неправильного места». И это в большом едином торговом центре. Ну а на улице...

Памятка для тех, кто не знаком с китайской системой торговли: никогда сразу ничего не покупать — это раз. Два — торговаться, снижая цену, как минимум, на одну треть, обычно — на две трети, а дальше как сумеете. Чем больше торгуетесь, тем больше уважения у продавца. Хорошо зная эти вещи, мы сами, однако, сильно прокололись.

Я давно хотел купить новую видеокамеру, поскольку моя старая сломалась. Но цены в Москве и в других местах меня не устраивали (везде они были где-то на уровне 1000–1200 амер. долл.). А потом, хотение было каким-то абстрактным. Вроде бы надо, а с другой стороны, зачем? Фильмы делать я не собирался, а для запечатлений хватает и фотоаппарата. Короче, было хотение, не оформленное в цель.

Так вот, идем мы по этой Натанроуд, где нескончаемая сеть магазинов с разной видео- и аудиоаппаратурой манит посмотреть на последнее слово техники. Валя в одном магазинчике спросила: «А где же цены на вашу аппаратуру?» — «Здесь», — ответил парень и, усмехнувшись, показал на висок. И такие «бесценные» магазины — просто почти все. Ну, подумали мы, такая у них особен-

ность, рынок, так сказать. Валя без особого умысла спрашивает в другом месте: «Сколько стоит эта цифровая видеокамера?» — показывая на небольшой аппаратик фирмы «Сони». Продавец говорит: «Ничего не стоит, т. е. всего долларов 500 (американских)». Мы удивились, поскольку такие камеры я видел за 1000 и более. Тут продавец «только для нас» скидывает цену до 400. Просто даром, — подумал я, и достаю кровные (не Герины) 400. Тут вступает в дело другой профессионал и предлагает нам показать, как работает эта камера. Сервис, капитализм! Мы заходим в небольшую полутемную комнатку. Он подключает камеру к телевизору, демонстрируя, как работает наша камера, когда снимаешь в помещении. Без дневного света, т. е. при комнатном освещении она уже якобы не снимает, а нужна специальная лампа. А для того чтобы снимать в неосвещенных местах без этих вспышек и прочих причиндалов, вам надо купить другую камеру, и достает эту самую другую камеру, побольше. Она действительно «берет» темноту и увеличивает в 400 раз (предыдущая всего лишь в 120 раз). Он расписывает прелести новой камеры (объектив, разрешательная способность и многое что еще, чего мы не поняли). Я спрашиваю, сколько же она стоит? Он — 470 долл. Я подумал, что это ее полная цена, т. е. добавить всего нужно 70 долл. Ан нет, оказалось, что 470 надо добавить к тем 400 долл. Мы, естественно, не соглашаемся, а он нам: «Вы же лишаете себя возможности снимать в домашних условиях». Резонно. Я чувствую, что влип и понимаю, что предыдущих 400 долл. я уже у них назад не вырву, поскольку, повторяюсь, я тут же их выложил за ту, цифровую, камеру. Я оторвал от сердца последние свои накопления, и вышли мы из магазина с камерой, достаточно хорошей, но, как оказалось, не цифровой. Но такой уж профессионал нам попался. И такой он гонконгский рынок — техника, помноженная на китайскую хитрость. Надо иметь в виду, что Гонконг — это самый торгашеский город в мире с разветвленной мафиозной структурой по всему миру. По своей агрессивности в торговле гонконгцам нет равных в мире.

То есть я выложил за вещь, которую, в общем-то не собирался покупать, 870 амер. долл. Вечером мы попробовали эту камеру. Она действительно оказалось очень хорошей: мы умудрились заснять даже ночной Гонконг. Но через день мы наткнулись на магазин не-

далеко от нашей гостиницы, где приблизительно такого же класса камера, а может, и лучше (в чем себе не хочется сознаваться) стоила 600 амер. долл. И самое противное. Оказывается, в Москве она тоже стоит приблизительно 600 амер. долл. Отсюда еще одно правило: если уж что-то купил, потом не выясняй, сколько это стоит в других местах. Портит настроение.

Однако наше настроение вновь взлетело, когда мы этой камерой смогли заснять удивительное зрелище — «нашествие» филиппинок на Гонконг, их туризм в ночном городе.

В дни нашего пребывания были какие-то предпасхальные праздники. О них мы узнали по предпраздничному нашествию женщин, которые тысячами заполнили улицы острова. Распаковывались и запаковывались какие-то коробки, прямо на проезжих частях улиц, которые были закрыты для движения машин. Полицейский нам объяснил, что это — Eastern Family Fun Day, когда армия филиппинок наводняет все центральные улицы Гонконга. Филиппинские мужики ловко придумали! Женщины устраиваются на тротуарах и на проезжей части, едят, играют в карты, стригутся, целый день не сходя с места. Чего приезжали? Шум от них такой же, как от миллионов птиц на скалах. А часов в 11 вечера начали собирать свои сумки-коробки, оставляя центральную часть города с ее Картье, Боссами и Армани в состоянии ночного восточного базара.

Золотые небоскребы и птичий базар!

В субботний день, к вечеру нам понадобились деньги, поскольку очастливленные дорогой покупкой, мы остались без них, да и на воскресенье мы наметили поездку в Макао. Перехваленный «Америкэн Экспресс» в Гонконге оказался не таким уж удобным подспорьем. Банк вместе с кэш-машиной закрыт. После объяснения охране, что нам нужна только машина, мы были сопровождены к ней. Машина замерла вместе с банком. Мы тоже замерли. Денег у нас нет. Банк закрыт. Во всем городе по этой карте можно взять деньги из машины ТОЛЬКО в одном месте! Мы, озадаченные своим дальнейшим существованием, помчались в гостиницу ждать звонка от сына. Все было им разрешено сразу же, к нашему удивлению. В таких гостиницах, в которой мы жили, оказывается, можно взять деньги в долг, и они будут прибавлены к общему счету. Это для справки тем, у кого может сложиться подобная ситуация.

В один из дней мы решили взобраться на «Пик» в буквальном смысле этого слова, т. к. это — самая высокая точка гонконгского острова, откуда можно было созерцать весь Гонконг. Но для начала надо было взобраться до станции трамвая, который и повез бы нас на этот «Пик». Оказалось, что это тоже не простое дело, особенно в 26-градусную жару. Не без труда мы доплелись до этой станции, но у нас не оказалось таких наличных денег, чтобы купить билеты. Они стоили долларов по 140. АМЕКС и здесь не работал. Но уж коли мы на полпути к «Пику», мы не упустили возможности вскарабкаться еще метров сто или двести к месту, обозначенному как зоопарк, к которому вели указатели. Немного взмыленные, так что Валя рухнула на скамейку (а какая туристка!), мы добрались до этого зоопарка, в котором обнаружили двух спящих леопардов и всяческих птиц, которых можно поймать и на улице. Этот зоопарк не стоил наших усилий. Зоопарковая культура ни в какое сравнение не идет с аналогичной в Гамбурге, Дрездене и Берлине (почему-то в Германии отличные зоопарки). Зато здесь вход в зоопарк бесплатный. Может быть, «в нагрузку» за потраченные усилия для таких туристов, как мы. Я думаю, что если бы он был платный, ни один дурак туда бы не полез специально.

Как на острове, так и в Каулуне в стороне от главных улиц множество узеньких улочек (метра в полтора шириной), где жизнь бьет ключом. Торгуют морской всячиной, сушеными и очень вонючими соленостями. Рыба и моллюски прямо прыгают из тазов. Зелень, невиданные фрукто-овощи. Мясо, думаю, не проверенное на коровье бешенство, разделявают и жарят тут же. Горы риса всех сортов. На это Валя обратила внимание после того, как в одном из ресторанов нас спросили: «Вам какого риса?» Риса как риса, — нам показался смешным такой вопрос. И вдруг десяток сортов — от белого до черного. Первого официального языка мы здесь не слышали совсем. А вот со вторым был эксперимент. Прямо напротив «золотой» 100-этажной башни сидит бабка и продает папайю. Валя спрашивает (естественно, по-английски), мол, сколько стоит? Бабка, «поняв», показывает деньгу в 20 долл. и отвечает «шу-шу». Мы тоже поняли и сделку заключили.

Я давно мечтаю попасть на озеро Титикака. Но вот в Каулуне моя мечта наполовину сбылась. Мы забрели в одну такую улицу,

где наткнулись на ресторанчик с названием «КаКа Локк». Можно считать, что «Каку» я посетил, осталось посетить «Тити». Но это я сделаю сам, без помощи сына.

Между прочим, даже на основных, фасадных улицах нам попалось немало нищих и бомжей (чего мы не встречали ни в Пекине, ни в Шанхае). Один бомж спал сладким сном, а вокруг него сновали огромные крысы (это на улице Натанруд), но его не кусали. Видимо, своего не трогали. Зрелище, особенно для женщин, пренеприятное. И еще одно не менее любопытное зрелище. Одна старуха, подняв довольно высоко ногу, соскабливала о стенку свои мозоли. Очень интересное ноу-хау.

Макао — не Лас-Вегас, а казинос немалос

Еще до приезда в Гонконг мы запланировали съездить в Макао. Было интересно, особенно после нашего недавнего визита в Лишбоа, узнать о влиянии колонизаторов-португальцев на китайское население. Колонизаторствовали они, между прочим, здесь где-то с середины XVI в. И только в 1999 г. Макао перешел под юрисдикцию КНР, как и Гонконг, получив статус Специального административного региона.

Доехать из Гонконга до Макао просто: всего час езды на катере. Придя на паром, мы обнаружили очень мощное современное здание, напоминающее приличный аэропорт. Через каждые 15 минут отправляются турбокатера — это и есть паромное сообщение. Купили билеты по 130 долл. в одну сторону на человека. Когда расселись на катере, нам раздали бланки для заполнения своих паспортных данных. При «заплыве» в Макао нужно проходить визовый контроль. Еще большее удивление вызвало то, что гонконгцы стали в очередь с нами как «иностранцы». Макаооский пограничник очень внимательно рассматривал наши паспорта и как-то нехотя поставил штамп. Выйдя на вокзал, мы столкнулись с таксистами и рикшами, предлагавшими доставить нас до центра. Я не люблю наглый сервис (они почему-то напомнили мне наших

таксистов в Шереметьево). Мы предпочли воспользоваться автобусом, который и довез нас до этого центра всего лишь за 10 гонк. долл. на двоих.

Осмотревшись, мы поняли, что только в центре и осталось кое-что португальское, причем не так много. Город вызывал какое-то странное ощущение из-за названия улиц: они названы по-португальски (Rua do Campo, Rua de sen Paolo и т. д.), но как-то не очень гармонировали с китайскими зданиями и кишашей жизнью. Хоть дождь и подпортил наш день, но китайцы его не замечали. Торговля, шум, запах китайской пищи — все жило своим чередом. Зашли в Се Catedral Макао — Кафедральный собор. Внутри три человека, точнее, одна женщина и два человека. Женщина, на вид португальская китаянка. Видимое нелепое сочетание, точно такое же, как и сочетание названий улиц с китайским ароматом, да и всего привнесенного универсального капитализма на китайскую почву. Искусственный гибрид — такое же было ощущение и от Гонконга, но оформилось словесно именно сейчас. Посмотрели Руины Св. Павла. Руины как руины. Красив музей Св. Доминика. Немного в стороне от него площадь, чисто в португальском стиле. На улице Амараль увидели казино, в которое спешила славянская девочка, судя по внешнему виду, наша «наташа». Вокруг этой Амараль сгрудились главные казино Макао, оправдывая случайную аналогию. За два часа мы обошли все достопримечательности центрального Макао и решили, что делать нам здесь больше нечего. Вале, правда, повезло с книгой. В каком-то магазине она нашла альбом какого-то художника, который «идет» в том же направлении, что и она. Скартертью им обоим дорожка.

Я хотел было уговорить Валю сыграть в рулетку, но восторга у нее не вызвал, она уткнулась в свой альбом. Ставишь так доллар — и ты миллионер!!! По крайней мере я много об этом читал. Но Валя категорически отказалась искушать судьбу, поскольку если бы я не стал миллионером, то мы вообще не смогли бы выехать отсюда.

Без особых впечатлений мы уезжали из этого Макао-Аомэня. Единственное, что нас действительно потрясло, так это мосты: таких длинных я нигде не встречал. Сан-францисский мост перед этими просто детская постройка. Один — это мост Дружбы — на-

чинался и кончался в тумане, а видимая его часть была километра три-четыре. Судя по карте, мост должен тянуться на 10–15 км. Другой мост — Макао-Тайпа. Оба моста соединяют Макао с островами, названия которых почему-то на карте не обозначены.

До «Пика» не добрались, а китаянки на пике

В тот же день мы вернулись в Гонконг, который нам уже показался родным и близким. Надо заметить, что с каждым днем он нам почему-то нравился все больше и больше.

На следующий день мы собрались было посетить их знаменитый Океанский парк, но по проспекту поняли, что там ничего особенно нет. Несколько дельфинов и всякая запрудная дичь в лице все тех же фламинго красовались на рекламе об этом парке. Памятью поход в зоопарк, мы решили пропустить Океанский парк. Причем вход в этот парк стоил по 140 местных долларов (около 20 амер. долл.). Решили тогда съездить в район Стэнли: там бурлит их разрекламированный рынок. Стэнли находится в западной части Гонконгского острова, и туда надо было добираться на двухэтажном автобусе (в Гонконге, по-моему, все автобусы двухэтажные). Дорога вела в гору, а с горы открывалась живописная панорама города. Здесь мы «добрали» ощущение от «Пика». А ближе к Стэнли можно было созерцать Южно-Китайское море. Я, конечно, впечатлился, хотя было такое ощущение, что мы свалимся в пропасть. Очень странное чувство вызывали высотные дома, которые были каким-то образом встроены в эти горы: на вершине горы — небоскреб. Непонятно, как они выдерживают всякие тайфуны и цунами. А если пожар?

Сам рынок оказался не очень большим и по своему разнообразию не шел ни в какое сравнение с торговлей на Натанроуд и близлежащими переулками, не говоря уж о пекинских рынках. Но мы не пожалели, что съездили сюда. Красота самой дороги компенсировала разочарование коммерцией.

Обратили внимание и на такой момент. Как ни странно, не так много туристов с Запада (но много из Японии). Среди них, естест-

венно, женщины, которые очень невыгодно смотрятся на фоне китайянок. То ли приезжают какие-то бизнесвумен, то ли из военных, то ли бисексуалки — не поймешь. Китайянки же хотя и бывают разными, но среди этих разных попадаются просто восхитительно красивые. Мы с Валеё аж вздрогнули, когда увидели как-то двух девушек. Просто образцы восточной красоты.

Ну а как там Палпалыч, мелькнуло в голове. Тут, на краю света, ходит такая красота, а там, в застенках американского капитализма сидит наш мученик — Палпалыч. Очень мы хотели найти хоть какую-то информацию о великой стране — России, о величии которой прожужжали все уши ее кормчие. Однако по 42 каналам местного телевидения (которое включает все мировые информационные агентства) так ничего мы и не узрели про рост экономики в Державе, про Палыча, про Путина. Но заметили, что рекламы на телевидении нет. А если есть, то это — секунды. Нет на телевидении и похабщины. И про Англию, свою колонизаторшу, тоже не очень много говорят. Восток!

В общем, уезжали мы из Гонконга наполненные впечатлением несовместимости. Так и представляется, как бизнесмен, сняв свой костюм, становится через улицу от золотого офиса китайцем и идет есть свою лапшу в тот «ресторан», что попался нам в первый день. Культура, помятая бизнесом.

Баня в аэропорту

Улетали мы из Гонконга почти в 12 ночи, а приехали в аэропорт около 9 вечера, поскольку ноги наши уже не ходили. Гостиничный специальный автобус домчал нас до космического объекта — Гонконгского аэропорта.

Мы не пожалели, что приехали в этот аэропорт пораньше. Сам аэропорт — достопримечательность. Строительство его обошлось, я где-то то ли прочел, то ли слышал, в 12 млрд долл. Он — самый большой в мире. Скажем, все Шереметьево могло бы уместиться где-то у него на задворках. Он очень функционален и, несмотря на огромные размеры, удобен.

Наученные посещать места для бизнес-людей, мы отправились в лаундч, который оказался очень большим. Я решил выполнить всю программу полностью: от еды с пивом до бани. Заказав японской трапезы и запивая это все японским же пивом, мы выполнили первую часть. Вале я взял вина, фруктов, а сам — в баню. Я первый раз причастился к такой услуге в аэропорту и, думаю, сохраню эту привычку, если мои финансы или финансы «спонсоров» позволят мне продолжить практику бизнес-класса. Пролетарская совесть захмелела и распарилась. А «слуги» интересуются, не промоюсь ли я и не опоздаю ли на рейс. Нет, говорю, я в порядке.

После купания пошел в смокинг-бар, т. е. в курительную комнату, где еще дают и выпить. Взял еще пару банок «Кирин биру», устроился напротив итальянца, который курил трубку. Я тоже решил закурить: достаю зажигалку, купленную на Каулуне, на которой красуется портрет Великого кормчего — Мао Цзэдун. У зажигалки специфика: при прикуривании она запекает песню «Алеет Восток», в котором есть прекрасные слова: ветер с Востока довлеет над ветром с Запада. Итальянец заинтересовался. Спрашивает, а кто это на зажигалке. Говорю: Мао Цзэдун. Он: а кто это? Я удивился, а он удивился, что я удивился. Так мы и познакомились. Он в ответ как бы с обидой поведал, что китайцы и американцы не знают про Италию и думают, что это еда такая — Италия.

В этом рассказе я усмотрел подтверждение своим наблюдениям: для китайцев и американцев весь мир — ничто, он неразличим. В мире есть только Китай и США, дракон и тигр, остальных животных можно и не различать: они все равно пища для первых двух.

Летели назад мы все той же Cathay Pacific, только уже не 10,5 часов, а 12 часов. Для несведущих: на Восток лететь всегда быстрее, чем на Запад. На этот раз, однако, этих часов мы не почувствовали. Полет до Франкфурта-на-Майне показался мгновеньем. Что значит бизнес-класс! Аэропорт же во Франкфурте уже нам «не показался». Неудобный, сервис грубоватый, вместо улыбок хмурь и раздражение. Правда, пребывание в этом аэропорту до нашего вылета я скрасил потреблением все того же «Кирин биру», несколько банок которого я умыкнул про запас из гонконгского лаундча. Настроение испортилось, когда мы загрузились в эту Люфтганзу: ряд оказался последним, газет нам не хватило. Вот что значит эконом-класс.

Но лететь было недолго, и через пару с небольшим часов мы в Москве, которая нас встретила 20-градусной теплотой. Я разделся до футболки, но в метро почувствовал себя не в своей тарелке, т. к. все были одеты в плащи, пальто, а некоторые женщины даже в шубах. На улице 20 градусов тепла и... шубы. Видимо, Путин не дал команду раздеться.

Я уже давно заметил одну особенность русских: они одеваются не по погоде, а по сезону. Если уж зима, даже при температуре 2–3 градуса, они все равно будут в шубах и дубленках. Особенно это касается женщин. Но зато они самые красивые. Красивее даже китаянок... в массе.

Гонконгцы — это китайцы или кантонизы?

А теперь несколько слов о том, что действительно меня интересовало. Для начала такая справочка для читателей. Население Гонконга — около 7 млн человек. Лет десять назад здесь жило больше миллиардеров, чем во всем мире. По данным за 1999 г., экспорт Гонконга составлял 175 млрд долл., экспорт 146-миллионной России — 75 млрд долл., соответственно, импорт: в первом случае — 173, во втором — 50 млрд долл. У Гонконга сумма золотовалютных резервов составляет 96,3 млрд долл., у России — 9,6 млрд долл. Номинальный ВВП Гонконга равен 173 млрд долл., у России — 276 млрд долл. Это значит, что на душу населения ВВП Гонконга равен 24 716 долл., у России — 1 876. Причем вся площадь Гонконга, а это полуостров +260 островов, равна около 1 000 кв. км, площадь России, надеюсь, все знают.

Гонконгцы, повторюсь, самые агрессивные хуацяо¹, которые с 1997 г. перестали быть хуацяо, поскольку стали частью КНР. В этой связи меня интересовал вопрос, как сами гонконгцы определяют себя. Кто они? Это непростой вопрос, который поднимает целый пласт проблем, до сих пор не решенный.

¹ Хуацяо — это китайцы, живущие за рубежом, т. е. китайская диаспора.

По опросам 1985 г. было выяснено, что 60 % респондентов определили себя как гонконгцы и только 36 % как китайцы. По статьям на эту тему в газетах я выяснил, что и после воссоединения с КНР ситуация изменилась не столь существенно. Проблема заключается в том, что «китайство» (chineseness) ассоциируется с «материковостью» (mainlandisation), т. е. с коммунистическим режимом. Другими словами, назвать себя китайцем — это все равно что назвать себя коммунистом. А этого многие не хотят.

Чтобы как-то решить эту проблему, пекинские власти через различные пропекинские организации в Гонконге иницируют возрождение китайских традиций, например, во время фестиваля Чин Мин (Ching Ming festival) или во время Лунного Нового года (обрамляются красные фонари, патриотические пения, акробатические шоу и т. д.). Вся эта «китаизация» воспринимается с недоверием, особенно молодежью, которая весьма далека от китайских традиций просто в силу своих интересов. Они заняты инвестициями в рискованные компании, в рынок собственности, т. е. крутятся в бизнесе, который как по своей морали, так и по функциям не имеет ничего общего с конфуцианскими или таоистскими канонами. Этот мафиозный гонконгский бизнес, хотя и связан с семейными кланами, но оторван от китайских ценностей. Китаец-капиталист — это противоречие. Китаец — это часть китайской нации, он работает и живет во имя Китая, во имя утверждения китайских ценностей. Китаец-кантониец живет во имя собственных интересов, во имя денег. Это противоречие проявляется даже в том, что гонконгец носит обычно европейское имя: Китти, Джон, Вильям и т. д., — а фамилия у него остается китайская.

Движение машин — левостороннее (как в Англии), движение пешеходов — правостороннее. Такое двустороннее движение.

Ориентация на бизнес, деньги лишают гонконгца национального характера, национальной культуры. У любого бизнесмена нет лица (Ленин: у капитала нет национальностей). Один продавец нам рассказывал, что хотя он себя и называет китайцем, но все-таки он не такой как на «материке». Мы, говорил он, живем ради денег, а они, если по большому счету, живут на стратегию, во имя великого Китая.

Надо иметь в виду, что и резкое отличие кантонийского диалекта от мандарина (путунхуа) отделяет эту группу китайцев. Гонконг —

Нагоя. 1993.
Валя во дворе Буддийского храма

Токио. 1993.
У императорского дворца

Ванкувер. Канада. 1993.
Оканадился

Ванкувер. 1993.
Мы — канадцы

Пекин. 1999.
Слоновья компания

Пекин. 1999.
На улице Люличанг (улица искусств)

Рим. 2000.
Колизей

Флоренция. 2000.
Отсюда пошло Возрождение

Рим. 2000.
Я и Ватикан

Рим. 2000.
Памятник Виктору-Эммануилу с алтарем Родины

Мюнхен. 2000.
Знаменитая пивная Hofbrauhaus

Любек. 2000.

Франкфурт-на-Майне. 2000.

Мадрид, 2001.
Дворец связи Площадь Майор.

Мадрид, 2001.
Памятник Филиппу III

Мадрид, 2001.
У памятника Гойи перед музеем Дель Прадо

Лиссабон. 2001.
Монастырь Жернонимуш

Лиссабон. 2001.
С Фернандо Пессоа

По узким улочкам Лиссабона. 2001.

Гонконг. 2001.
Натанроуд

Гонконг. 2001.
В переулках Каулуна

Макао. 2001.
Перед руинами Св. Павла

Москва. 2001.
Красная площадь. Мавзолей Ленина. “No pasaran”

Москва. 2001.
Калужская площадь.
Монумент Ленину

Москва. 2001.
Арбат

Лондон. 2002.
Мост Тауэр

Париж. 2002.
У великого Гейне

Нью-Йорк. 2002.
Метрополитен.
Перед полотном какого-то «гения»

Париж. 2002.
Музей д'Орсей

Ницца. 2003.
У входа в гостиницу
буржуев «Негреско»

Лондон. 2003.
На могиле Маркса
на Хайгетском кладбище

Шанхай. 2003.
Ван Люши у плаката, возвещающего о ее выставке

Шанхай. 2004.
Фуданьский университет. С тов. Мао Цзэдуном и Ван Люши

Шанхай. 2004.
С друзьями напротив Пудонга

Англия. 2001–2005.
Скромный домик под Оксфордом

Франция. 2007.
Перед самым красивым замком Шамбор

так читаются два иероглифа на кантонском диалекте, те же иероглифы на мандарине — Сянган, а Макао — как Аомэнь. Когда Гонконг я называл Сянганом, меня не сразу понимали, о чем я говорю. Я удивился, когда выяснил, что мало кто владеет «мандарином». Продавцы говорили, что учат в школе, но тут же забывают. Для них — это другой, иностранный язык.

Удивило и другое. С английским языком гонконгцы тоже «на вы». Знают в гостиницах, а также те, кто связан с международным бизнесом. На улицах же простые жители практически его не знают. Между прочим, уход англичан, как мне показалось, не вызвал печали. Наоборот, ныне открылись более широкие возможности для бизнеса с «материком». Но на психологическом уровне (судя по газетам) они КНР воспринимают как иностранное государство. Хотя сами ездят на «материк» без виз, в то время как с материка требуется виза, причем получить ее непросто.

Результаты получились уникальные: ни Запад, ни Восток, ни китаец, ни европеец. Синтеза не получилось. В остатке — кантонец (гонконгец) с особой формой азиатского капитализма, в котором чуть ли не ведущую роль играют тайные общества (хуэйданы), распространившиеся по всему миру. Конечно, это противоречие в конце концов будет решено в пользу материка. Все-таки история Китая — это почти пять тысяч лет. А английского Гонконга — всего лишь сто лет. «Материк» кого только не перемалывал. Перемелет и гонконгцев. И тогда они вновь станут китайцами.

Апрель 2001 г.

Ах, Лютеция, ах, Париж

В Париже мы бывали неоднократно, но все как-то наскоком, впопыхах. На этот раз решили осмотреть его по-туристически, без спешки. Гера купил нам евростаровский туристический пакет на неделю, и мы отправились. Давно уже всем известно, что поезд «ведет» себя на территориях Англии и Франции по-разному. Дороги у англичан, причем все: как железные, так и бетонные — притча во языцех. Бесконечный ремонт и улучшение — вот примета английского передвижения. Это улучшение входит статьей в бюджет тех администраций, на чьей территории пролегают эти кровеносные вены дорог, и каждый ремонт — это дело, думаю, достаточно выгодное. Но не для пассажиров. Изменить что-нибудь в дорогах по-английски невозможно. Все, принятое парламентом столетней давности, как английская крепость, нерушимо.

Французы всячески стараются утереть нос англичанам и крайне довольны, когда поезд, минуя последнюю английскую милю, взлетает на французских километрах со скоростью в два раза большей. Да и общая внутренняя атмосфера как-то сразу оживилась в поезде: тишина и снотворность сменилась на легкий «выпивон» и милые улыбки. Природа тоже почувствовала это напряжение и, спокойно распроставшись с дождем, начала улыбаться прорехами в облаках до полного их исчезновения к концу пути.

Гостиница «Меридиан», недалеко от Триумфальной арки, встретила нас ненавязчиво и приятно, с журчанием французской речи, перемешанной с английской только из-за надобности.

Приняв щедрый французский душ, мы отправились на Елисейские поля — гордость и визитная карточка Парижа. Мой «изумительный» французский язык все же производит значительно более

приятное и необходимое в путешествии впечатление, чем просто игнорирование языка страны, в которую приехал. Сценка, увиденная на Елисейских полях, тому подтверждение: два американца пытались найти улицу Чэмсэлайсыс (Chams Elysees), стоя прямо на ней, но на такое хамство французы даже не реагировали. Туристическая американская вседозволенность во Франции срabатывает очень плохо.

Гордость гордостью, а бизнес бизнесом. Париж — город мира, здесь живут и сюда приезжают, чтобы понять, что такое свобода. Парижская граница — это безвопросная сверка документа с проходящим границу человеком, с неизменным «мерси, мадам/мсье». Люди всех национальностей, всех неслыханных языков сливаются в одну кипящую массу, называемую Парижем. Шумные итальянки в золоте и шубах (это в марте); демократичные парижане в рубашках; японцы со своими космическими камерами, желающие запечатлеть все, что не видно глазами; американцы, группирующиеся у своих автобусов и гидов; индусы, арабы, китайцы, русские и пр. Приветливый гомон стоит над этими полями, перемешиваясь в недофранцузскую речь. Здесь все продают, здесь все едят, здесь любят и ругаются, здесь... здесь... здесь... Ресторанные стулья расположены как ложи в театре: лицом к зрелищу, то есть к улице. Так что весь этот спектакль, под названием «Жизнь Парижа» проходит прямо перед глазами тех, кто приехал его посмотреть. Все это уживается, ни на минуту не прекращаясь круглые сутки. Французские полицейские гордо прогуливаются по проспекту, но никогда не вмешиваются в то, что могло бы нарушить права человека, например, оставят в покое пьяного пожилого человека, который мочится под себя. Это может вызвать только смех, что страшнее наказания.

Традиции и история — два важнейших пласта человеческой жизни, чего мы в своей туристической программе всегда стараемся коснуться. По нашей программе на следующий день утром значилось кладбище Пер Лашез. У входа я купил карту кладбища (сделанную самостроком на принтере), которую, оказывается, можно было взять бесплатно у служителей этого кладбища (у, жулье!). На огромной территории похоронено множество людей, известных во всем мире. Хотя посещение таких мест всегда имеет особый эмоциональный отпечаток, мы, тем не менее, пошли поклониться великим людям, обойдя несколько десятков из них (Абеляр, Аполли-

нер, Бальзак, Бомарше, Беллини, Бланк и Бланки, Шопен, Делакруа, Даламбер, Исидора Дункан, Элюар, Лафарг, Лафонтен, Лаура Марк/Лафарг, Мольер, Пиаф, Писсаро, Пруст, Россини, Тьер, Морис Торез, Оскар Уайлд, В. Врублевски).

«Сумерки духа» захотелось сменить на что-то ярмарочное, праздничное. У Вали по плану — Монмартр. Это — часть города, расположенная на возвышении. Доехали мы до площади Пигаль на метро, а там... по карте, в которых, как известно, я мастер. Однако то ли карта плохая, то ли я «не дотянул», мы заблудились. Мой французский не предусматривал такого поворота событий, и мы растерялись, блуждая в подъемах и спусках узких улочек. Порадовавшись, что французы не отвечают наглым янки по-английски, мы не решились использовать их терпение в нашей ситуации. Однако усталость валила с ног, и Валя, увидев держащих в руках карту каких-то туристов, спросила у них место нашего нахождения и пути выхода из него по-английски. К невероятной радости и даже счастьем это были американцы. Вот так вот, не плюй в колодец...

Вершина этого холма — центр Монмартра. Здесь находятся музеи и ярмарки, магазины и уличные художники, рестораны и жилые дома, и белый красавец Собор Саркрикюр. Музыка слышна отовсюду. Везде поют и играют, хлопают и пляшут. Мы сели отдохнуть в небольшой ресторанчик, естественно, лицом к действию, и наблюдали эту богемную жизнь. Выпив винца и пива, мы сели на туристический поезд Монмартробус (Montmartrobus) и объехали весь район. Сказочный маленький поезд жутко стучал колесами по мостовым, выложенным камнями, производя впечатление замучившегося от бизнеса существа. Им исправно погоняла девушка-водитель, которая на мои вопросы на английском демонстративно отвечала по-французски и рассказывала про объекты, подлежащие к просмотру. Путь лежал через Пигаль с ее сексодромом (так называется магазин для этих профессионалов), Мулен Руж — театр-варьете, кладбище, где отдыхают от суеты те, кто творил на Монмартре, музей Дали и многое другое. Вернувшись на исходное место, мы решили пройти ногами еще кое-что.

Музей Дали. Его картины и скульптуры вызывают изумление у нормальной публики и глубокомысленный вид у остальной. Для меня Дали — странное явление. Нельзя не понимать, что он живо-

писец, талантливый изобретатель нового языка. Но мир с позиции психически больного, ненормального человека я не принимаю. Все время подступающее отвращение и тошнота, я думаю, тому свидетельство. Рассматривание его работ многими людьми — это для меня тест на здоровье любующихся. Слава богу, у нас с Валею мнение на этот счет совпадает полностью.

Путь наш лежал вниз, к метро, через красивый мостик, под которым мы и увидели кладбище Монмартра. Сил уже не было, однако и возвращаться сюда больше не было времени. Решили заглянуть на минутку. Здесь план кладбища мы уже не покупали, а взяли его бесплатно.

Мой любимый поэт и мыслитель — Генрих Гейне. Я почему-то никогда не интересовался, где он похоронен (может, потому, что он для меня жив всегда). Вдруг на карте я нахожу его имя. Валя стала крутить ее и так, и сяк, сверяя направления, но странное чувство вдруг повело меня само. Без всяческой карты я почти мгновенно нашел могилу Гейне.

Изящный памятник, сделанный из белого мрамора, точно соответствовал сути поэта: печальный лик выражал скорбь. Когда-то он с болью в сердце пророчил: будущее принадлежит коммунистам. «Действительно, только с отвращением и ужасом думаю я о времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнут власти: грубыми руками беспощадно разобьют они все мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они уничтожат все те фантастические игрушки и безделушки искусства, которые так любил поэт; они опустошат мои лавровые рощи и посадят там картофель; лилии, которые не трудились и не пряли, а все же одевались так, как не одевался и царь Соломон во славе своей, будут вырваны из почвы общества, если только не захотят взять в руки веретено; розы, эти праздные невесты соловьев, подвергнутся такой же участи; соловьи, эти бесполезные певцы, будут изгнаны, и — увы! — из моей „Книги песен“ бакалейный торговец будет делать пакетики, в которые станет насыпать кофе и нюхательный табак для старух будущего. Увы! Все это я предвижу, и несказанная печаль овладевает мной при мысли, что победоносный пролетариат угрожает гибелью моим стихам...»

Генрих Гейне. Ты оказался неправ. Пролетариат не угрожал твоим стихам. Наоборот. Он тебя издавал и переиздавал. А вот на роди-

не, в Германии, тебя действительно не знают. Не знают тебя ни в америках, ни в анлиях. Ты для них до сих пор опасный поэт. Филистеры, как и в твои времена, ненавидят революционеров даже в поэзии.

Памятники громоздились, вызывая в памяти и симфонию Берлиоза, и картины Дега, и песни Далиды... Мозг уже отказывался понимать и воспринимать все движущееся, и мы ушли.

Монпарнас — это деловой район с американоподобными стеклянными зданиями-башнями. Для нас здесь нет особых туристических мест, однако не побывать там нельзя. Мы пошли по району, блуждая и гуляя свободно. Район этот плоскостной, усталости никакой, только удовольствие одно. Но странным образом мы опять очутились около стены, за которой виднелось мощное кладбище. «Какой-то кладбищенский туризм получается», — подумал я. Однако, интерес поборол эмоции, и мы зашли. Сразу попалась могила великого русского шахматиста Алехина. Плита разбита пополам, а сама могила заросла бурьяном. Российское посольство, видимо, не может наскрести деньги, чтобы привести место памяти и своей истории в божеский вид. Недалеко — Нижинский в колпаке шута, танцующего на своем одре. Похоронен здесь и поэт Борис Чичибабин, стихотворенье которого меня однажды очень сильно поразило:

Не верю в то, что руссы
любили и дерзали —
одни врали и трусы
живут в моей державе...

И если жив еще народ,
то почему его не слышно?
И почему во лжи облыжной
молчит, дерьма набравший в рот?

У нас было еще запланированное посещение — русское кладбище в Сент-Женевьев де Буа. Туда неудобно добираться, нужно ехать на машине, но Герин товарищ, Олег, подарил нам эту поездку, сопровождая и показывая известное русским, живущим в Париже, место.

Здесь последний приют белой гвардии, здесь похоронен Тарковский, Нуриев, писатели, к которым по идеологическим причинам я отношусь весьма отрицательно. Единственное место, где я стоял с особым чувством, — это могила писателя В. Максимова.

Живя в Советском Союзе, я о нем ничего не знал. Его книги прочитал только находясь в Канаде. Максимов, как известно, страстно ненавидел ельциновский режим и выступал против него с яростными статьями в газете «Правда» (больше его никто не печатал) под рубрикой «Мне это видится так». Но удивительное другое. После его смерти в 1995 г. эту рубрику передали мне, и некоторое время я публиковал под ней свои статьи.

Ну, о кладбищах хватит. Все. С этим нужно кончать! Одни покойники! — пронеслось в голове. К счастью, у Вали на следующий день — Лувр. Она-то там была сто раз, а я нет. Вот она и готовилась, чтобы меня просветить. Но после всех этих кладбищенских заходов мне захотелось выпить пива, да побольше. Тут и сынок не подкачал. Звонит и говорит: «У вас на завтра театр Лидо». Лидо, так Лидо, я и там не был. Лувр «переехал» на следующий день, к моему счастью.

Билеты, оставленные для нас, были вручены с каким-то особым почтением. Мы, не ведая, почему такая честь, спокойно приняли их. При входе в театр-варьете швейцар, изогнувшись дугой под тяжестью этих билетов, подхватил нас и, заискивающе сюсюкая, довел до самой центральной и единственной на две персоны ложи. Тут мы поняли, что это места для особых гостей. Началась церемония приема-обхаживания: и то вам пожалуйста, и это. Меню принесли (тут во время спектакля положено есть дорогущую еду и пить вино или все, что захочешь), свечку зажгли, посуда сверкает, музыка тихохонько льется. «Что же это за концерт такой?» — подумал я, как в ответ грохнула музыка, взлетел занавес и к уже захмелевшим людям вылетели красавицы-артистки, обнаженные по пояс, все в перьях и искренними и очаровательными улыбками пошли на нас. Бордель!!! Но какого класса!!! Здесь обязательно нужно быть, чтобы понять, что такое Париж! Напряжение ушло, вино работало, красавицы демонстрировали искусство девственно показывать обнаженное тело. Вечер удался.

Валя не унималась от невыполненной программы по музеям, и я решил собрать всю волю и посетить оба из них в один день. Музей д'Орсей мне очень понравился не только потому, что там большая коллекция классиков и особенно импрессионистов, но главным образом тем, что у самого входа стоит скульптура, сотворенная неким Эрнстом Кристофом, которая изображает Валу, только поче-

му-то голой. Смотрится это лучше, чем какая-нибудь безрукая Венера Милосская. Сердце мое заныло, я сел на ступеньки рядом с «Валей обнаженной» и никуда не хотел идти. Но «Валя одетая» сверкнула глазами и потащила меня по залам и коридорам. Я сдался.

Само собой, мы побывали в Лувре. Чего там только нет! Валя, чтобы не терять время, сразу повела меня к Моне Лизе Леонардо, у которой постоянно толпится народ, разгадывая ее улыбку. Для меня эта проблема совершенно непонятна: зачем разгадывать улыбки. Ну, улыбается человек, что же здесь особенного.

Но если без шуток, то Леонардо — это человек — веха в истории землян. Он принадлежит всем, так же, как и Сократ, Гегель, Гете, Бах — личности, открывающие новые страницы истории.

Побродив по различным районам Парижа в оставшееся туристическое время, память оставила калейдоскоп знаков: Оперный театр — самое красивое здание, виденное мной когда-либо; Центр искусств Помпиду — уродство как снаружи, так и изнутри; Эйфелева башня впечатлила, но умеренно; Военная академия (этот центр науки по капитуляциям, как назвала его Валя) — красивое архитектурное сооружение; площадь Бастилии разочаровала: современных революционеров на площади не было (то ли был вторник, то ли еще все они спали); площадь Конкорд — мощь и величие, от нее во все стороны раскрываются руки-дороги Парижа, а скульптуры коней у этой площади красивее, чем кони Аничкова моста в Петербурге (а там, в Петербурге, говорят, что у них — самые-самые кони); Собор Парижской богородицы — чудо архитектуры; и тут же через мостик — Латинский квартал — ярмарка и торговля; чуть-чуть подальше — Сорбонна, французская наука, так сказать. Парижское метро оказалось весьма функциональным и симпатичным. На некоторых станциях даже курят. Много певцов, подрабатывающих таким образом на жизнь. Народ — веселый и галдежный. Все это резко отличается от английского метро, да и вообще уклада жизни, где все наоборот: тихо и нефункционально. Заметил, что французы к русским и к России относятся лучше, чем англичане. Хотя, как мне сказал один англизованный поляк, англичане даже к себе плохо относятся.

А с нами остались впечатления о Париже, как нам показалось, самом красивом городе мира.

Март 2002 г.

— Как, вы не бывали
на Багамах?
— Ну, как же, как же... бывали

Наш сын, а про него не обходится ни одно воспоминание о путешествиях по самой простой причине (он наш постоянный спонсор и инициатор всех поездок) позвонил с очередным предложением на отдых. Может сложиться такое впечатление, что мы то и делаем, что купаемся и отдыхаем. В качестве оправдания скажу, что именно после того, как волосы встают дыбом от работы и наступит пауза, она и заполняется впечатлениями от путешествий. Этому мы очень рады и благодарны сыну за постоянную поддержку наших еще вполне достаточных для получения впечатлений сил.

Видя, что мы дымимся от очередной работы, Герман стал предлагать нам «перезагрузку». Его выбор пал на остров Тёркс энд Кейкос, что в Багамской гряде. Почему нам нужно туда? — заупрямились мы, ища смысл ссылки на неведомые далекие острова. — Может быть, на Корсике или на юге Испании можно покупаться? — Нет, только на Багамах. Там солнце лучше, песок белый и вода чистая. А сервис... — только в сказочной стране такое подают. «Вам с пролетарской сутью внутри как раз и нужно обязательно это ответить и попытаться понять, зачем „реальные люди“ деньги колбасят. Нужно уметь только пальцем шелкать. Поучитесь пока до поездки, а то пиноколаду не сможете заказать». — ? Ну, если пиноколаду, тогда может и есть смысл, — начал сдаваться я. Хотя, понятно, об этой пиноколаде до этого я и не слышал ни разу и не представлял,

что с ней делать. Дольше почему-то сопротивлялась Валя. Она — человек туристический и проверяет все места будущих туров через Интернет. Так вот, она нашла этот крошечный остров на карте, точное место проживания (условно говоря, гостиницу), включенные и выключенные приманки на этот отдых и определила, что это — не наш отдых. Мы, с ее слов, под воду не ныряем, на корабле на рыбалку за океанической рыбой не собираемся, на морскую прогулку не стремимся, к уединению мало склонны, экзотические ванны принимать не хотим, в кортовом теннисе не большие спецы... а все остальное — море и солнце, так это в любом другом месте. Доводы ее для меня вполне убедительные, однако, Гера уже сделал большой взнос в наше проживание там, и ничего не осталось делать, как ехать против желания. Итак, март 2002 г. Путь на Багамы.

В те края надо было лететь на самолете из аэропорта Хитроу¹. После 8 часов лету мы оказались в Нассау, столице Багамских островов. Сын нас предупредил, чтобы мы из самолета не выходили. Там, якобы, всегда происходит какая-то путаница. «Слушаемся», — отрапортовали мы по-солдатски. Не выходя, мы просидели еще часа полтора, ожидая пассажиров, которые, видимо, выскочили покурить, а затем были вынуждены проходить всю систему погранично-таможенного контроля. Тут мы поняли, что Нассау — территория США, а наш Тёркс энд Кейкос — Объединенного Королевства.

Под жарким солнцем разморенные и готовые к морю люди принимали все, как должное. Ждать, так ждать.

В это время в самолет зашли темнокожие толстые тетки — обслуживающий персонал, — которые кое-как, не спеша и вступая в переговоры между собой и с пассажирами, приводили в порядок салон самолета. Процедура уборки закончилась, и мы еще около часа летели до острова Провидения. Здесь пути пассажиров расходились в разные стороны, по мелким островам. Сервис отлажен отлично, всех поименно встречают и рассаживают в миниавтобусы. Наш — колоритный чернокожий шофер! За 15 минут он нас домчал до какого-то причала, рассказывая о прелестях местных островов. Однако дорога вилась по пустынным местам, и даже более того, попадались какие-то сараи, у которых сидели на корточках множе-

¹ С 2001 г. по 2005 г. мы жили в Англии.

ство, очевидно, бездомных людей. Вывеска над этими сооружениями указывала, что это пункт социальной поддержки и бесплатной кормежки. Правда, картина так быстро менялась, что красивые отели, экзотические растения, песок, бездомные и очень ленивые от жары люди воспринимались как кадры в фильме. Наш говорун домчал до пристани, где нас ждал роскошный белый катер. Уже на острове Провидения мы «забыли» о своих чемоданах, помнить не было необходимости: они каким-то неведомым образом сопровождали нас сами. На пристани мы, было, хотели перенести свои вещи на корабль, но и этого не нужно было. В белых перчатках очень черный человек (может быть, из-за этого вся одежда выглядела исключительно белой и глаженной) подхватил чемоданы, а другой, с такой же выправкой, нас. На этом морском красавце в сопровождении гида-женщины, которая все время что-то рассказывала и предлагала что-нибудь съесть, мы проплыли минут 40 и, наконец, прибыли на курорт — частный остров малазийского миллионера в гряде островов, принадлежащих Великобритании, под названием Ragot Cay, который оказался в десятке лучших курортов мира.

По типу обслуживания мы уже поняли, что попали в руки пятизвездочной системы. Это — когда ты уже не думаешь ни о чем. Гостиница — очень условное название места проживания. Здесь двухэтажные белые дома, а также прямо на самом берегу отдельные «хижины» — все это комплекс, самого разного по типу и стоимости жилья. Герман заказал для нас лучшее, что можно выбрать из предложенного: обращенный к морю, но не на самом берегу, самый высокий по расположению и лучший для обзора острова и моря номер, прямо у библиотеки и всего ресторано-административно-развлекательного комплекса.

Мы уже не новички в путешествиях, и удивить нас не так уж легко, однако это именно то, что нас удивило. Жилье — это кровать-шатер на полпространства, мебель из белого дерева, полы выложены розовым теплым туфом, на балконе — белый ложе-диван, утопающий в подушках, и самое главное — вид на океан и на весь курортный рай. Комната для туалета и всех косметических процедур пахла неведомыми маслами и была наполнена какими-то флакончиками и ароматами. Вокруг пальмы, экзотические деревья, необычайно яркие цветы, птицы неведомой окраски, на пляже — бе-

лый песок-пудра, вода лазурного цвета и на удивление прозрачная до дна. Мы действительно такого нигде не видели. Пролетарское сознание даже не сопротивлялось, попав в такой плен. Единственное, что приходило в голову: «Вот так именно должны все люди отдыхать, в том числе и пролетарии всех стран». Гипотетическая цель закрепилась в разомлевшем мозгу, что придавало смысл всему познаваемому.

Температура 26–28 градусов по Цельсию. Круглый год. В первое утро мы решили не загорать, а только покупаться, зная о коварности солнца на экваторе. Но то ли наши тела уже давно не встречались с солнцем, то ли солнце искало тех, кто побеспечнее и побестолковее при встрече с ним, после обеда мы обнаружили, что сгорели. Следующие дня три были сплошной мукой. Отказаться от моря и солнца — зачем тогда ехать туда. Но невыносимость нахождения на солнце была очевидной. Зайдя в магазин (а это самый дорогой магазин, какие мы только видели, а других на острове просто нет), мы предъявили наши обожженные тела с просьбой помочь. — Да, да, — запричитала продавец, девочка с острова Бали (дело в том, что весь обслуживающий персонал острова — малазийцы или индонезийцы, очень милые, приветливые и заботливые люди), и принесла красивый флакончик. Мы, хотя и пожалели истраченных денег, все-таки обильно намазались этим зельем. Но Валя — человек, моментально реагирующий на любую медицину, — не почувствовала остужения, охлаждения на коже. Тут мы стали изучать мелко написанную информацию на пузырьке и обнаружили, что эффект от этого «лекарства» должен быть ровно противоположным от нам нужного. Это был крем для усиления загара, притягивания солнца к нашей воспаленной коже. Слава богу, был уже вечер, и мы купили другой пузырек, оставив для лучших времен крем для загара.

Питание. Такого слова даже нельзя употребить в этих местах. Этот процесс поставлен, нет, возведен здесь на высоту смысла человеческой жизни. Два ресторана на крошечной территории сверкали огнями подсветки, улыбками и белизной накрахмаленных тканей. Кухня, в смысле, тип трапезы, — на выбор. На завтрак предлагается разнообразный набор меню в любой модификации, плюс, если кто не наелся, «шведский стол», на котором было все то, чего нет в природе, названий чего я вообще не знал. Эта утренняя «вечеря»

при желании могла длиться часа три и была бесплатной, то есть не совсем бесплатной, а входила в ту тысячу долларов (1000 долл.) в сутки за номер. Вся остальная пища (если сможешь еще что-то есть) — это уж за отдельные деньги. Мы сразу решили, что обед мы будем пропускать, поскольку не сдвинемся с места к концу пребывания. Пляж (пляжи были и на берегу, и крытые, и с настилом, и в стороне от моря с бассейном, и даже те, которых в природе нет) — это не только место приема солнца, но, и как оказалось, пищи и нужно только «щелкать пальцами» для получения чего-нибудь эдакого. Жесту мы так и не научились, бестолочи, а звали людей, обслуживающих пляж, по старинке. Попробовали мы, наконец, и эту пинокладу. Напиток оказался обыкновенным молочным коктейлем, куда добавляют ром и еще множество разных ароматных алкогольных жидкостей, а потом взбивают со льдом. Мне не понравилось, а Валя пила с удовольствием. Я, естественно, выбирал пиво (оно здесь было всех известных мне марок. А я в этом специалист), которое, правда, было довольно дорогим: бутылочка в 330 гр. стоила 7 амер. долл. Вообще здесь лучше ничего не считать, что и делают все, кто посещает эти места. Одни (как мы), чтобы не раздражаться, другие — просто не замечают расхода и не считают эту мелочь в принципе.

Приведу только некоторые цифры: обед или ужин (если уже ничего не хочешь, а так, для заполнения времени) обходился около 100 долл., а если вино, то обычно от 300 до 400 долл. за бутылку, хотя были и за 60–70 долл. Слава богу, вина я терпеть не могу, но Валя иногда брала бокальчик-другой. В таких ресторанах (мы этого раньше не знали) дают «комплемент» — подарок от ресторана перед любым заказом. Это либо ложечка какого-нибудь экзотического супа или что-то японское. Но всегда очень красиво оформленное, именно как подарок, что вызывает (о, коварный капитализм!) улыбку и желание заказать что-то еще. И заказывали! Как-то заказали обед, который пришлось ждать около часу. Спешить все равно некуда, сиди и смотри, как осуществляется неравенство между людьми. Если бы все деньги, подумал я, которые праздно прокручиваются здесь за один день, отдать Африке, то хватило бы всем довольно надолго. Ну, это отступление. Мой заказ — рыба, название которой по-английски я не знал. Потом оказалось, что это рыба-

меч, довольно противная, хоть и самая дорогая. В дальнейшем мы предпочитали китайско-малазийскую кухню, где мы уже точно знали несколько блюд и не ожидали часовой подготовки и неподвижного вкуса.

Наше удивление обилием и разнообразием в меню на завтрак разделяли не все. У нас в номере сохранилась в книге отзывов запись одной английской пары. Видимо, среди всего обилия они не обнаружили свой противный водянистый пудинг из риса.

Поскольку на отдыхе в изоляции особенно нечего делать, то наблюдение за людьми и приравнение всего к своим ценностям и опыту — хоть какое-то занятие для разума. Я наблюдал эпизод, который мне запомнился навсегда. Маленькая девочка, лет пяти, устроившись на руках у матери и, видимо, бывавшая в таких местах не раз, просит маму взять такой-то фрукт, потому что он самый вкусный. «Откуда ты знаешь?» — спрашивает мать. Девочка в ответ: «Я знаю все (I know everything)». Надо же, а Сократ говорил, что ничего не знает.

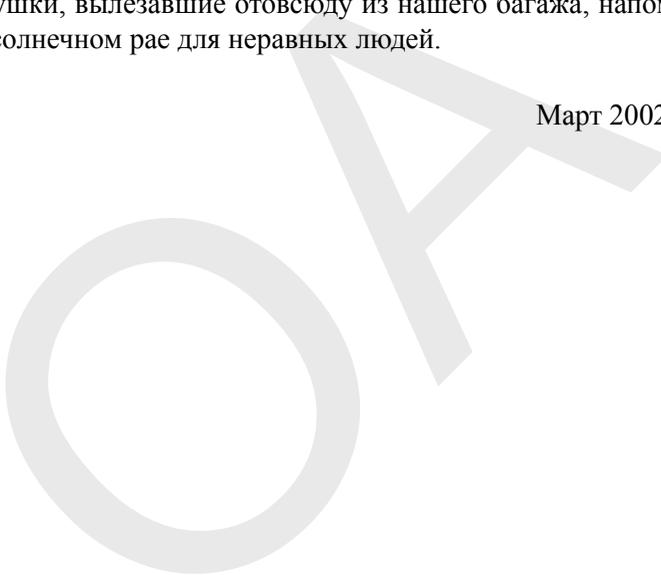
На экваторе интересно смотреть на ночное небо. Знакомые звезды расположены в необычных местах, ковш Большой Медведицы находится на горизонте в несколько изогнутом положении. Все видится как бы перекошенным и не устойчивым. Опору всему придают только ровно высвеченные дорожки, ведущие к морю. Но как только огни выключаются, а звезды начинают сливаться с небом, начинается то, что невозможно забыть даже мне, человеку лишённому сентиментальности. ВОСХОД СОЛНЦА. Всегда от чего-то большого в измерении хочется только замолчать.

Люди, посещающие подобные места отдыха, за редким исключением очень неприятные, источающие какую-то негативную энергетику. Озабоченные банковскими операциями, безразличные и безликие съезжают сюда, в уединение, те, кто может пропустить через песок и ногти своих спутниц (не премину заметить: педикюр стоит 240 долл.) большие деньги. Интеллект не обезобразил их лиц, что выгодно подчеркивает отсутствие морщин на лицах-масках. Салоны для ублажения тел забиты заказами, а трудолюбивые балийцы трут и мажут жирные бизнес-тела, придавая им форму. Девицы-длинноножки щелкают пальцами в получении физических благ, видимо, так и не научившись говорить.

Валя нашла себе интересное занятие: собирала ракушки величиной с голову, выковыривая их из-под воды. Наковыряла их с дюжину, но все они не поместились в багаж, хотя, как наши вещи, их возили безмолвные служители прямо до самого улыбочивого “Good Bye”. А потом все в обратном порядке: белый катер, говорун, самолет, Хитроу.

Англичанки, видимо утолив жажду тепловатым пудингом, и борющиеся с природой и за свое равноправие с мужчинами, скучно белые и скучные сами по себе, как-то не порадовали наши глаза. И лишь ракушки, вылезавшие отовсюду из нашего багажа, напоминали нам о солнечном рае для неравных людей.

Март 2002 г.

Ницца:

пролетариям вход воспрещен

Есть такое царство на Земле — Ницца. Жизнь особенная. Притягивающе-завораживающая, зазывающая и дающая, кормящая и отнимающая. Мы знали, что есть такое Нечто, куда тянутся все, кто может оплатить райскую жизнь (хотя я думал, что в раю люди должны жить бесплатно, да и читал где-то про это).

В какой-то момент нам с Валею показалось, что жить в нашей английской деревне стало скучно, надоела эта обязанность стричь по утрам траву, да и заработались мы как-то: устали книги писать, выставки делать... Вот и решили мы перебраться во Францию, в какое-нибудь теплое место, ближе к морю, чтобы не возделывать свой рай, а прямо в нем и поселиться. Выбор пал на Ниццу. Во-первых, прямо у моря, во-вторых, город достаточно большой (около 350 тыс. жителей), значит, должно быть весело илюдно. Уже и задачу перед сыном поставили, что, мол, хотим. А он с непонятным для нас промедлением все оттягивал время, чтобы мы сами, так сказать, с точки зрения своего возраста и понимания жизни прочувствовали необходимость такого шага. Мы все же не унимались в своем стойком желании переезжать даже уже потому, чтобы чаще видеть своих детей, которые приезжали бы купаться к нам. И, как обычно, Герман решил устроить нам ознакомительный визит в желанное место, да, к тому же, это совпало с его женитьбой и «медовой неделей», которую молодые выразили желание провести в Ницце же. Соединив приятное с полезным, мы приземлились в Ницце.

Наше гипотетическое желание жить на юге Франции у меня в мозгу сложило свой логический путь. Я накопил учебников и разговорников еще за пару месяцев до этой поездки и более-менее успешно продвигался по напечатанным буквам. Как мне казалось, я вооружен для легких французских бесед и уличного ориентирования. Хотя, сказать откровенно, я уже несколько раз брался за французский с давних времен, но что-то он мне не «давался». То ли безопорный какой-то, то ли сюсюкающий, то ли излишне вежливый тон его меня смущал — все это не продвигало меня в понимании французской речи. Но задача стояла на сей раз не шуточная, и я зубрил. По крайней мере, ресторанно-уличные фразы я вроде бы вдобил.

Итак... Июль 2003 г. Ницца. Море. Пальмы...

В аэропорту мы сели на такси, и сын, свободно объяснившись с водителем по-французски (так что мой словарный запас не понадобился, да я ничего и не понял, о чем это они беседовали и даже почувствовал, что мой артикулированный прононс не вписался бы в тихое журчание еле произносимых слов), усмехнувшись, тормознул у самой знаменитой гостиницы Negresco, в буклете о которой я прочитал, что там останавливались самые известные люди как в политических, так и всех прочих кругах. Меня никогда не преклоняет мысль о том, что в номере жил Форд, Элизабет Тэйлор, Селин Дион или еще кто из верхнего, в понимании составителей буклета, социального эшелона людей. Тем не менее я отметил, что номер стоит 400 евро в сутки, т. е. как бы уже недорого по сравнению с Багамами (там номер стоил около 1000 долл. в сутки). Через дорогу пляж, разделенный на платный и бесплатный участки. На платном лежак за 20 евро + полотенце за 5. На бесплатном — сам себе хозяин, где просто берег, что я обычно и привык видеть на море, когда за свою социалистическую зарплату получал взморье в Советском Союзе. Я не преминул высказать свое возмущение бессмысленной тратой денег на ежедневную покупку пляжных услуг — а это 100 евро на четверых в день — и предложил в ближайшей лавке купить безразмерное полотенце и пляжную подстилку. Но это не вызвало одобрения, наоборот, сын с невесткой закривили губы. Мы с Вaley, тем не менее, отстаивая свою независимость и уйдя на

пляж на следующий день раньше молодых (мы просто не можем спать до посинения), купили пляжные комплекты и поселились на милом сердцу бесплатном море.

Как я уже сказал, деревянных лежаков здесь не было, а берег галечный... Зонтик, который мы также купили, прикрывал только часть тела, поэтому нужно было как-то устраиваться «калачиком». Есть, конечно, всякие крема, чтобы не обгорать, но прямое солнце просто вымучивало. Дети пришли, когда мы уже изрядно подпеклись. «Слушайте, вы с ума сошли», — отреагировал Гера на нашу экономию. Это будет для меня значительно дороже: ваше лечение потом и моральное неудобство. Мы где-то и согласны были с ним, но все-таки классовая ненависть к буржуйскому образу жизни душила. В этот день мы все время ходили друг к другу «в гости» с пляжа на пляж. Почувствовав глупость своего положения, мы в дальнейшем притушили свои чувства раздражения к несправедливости, разделению людей на страты, понимая, что в этой ситуации мы создаем лишние заботы сыну.

Что люди делают, когда ничего не делают? — вот вопрос, который замучил нас после трех дней лежания на пляже. Мы уже имели подобный опыт на Багамах, где отведали пресыщенного богатством и бездельем воздуха и моря. Однако довольно приличная библиотека и Интернет снимали опустошение и растекание мозгов под солнцем.

Специфика французского пляжа — свобода (почти как в картине Делакруа, только более откровенная). Борьба за свободу и независимость — это великое предназначение людей — обернулось на южном солнце в довольно противное зрелище. Вот только сейчас, две минуты назад, на пляж пришла благородная с виду пожилая женщина, а через 2 минуты на глазах превратилась в обвисшую самку, свинку. Трудно, конечно, представить, чтобы биологическое существо отказывало бы себе в естественности. Животные инстинкты — это суть природы. Что делает человека Человеком? Душа и труд — эти слова Валя пишет как девиз смысла людской жизни на своих альбомах перед автографом. Думаю, она права.

Город, однако, оказался весьма симпатичным, таким мини-Парижем, который мы с Валею прошагали вдоль и поперек. Естественно, мы протопали их знаменитый Английский бульвар, особен-

но колоритный вечерами, когда по нему дефилирует вся отдыхающая публика.

Не могу отказать себе в описании одной увиденной сцены. Оберегаемая любящими людьми, на каблучках и в белом шифоновом платье, с кокетливо перекинутым через плечо шарфиком спокойно шла очень пожилая женщина, думаю, лет 85–90. Косметика и шляпка с вуалью скрывала ее возраст, однако шаткая походка выдавала. Действительно любящие внуки и правнуки, окружавшие эту леди, оберегали каждое ее движение, но ни в коем случае не давали ей понять ее старости. Так в памяти она и осталась, как господня невеста в белом и воздушном платье, наверное, прогуливающаяся в свой, трудно сказать какой, день рождения. Эта сцена любви и обожания, даже какая-то сюрреалистическая, контрастировала с существующим тут же, через пять метров пляжем, где того же возраста особи женского пола принимали солнце.

Ангельский диссонанс пронесся, оставив в памяти метку. Пляжный сезон продолжался, и сын повез нас в Канны и Монако. Город Канны, на мой взгляд, не идет в сравнение с Ниццей, какой-то архитектурно путанный, а Монако впечатлило красивыми домами-дворцами и уютностью. Здесь самая дорогая гавань яхт, здесь улицы вымыты до блеска, здесь изысканная архитектура частных домов «до неба». Живут здесь сказочно богатые люди, бизнесмены первой руки и их «аспирантки». Красивые женщины «вдруг» говорят по-русски. Русских женщин действительно очень много: это и жены тех, кто непосильным трудом, так сказать, сколачивает безналоговый капитал на территории местных прерий игорных домов, и «аспирантки» с богатыми и пузатыми «папками», и загульные барышни, и пр. Принимать все как должное, без тени заботы — правило жизни таких дам. Мы, конечно, из школьной биологии знаем, что есть такой вид жизни, однако не предполагали, что паразитизм как явление очень обширно и занимает в социальном измерении значительное место и, наверняка, выражается большим процентом. Здесь, в Монако и в Ницце, где красота и море, где улыбки и деньги — рай именно для такого вида жизни. Возможно, именно все те же составляющие и создают условия для превращения людей в биологические элементы? Или этим уже нужно быть, чтобы все принимать как должное в получении хлеба и зрелищ.

К магазинам в Монако невозможно подойти близко: бриллианты на витрине светятся так, что темной ночью светло. В город-казино стекается крупное жулье со всего мира, прокутить ворованные деньги. Эти самые VIP'ы, одетые в Армани, Хьюго Босы и прочее, вызывают у меня большее отвращение, чем уличные жулики.

Между Ниццей и Монако есть один маленький династийный ресторанчик «Рокебрюн» (Restaurant le Roquebrune), который в настоящий момент содержит очень пожилая женщина. Чтобы попасть туда, надо заранее сделать заказ с тем, чтобы служащие поймали какую-то рыбу для последующего приготовления ухи уже на ваших глазах. Эта уха — их фирменное блюдо, стоимостью 150 евро. Но меня удивила не уха, которая, впрочем, была не хуже астраханской за 50 руб. Когда-то мой сын говорил мне, что в их буржуйских кругах ничего не стоит купить бутылку вина или шампанского за 1000 долл. Я в тот момент как-то не очень поверил в этот бред, пока сам не убедился в его правоте. Но в этом ресторане я удивился еще больше. Взяв меню, я увидел цену бутылки вина в 20 тыс. евро. Сын сказал, что есть здесь бутылка и за 40 тыс. евро, но это уже по особому заказу. — ??? Ясно же, что в реальности никакая бутылка не стоит этого, — говорю сыну. — Все это потому, — отвечает сын, — чтобы такие как ты никогда не заходили в эти дорогие рестораны и не расточали свой гнев на «эксплуататоров трудящихся масс». Чтобы мы, наконец, не слышали, что мы паразиты и грабители. — Что ж, — подумалось мне, — тогда в этом есть какой-то смысл.

Для нас (ясно, для сына) этот ужин на четверых обошелся «всего» в 532 евро. Все было, конечно, вкусно, хотя чувство сытости у меня так и не возникло. Наверное, потому что почти 200 евро из этой суммы ушло на вино «*Монтраше Трувию*», довольно противный напиток, который можно употребить только тогда, когда нет нормальной водки.

В целом же, если говорить о ценах в нормальных магазинах Ниццы, Парижа и вообще во Франции, они значительно ниже, чем в Англии, практически на все товары и услуги.

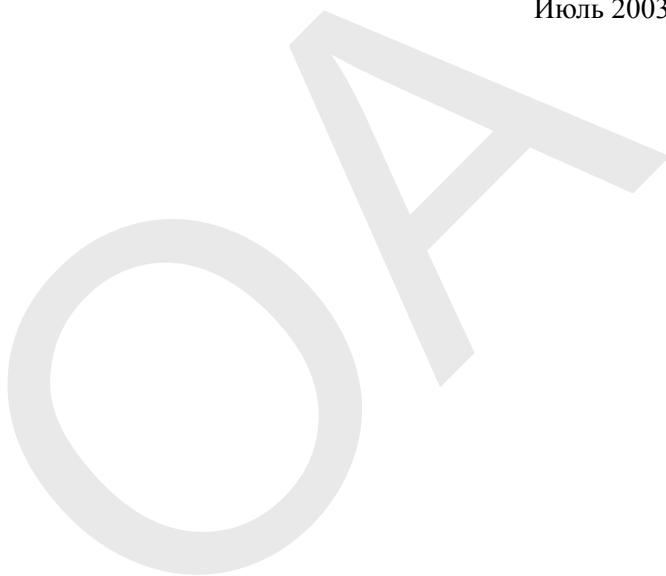
И хотя город нам понравился, мы решили сюда не переезжать по одной причине: этот город существует не для работы; здесь царит атмосфера, вредная для нас по сути. Загорать, купаться, отдыхать, поудивляться — это на недельку и именно в Ниццу. Для этих

целей город — жемчужина. Как только мы с Валею сделали этот вывод, все французские слова, вдолбленные для праздной жизни, выветрились и расплавились под ясным небом и под хмельком.

За свой отъезд из английской деревни было чуть-чуть стыдно, поскольку трава за неделю была не скошена и торчала неровными усами, портя вид и стоимость домов в деревне. Английская деревня — это отдельный рассказ.

Ну, что ж, за будничное дело, товарищи...

Июль 2003 г.

Шанхайские зарисовки

Я много раз был в Китае, и даже однажды с Валею вместе, когда в 1999 г. был месяц в научной командировке от МГИМО. Мы оба интересовались этой страной: я всегда с радостью наблюдал рост социалистической державы, ее успехи, а Валя — как человек влюбленный в китайскую культуру, а именно в живопись. Какое-то время было странно наблюдать, как она рисует по-китайски. Потом все к этому привыкли, как само собой разумеющемуся. По-китайски, так по-китайски. Но я-то знаю, как тщательно она изучала это явление — китайская живопись — года два по книгам, изучала китайскую философию, поэзию, а потом еще пару лет рисовала «палочки и точки», начиная этот сложнейший вид художественно-философского выражения. Она, профессиональная пианистка, закрыла крышку рояля (к моей радости, а то уж очень громко играла) и начала совершенно иной вид творческой деятельности.

К Шанхайским зарисовкам это имеет прямое отношение, поскольку ее третья персональная выставка проходила в Шанхайском музее искусств, ни больше ни меньше.

Эта выставка — дело чести, проверка на профессиональную пригодность, знак качества, если угодно. У нее уже были две выставки в Москве: в 2000 г. в Центральном доме художника и в 2001 г. — в Музее Н. К. Рериха. Любителям и «знатокам» от китайского искусства, пишущим «ведам» хотелось вернуть что-то эдакое, найти антикитайское и любительско-вертикальноглазое в ее работах. Она всегда только удивлялась, сколько в людях накопилось зла, ущербности, даже ненависти, как трудно пережить успех, победы других (я-то не удивляюсь, я знаю логику этого). Но зрители,

приходившие на выставки оставляли такие записи в книге отзывов, что ее душа трепетала от счастья.

Живя в Оксфорде без гнета времени, она нарисовала множество картин, найдя свой почерк, сделав несколько открытий в возможностях туши. Так случилось, что я послал одну из ее картин своему знакомому профессору по Фуданьскому университету по электронной почте. Тут же я получил ответ, что нужно прислать еще несколько работ, чтобы утвердить картины к экспозиции на выставке. Мне казалось, что это нереально, чтобы китайцы допустили «иностранца», да еще женщину, хотя и пишущую в китайском стиле, в центр китайского искусства. Тем не менее представитель Шанхайского общества дружбы с зарубежными странами, тов. Тан Хуэймин связался с нами и показал эти работы китайским художникам, экспертам Шанхайского музея искусств. Картины к выставке были одобрены! И проект совершенно неожиданно для нас закрутился по инстанциям: Министерство образования, Шанхайская ассоциация художников, Общество дружбы и, наконец, сам Музей искусств. И через довольно короткое время представитель Общества дружбы тов. Тан Хуэймин присылает нам приглашение в Шанхай для личного участия в выставке, назначенной быть с 12 по 18 августа 2003 г. Но тут в Китае разразилась эпидемия пневмонии, которая перевернула все планы. Валя переживала, ведь выставка в Шанхае — шанс получить квалификацию, возможность назвать те работы, над которыми она трудится, китайской живописью. Мы решили, что не судьба.

Но китайцы на удивление быстро справились с этим вирусом, и проект возобновился в оговоренные сроки.

Выставка открылась 12 августа в 9 утра. Собралось около 120–150 человек, среди них консулы некоторых стран, руководители Общества дружбы, Шанхайского музея искусств, журналисты Синьхуа, телевидение, представители общественности, художники и любопытствующие.

Все, чему положено быть на выставках такого уровня, было: и встречи в Академии художеств, и реклама — растянутая на высоту музея Валина картина, и консульские встречи, и обеды... Но одна встреча должна быть описана отдельно.

Музей У Чаншо (Wu Changshuo) — место, свято охраняемое государством и китайскими художниками, — оказал Вале огромную честь: был назначен день специального посещения. Знаменит этот музей тем, что его основатель, имя которого носит музей, учил самого Ци Байши и стоял у истоков всех живописных направлений Шанхая. Во время этого посещения телевидение снимало фильм о Валиной выставке вообще, а также делало специальный репортаж об этом визите, где нынешний директор музея, внук У Чаншо и сам известный художник У Юе нарисовал картину — посвящение русской художнице Валентине (а китайское имя Ван Люши — ее художественный псевдоним). Фильм этот показывали по Шанхайскому телевидению, потом на весь Китай и на зарубежное вещание. Валя также подарила свою картину этому музею, что было встречено с большой благодарностью и желанием поместить ее работу среди экспонатов музея.

Дальше я хотел бы рассказать не о выставке, хотя рассказывать было бы что, а о Китае и китайцах.

О Китае у меня написано немало работ, где тезис о доминирующей роли Китая в XXI в. доказывается научно. Здесь же хочу добавить некоторые штрихи о стране, которые не были отмечены в предыдущих очерках и статьях.

Ранее я приезжал в Китай на конференции и в командировки, когда все организационные и финансовые вопросы берет на себя китайская сторона и соответствующая наша организация, а ты сам ни о чем не заботишься. На этот раз мы приехали самостоятельно, т. е. все надо было самим организовывать в ходе переговоров с китайцами. И я был удивлен тем, как четко работают китайцы. Ни одно письмо по электронной почте не оставалось без ответа. Ни одного не выполненного обещания: реклама в Синьхуа, Жэньминь Жибао, телевидение, встречи с художниками и пр. Приезд—отъезд, встречи и визиты в четко оговоренное время вплоть до минуты. Ни одного прокола. Все это резко контрастировало с тем, с чем я постоянно сталкиваюсь в России и нередко в той же Англии. Подобную четкость ранее я встречал только в Японии.

Другая сторона китайской действительности. До этого визита в Шанхае я был в 1999 г. За четыре года произошли колоссальные изменения: в районе Пудонга построены новые дома для двух мил-

лионов жителей. Поразительно! Чуть ли не каждый месяц создается совместное предприятие с иностранцами. Вообще-то район Пудонга — это как бы экспериментальная площадка для строительства нового Китая. Замечу, что на входе в Музей живописи художника-классика У Чаншо написаны слова: Патриотизм образования базируется на новом районе Пудонга (Patriotism of Education is based on Pudong New Area). Видимо, смысл заключается в том, что все новое, создаваемое в этом стремительно развивающемся районе, формирует патриотизм китайцев. И гордиться им есть чем. Не только высотными зданиями типа 88-этажной башни Дзин Мао (высота 420,5 м.), но и уже упоминавшимся жилищным комплексом, красивыми мостами, прекрасной трассой, ведущей к новому аэропорту, а также дешевым метро (стоимость билета — 1,5 юаня), соединяющим Пудонг со старыми районами Шанхая. Есть, кстати, и поезд на воздушной подушке, мгновенно достигающий Пудонга.

Нас удивило, что в отличие от Пекина в Шанхае очень редко можно встретить иностранцев, даже на ее главной туристической улице Наньдзин. Странно, потому что экономика Шанхая абсорбирует львиную долю иностранного капитала (а это десятки миллиардов долларов в год). Из разговоров с ними, в частности, с японцами, выясняю, что они стараются «не высовываться», не мозолить глаза китайцам. Особенно это касается именно японцев (хотя их там проживает около 200 тыс. человек), которых шанхайцы не любят со времен Второй мировой войны, когда самураи уничтожили несколько сотен тысяч мирных жителей Шанхая.

Не мозолит глаза и Коммунистическая партия Китая (КПК): нигде не встречал лозунгов с очередного съезда КПК, нигде не видел портретов руководителей партии и государства. Это, видимо, только в России из-за рабской психологии населения чуть ли не каждый начальник норовит повесить на стену или поставить на стол портрет очередного президента.

Внешне Шанхай производит впечатление капиталистического города типа Гонконга или Токио, а местами даже Нью-Йорка с их макдональдсами, бигмагами и прочими западными атрибутами. Так где же контролирующая рука КПК? — спрашиваю у некоторых бизнесменов. Отвечают: она сразу же ощущается, как только начинаешь выходить за рамки законов КНР и правил поведения, огово-

ренных заранее для иностранного бизнеса. Причем, рука это весьма жесткая. Так, как раз перед нашим приездом одного бизнесмена-миллиардера, имеющего, кстати, помимо китайского, и голландское гражданство, засадили в тюрьму на 18 лет. Что-то он там неправильно повел себя в отношениях с КНР. Так что не надо питать иллюзий: Китай — социалистическое государство, умно управляемое КПК во имя интересов всей страны и всего народа.

Как и в предыдущие визиты, порадовало нас их телевидение. В Шанхае около 40 каналов: несколько информационных западных, один — для показа западных художественных фильмов (причем выбирают более или менее приличные), один канал японский. Остальные китайские. Никакого засилья иностранщины или американщины, как на русском телевидении. Смотреть одно удовольствие, особенно концерты и массовые представления. Все красиво, благородно, достойно. Нет монстров, уродов, сумасшедших, мистиков, гадалышек, астрологов, поповщины. Кстати, одна из причин, почему я люблю Китай, это отсутствие мракобесия в виде религии. Буддисты, мусульмане, христиане занимают ничтожную долю населения. Основная масса — атеисты. Это — одна из причин их сверхдинамичного развития.

Между прочим, в прошлом году (2002 г.) самым популярным сериалом на ТВ (17 или 18 серий) была картина «Как закалялась сталь». Этот же роман занял верхнюю позицию среди самых популярных книг. Где-то вычитал, что сейчас китайцы снимают (почему-то, правда, во Львове) сериал «Овод». Обращаю внимание читателей на то, что когда эти романы были популярны в Советском Союзе, наша страна тоже развивалась быстрее всех. Когда же их заменили на американские сериалы и всяческие «менты», Россия скатилась в болото.

Случайно по Шанхайскому телевидению увидел ужасное зрелище: идет мировой чемпионат по волейболу; в финале играют китайская и русская команды. Русские проигрывают. Тренер команды в перерывах бешено орет на волейболисток (показали раз пять). Те же, вместо того, чтобы плюнуть ему в рожу, смиренно выслушивают его ор. Смотреть на это было просто невыносимо. Хам-тренер, рабыни-волейболистки. Позор.

В Шанхае еще сохранились старые кварталы, где мы с удовольствием лицезрели привычный Китай: стирка белья на улице, варка пищи, тут же бойкий разговор на всю улицу. Не скрывая любопытства, глазают на иностранцев, ожидая какого-нибудь вопроса, чтобы скопом включаться в разговор, а если надо, то и помочь.

Помочь китайцы всегда готовы. Например, мой друг, профессор Фуданьского университета Тань Чжучан и мой знакомый бизнесмен Чжан Идзя, работающий ныне при Шанхайском правительстве, проявили инициативу: предложили поездку в небольшой туристический городок Чжудзяюн, расположенный на реке Цзяннаньшуй километров в 50 от Шанхая. В этом городке в 2001 г. Цзян Цзэминь устроил очередную встречу глав государств АПЕК. Друзья поводили нас по городу, покормили, покатали на лодке, за все заплатив сами. Профессор Тань готов был меня свезти даже в Харбин на пару дней, но я скромно отказался, не желая его разорять. Нынешнее гостеприимство китайцев напомнило гостеприимство советских людей во времена СССР.

Следует отметить еще одну деталь — дешевизну всего в Китае на фоне относительно высокой заработной платы. Речь идет о Шанхае, где средняя зарплата равна 200 долл. в месяц. Если же иметь в виду профессорско-преподавательский состав, например, Фуданьского университета, то это уже около 500-1000 долл. (Для сравнения: моя зарплата в Москве в Институте философии как доктора наук и ведущего научного сотрудника составляла менее 100 долл. в месяц.) Мы с женой были удивлены, когда после трехчасового застолья в дорогом ресторане с двумя приятелями заплатили всего долларов 40–45.

Здесь я не собираюсь давать социально-экономический анализ КНР (как уже говорил, это я делаю в научных работах). Хочу только отметить, что в Китае я ощущаю поступь мировой истории, динамику народа, уверенно смотрящего вперед и осознающего, что XXI в. принадлежит Китаю.

Лично меня это радует и потому, что будущее все-таки принадлежит социализму, хотя и с китайской спецификой.

Об Англии без предубеждений, но и без любви

Что такое «постиндустриальное общество»?

В России радители «гражданского государства» постоянно талдычат о том, что они хотели бы построить в стране «постиндустриальное общество». Что это за общество, обычно не расшифровывается, но в качестве примера нередко приводят страны «золотого миллиарда». Любопытно, что в самих этих странах крайне редко употребляется данное словосочетание, а если и произносится, то обычно в каком-нибудь критическом контексте. Например, один из американских международных, Стэнли Хофман, как-то писал: когда не знаешь, как назвать какое-то явление, используешь слово «пост», т. е. «после чего-то», например, «мир после холодной войны» (post-Cold War World), постлиберализм или «постиндустриальное общество».

Для российских идеологов это словосочетание является находкой, поскольку позволяет избегать слова «капитализм» и связанных с ним негативных ассоциаций. На самом деле все страны «золотого миллиарда» по своей сути являются капиталистическими государствами, а по форме действительно «постиндустриальными». Последнее означает изменение структуры экономики: резкое сокращение промышленного производства и сельского хозяйства в пользу так называемого «третьего» сектора, т. е. сферы услуг, куда входят образование, наука, торговля, конторская служба, деятельность банков. Именно в этой сфере работает от 70 до 80 % трудового населения государств Западной Европы и Северной Америки. Анало-

гичная пропорция соответствует и структуре ВВП, в которой на сервисный сегмент приходится те же самые 70-80 %. Калькуляция это грубая, т. к. порой довольно трудно определить границу между производственной и сервисной сферой. Тем не менее, суть ясна. Названные государства больше производят услуг, чем физических товаров. Такие общества и называют «постиндустриальными».

А вот цифры по России за 2003 г. (на основе данных Роскомстата). В сфере производства товаров было занято 48,7 % трудовых ресурсов, в сфере услуг — 52,3 %; в структуре ВВП на товарный сектор приходилось 35,1 %, на сферу услуг — 64,9 %. Первая цифра может свидетельствовать просто о более низкой производительности труда в России в области производства и сельского хозяйства, чем в западных странах. Вторые же цифры кардинально не отличаются от западных. Другими словами, в России уже существует «постиндустриальное общество», о чем мечтают господин Явлинский и ему подобные. Но что это меняет? Допустим, через какое-то время нынешние руководители страны сократят производственную и аграрную сферы, увеличив долю сферы услуг до западных пропорций. Неужели, тогда в России будет все, как на Западе? Конечно же, нет и еще раз нет. Все эти «еслибисты» должны понять одну простую вещь: в России никогда не будет, как на Западе, при любых вариантах развития общества хотя бы уже потому, что на Западе не бывает 40-градусных морозов и 40-градусной жары. А если крайне редко где-то они случаются, Запад тут же парализуется.

Но представим, что Россия каким-то чудом построила цивилизованный капитализм в соответствии с принципами гражданского общества и законами рыночной экономики. Ну, например, как в Великобритании. Эта страна считается среди всех государств Западной Европы и Северной Америки как бы образцом: экономика работает лучше, чем у остальных, демократия — развитее некуда. Посмотрим, что приобретет Россия, если вдруг умудрится создать «постиндустриальное общество» английского типа.

* * *

Я никогда не занимался специально Англией. Мое отношение к ней формировалось немецкой литературой, особенно статьями Гей-

не, который в саркастической манере описывал эту страну и ее жителей. Мне никогда не нравилась внешняя политика Великобритании. В то же время надо быть глупцом, чтобы не оценить творения Шекспира, точнее, команды, которая творила под этим именем, а также многих других поэтов и писателей Туманного Альбиона. Не могла не вызывать у меня чувство уважения и целая плеяда английских ученых, открытия которых ускорили темпы развития человечества. Тем не менее Англия была чужда мне по духу и темпераменту, и я не стремился посетить ее.

Но так случилось, что я оказался в этой Англии и прожил в ней ровно четыре года. Для меня это было более чем достаточно, и я покинул ее без сожаления и грусти.

Вот моя деревня... или первое знакомство

Приехав в Англию, я поселился в одной из богатых «деревушек» графства Оксфорд, находящейся в десяти минутах езды от Оксфорда. К своему удивлению я обнаружил приятных соседей, которые сразу же изъявили готовность помочь в деле интеграции в «общество». Нас с женой это удивило, поскольку мы были больше наслышаны и начитаны о холодности, чопорности, некоммуникабельности англичан. Англичан с такими характеристиками впоследствии я встречал немало (особенно среди профессорско-преподавательского состава), но жители нашей деревни отличались от книжных стереотипов. На всевозможных местных праздниках, которые устраивались в деревенском клубе, они вели себя весьма эмоционально. К нам, «пришельцам», отношение было особым: нас знакомили со всеми жителями окрестности персонально, приглашали на домашние посиделки, присматривали за домом в наше отсутствие и всячески изъявляли готовность помочь. Тем не менее, особой дружбы (в русском понимании) у нас с ними не получалось. Первоначальные взаимные хождения в гости постепенно затухли. Главная причина: не было общих тем для беседы. Мои же знания в области садоводства иссякали в первые пять минут. Когда же я за-

говаривал на темы вне быта, то в ответ получал стандартное «неужели?» (“really?”) что означало в чисто английской интерпретации: «нам это не интересно». А «не интересно» потому, что они фактически ничего не читают и ничего не знают ни о других странах, ни даже о своей собственной стране. Сосед наш, хоть и выпросивший одну из моих книг, позже признался, что не смог ее одолеть. Хочу подчеркнуть, что по своим доходам местные жители относятся к высшему слою «среднего класса», который есть не что иное, как обыкновенный средний обыватель. Именно он занимает наибольший сегмент «третичного сектора». В массе своей такой обыватель крайне ограничен в знаниях и всю свою жизнь он посвящает «дому и саду». Правда, в отличие от русского обывателя, который обычно злобен и завистлив, английский филистер благодушен благодаря достаточно высокому уровню жизни.

Я не был близко знаком с рабочими. Но из газет знаю, что живут они в ужасных условиях, особенно на севере Англии, болеют и умирают совершенно в иных пропорциях, чем средний и высший класс страны.

Ненаучная наука, идеология и пропаганда

В Оксфорде мне часто приходилось общаться с учеными, прежде всего со специалистами по России. Чтение их работ и общение с ними помогло мне как бы физически осознать словосочетания «буржуазные ученые» и «буржуазная наука» — выражения, которые употреблялись в советские времена. В рамках общественных дисциплин (политология, социология, международные отношения и др.) науки действительно не существует, если под этим словом понимать поиск истины. Дело в том, что они даже не задумываются над тем, что такое научная истина. Все их исследования закручены на идеологических штампах, главным образом, двух магических словах: демократия и рынок. Так, один из Оксфордских профессоров, авторитет в русологии, написал толстую книгу о Горбачеве, которого, естественно, высоко оценил за внедрение в СССР демократии. Но ему в голову не пришло проанализировать, что сотворила эта демо-

кратия со страной. Вообще все эти профессора обычно специалисты какой-нибудь узенькой темы: один специализируется на работе парламента последнего созыва, другой — на Чечне, третий — на СМИ. Это касается не только русоведов, но и вообще страноведов. Обобщающих работ у них практически нет, что вполне объяснимо. Во-первых, у них нет ученых, способных охватить и проанализировать СССР/Россию как целостность. Они не оперируют *критериями* оценки тех или иных событий. Нет у них и научного метода, если не считать иногда применяемые системный или структурный подходы, которые хороши для решения только определенного класса задач. Во-вторых, они крайне идеологизированы, что не позволяет им объективно оценивать события и факты. В-третьих, большинство из них не знает русского языка и потому использует в качестве источников в основном дайджесты — выжимки из газет на английском языке и метод опроса тех или иных ученых во время поездки в Москву. Те же, кто знает язык, пользуются только современной буржуазной русской литературой, авторы которой связали свою судьбу с нынешним режимом. Критическую, левую литературу они сознательно избегают. Причем такой подход характерен не только в отношении России, но и КНР: аналогичная «бредятина».

На фоне книг по общественным дисциплинам контрастно выделяются работы по естественным наукам. В этих сферах наука демонстрирует себя в полной мере, хотя макулатуры тоже хватает.

Другими словами, из своей практики я в очередной раз убедился в правоте Ленина, писавшего, что буржуазным ученым-естественникам, пока они не покидают почву своей науки, верить можно, общественникам — нельзя.

Цензура. Идеологичность общественной литературы находит свое выражение и в цензуре. Формально ее вроде бы нет, фактически же она существует и действует весьма эффективно. Дело в том, что само издание книги не имеет никакого значения до тех пор, пока она не разрекламирована на ТВ или в соответствующих журналах и газетах общенационального масштаба. Никогда не будет допущена к рекламе работа или даже крошечная рецензия, если она покушается на «святые» ценности демократии и рынка. Например, журналы “Foreign Affairs”, “Economist” и другие не захотели (именно

так!) дать рецензию на одну из моих работ, поскольку в ней обнаружили губительную роль «демократии» для России. Так что «свобода слова» уже давно отжила свой век. По крайней мере, в «постиндустриальном обществе» ее не существует.

Вообще, чтение английской прессы вызывает ощущение, что в этой стране никто не трудится: нет ни рабочих, ни крестьян. Только королева со своим семейством, банкиры и футболисты с музыкантами. Подавляющая часть материалов посвящена каким-то скандалам, диким убийствам, а в последнее время еще и террористам. Никто, естественно, не вскрывает социальных причин, нарушающих спокойную жизнь англичан. Конечно, на страницах газет так или иначе поднимаются различные проблемы, но они тонут на фоне рекламы, развлечений и скандальных историй. Следует признать, что в деле промывки мозгов английская пресса действительно достигла «сияющих вершин». Идеологическая пропаганда работает безукоризненно.

Религия и сыр

Тем не менее, есть одно качество, которое мне нравится в англичанах: это их спокойное отношение к религии. Известна старая шутка французов: «У французов один бог, зато 300 сортов сыра; у англичан один сорт сыра, но 300 богов». Джереми Паксман, автор популярной книги об англичанах, напоминает, что даже в середине XIX в. две трети лондонцев не посещали церквей. Безразличие к религии было одним из важнейших факторов опережения Англии в своем историческом развитии. Религия успешно заменялась наукой, пик которой пришелся на XIX и начало XX в. Не случайно Англия выдала самое большое количество ученых, оказавших революционное влияние на научно-технологическое развитие мира.

В XX в. значение религии уменьшалось во всех развитых странах, но в Англии темпы этого процесса, видимо, были интенсивнее, что с горечью вынуждены констатировать и сами британские священники. Так, в справочнике по христианству в Великобритании (*The UK Christian Handbook: Religious Trends, 2004*) указывается, что за последние 15 лет количество верующих уменьшилось более

чем на миллион и к 2005 г. их будет 5 млн 600 тыс. человек. За этот же период количество церковных зданий сократилось на 1400, а количество священников на 1000 человек. Уменьшается и количество тех, кто посещает церкви. Только около 19 % английских протестантов хотя бы раз в месяц посещают церковь¹, в то время как в католических странах этот процент значительно выше: в Испании и Австрии — 35 %, Словакии, Португалии и Италии выше 50, в Ирландии — 67, а в Польше аж 78 %. Правда, в католической Франции только 12 % французов оказывают милость богу, предпочитая сидеть в кафе и ресторанах, чем посещать церкви.

Надо при этом иметь в виду, что хождение в церковь многие рассматривают не как дань религии, а как место встречи со знакомыми.

Многие церковники понимают, что библия уже не может удовлетворить современное мышление, самим временем ориентированное на науку. Поэтому они акцентируют внимание «рабов божьих» на моральной стороне библейского учения, например, в отношении семьи и воспитания детей. В некоторой степени в этом есть свой резон, хотя английские авторы учебника по атеизму указывают: поскольку многие ученики не верят в бога, то, соответственно, они с недоверием относятся и к моральным ценностям, прописанным в библии от имени бога. Как бы то ни было, религиозная тематика не является той проблемой, которой англичане уделяли бы серьезное внимание. А серьезно же их волнует совсем другое.

Проблемная Англия

Образование. Это одна из больных тем, которая постоянно обсуждается на страницах печати. Прежде всего, обращается внимание на кардинальные различия общественных и частных школ. Первые выпускают большой процент неграмотных учеников. Кстати, по данным ООН, 21,8 % населения Великобритании считаются «функционально неграмотными»². Не очень давно обнаружили, что

¹ Министерство внутренних дел дает другую цифру: только 7 % христиан посещают церковь. *The Independent on Sunday*. 12 June. 2005. P. 78.

² *The Guardian*. 11 Jan. 2005. P. 21.

в общественных школах оказался очень большой процент самоубийств среди школьников.

В высших учебных заведениях в 2003–2004 гг. прошла волна закрытий факультетов естественного профиля (химии, математики, физики, биологии). Университетам не хватает денег. В то же время ежегодно увеличивается плата за обучение и одновременно усложняются проблемы с трудоустройством. Пишут о таком явлении: в связи с понижением требований при поступлении в вузы и оттоком квалифицированных преподавателей (из-за низкой зарплаты) выпускники остаются совершенно необразованными.

На примере нынешнего состояния образования в Англии, которое, между прочим, по некоторым позициям даже лучше, чем в других европейских государствах, еще раз убеждаешься в превосходстве системного государственного обязательного и бесплатного (!) образования в Советском Союзе.

Здравоохранение — еще одна большая тема, английский вариант которой я испытал на личном опыте. Так называемый «общий врач» (= «семейный врач») уделяет пациенту максимум десять-пятнадцать минут, пять из которых уходит на заполнение различных бланков — бумаги, если «не долечился» за эти минуты, то надо заказывать еще один визит в другой день. Уровень знания врачей в государственном секторе — это притча во языцех, о чем с тревогой пишут в английской печати. Конечно, есть разные врачи, разные больницы. Кроме того, они отличаются в зависимости от географического местоположения: на севере хуже, на юге лучше. К примеру, в Оксфордском графстве медобслуживание считается одним из лучших. И, тем не менее, я испытал на себе силу этой медицинской науки на практике.

У меня обострился остеохондроз плечевого сустава. Прихожу в клинику и рассказываю врачу о своей болезни. В ответ она спрашивает меня: «А что такое остеохондроз?» — Я в шоке. Позже, правда, мне сообщили, что «врач» только недавно закончила свой медицинский институт и еще не набрала опыта. По рекомендации другого врача еду лечить свой «хондроз» к профессиональной массажистке. Действительно в прекрасном офисе вела прием милая дама, всем своим видом излучавшая спокойствие. Причины и следствия всех болез-

ней у нее упирались в проблемы с позвоночником, о чем говорил весь антураж кабинета: позвоночники всех возможных искривлений красовались в комнате приема. Примерно полчаса эта профи заполняла историю моих болезней, начиная с рождения, затем минут 15 щелкала своими пальцами, практически не касаясь меня, но как бы имитируя выправление позвоночника. После окончания сеанса врач предупредила меня, чтобы я какое-то время не садился за руль, т. к. возможно головокружение (?). Естественно, я ничего не почувствовал, кроме изъятия из моего кошелька 80 фунтов за сотрясение воздуха. От этого голова действительно немного закружилась.

Хождения по врачам продолжались. Теперь мне надо было сделать рентген коленного сустава. Мне пришлось прождать два месяца (а если бы мне понадобился офтальмолог или ЛОР, то ждать пришлось бы месяца три-четыре). Сделали снимок: определили — бурсит. (Между прочим, в московской платной элитной больнице был поставлен диагноз — коленный остеохондроз.) Но на самом деле это был разрыв мениска, о чем я узнал позже, в другой стране и у других врачей. Такова английская бесплатная медицина.

Платная же имеет отличия: прием длится минут 20–30. За визит — примерно 200 фунтов. Я говорю про первоначальный прием у врача в частном секторе, и это не анализы и операции, это — консультации. Лечение — это совсем другие деньги. Но вот кофе у них — отличный и бесплатный! И на прощание: «Если что-то заболит, непременно приходите в следующий раз» — и искреннейшая улыбка в пол-лица. И опять 200 фунтов.

К стоматологии и фактическому лечению я тоже вынужден был прикоснуться: забеспокоил зуб, который надо было подлечить. Врач в Лондоне (кстати, русский) заявил мне, что стоимость лечения в моем случае будет варьироваться (?) от 3 до 10 тыс. фунтов стерлингов. Но тут я не позволил этому врачу касаться моего зуба и улетел в Канаду к своему старому стоматологу, что было значительно дешевле и быстрее. Все было сделано за один прием.

Вернусь к цифрам. По средней продолжительности жизни Англия находится на 29 месте. Это не так плохо, если иметь в виду, что Россия, например, находится на 91 месте. Но в эту цифру запрятана одна хитрость: очень высокая продолжительность жизни среди населения на юге страны, и значительно ниже на севере (в Шотлан-

дии, Ирландии). Более того, даже в Лондоне, в различных его районах разница по средней продолжительности жизни составляет от 10 до 15 лет.

Вынужден и здесь констатировать: даже при самом «плохом социализме» в СССР медицина была на порядок выше, чем в нынешней цивилизованной Англии. Достаточно напомнить, что в Советском Союзе два раза в год проходило общее бесплатное обследование каждого работающего человека (врачи приезжали на рабочие места с полной аппаратурой). Одно такое обследование в Англии мне обошлось бы, как минимум, в 10 тыс. фунтов.

Третьим большим вопросом в Англии (сужу по количеству публикаций в четырех газетах: “Times”, “Guardian”, ”Independent” и “Daily mirror”) является **транспорт**. Во-первых, он крайне дорогой (по сравнению со всеми развитыми странами), во-вторых, он не надежен (постоянные опоздания и отсрочки при отправке), в-третьих, мучителен (пробки на трассах и постоянный ремонт дорог — так отрабатываются бюджетные деньги). Единственное, что радует — культура вождения. Джентльмены все же.

Не справляется английское «постиндустриальное общество» и с растущей **преступностью**. Например, в 2001–2002 гг. число правонарушений достигало отметки 5 525 316, а в 2002–2003 гг. — 5 899 450, причем растут именно тяжкие преступления, в частности, убийства. На фоне снижающегося количества убийств во Франции и Германии, в Англии, наоборот, их количество растет. Некоторые объясняют это тем, что в Англии молодежь потребляет большее количество тяжелого алкоголя, чем в любой другой западноевропейской стране. В любом случае газеты постоянно пестрят статьями об убийствах, которые совершаются «просто так», от скуки.

Меньше пишут о такой проблеме, как **деформация традиционной семьи**, последствия которой могут оказаться более губительными, чем проблемы, названные выше. Так, английские источники указывают на устойчивую тенденцию снижения количества браков (включая «сожительствоющие пары»), имеющих детей, с 92 % в 1971 г. до 73 % в 2002 г. и увеличения числа матерей и отцов-одиночек соответственно с 8 до 27 %. Количество матерей-одиночек, никогда не бывших замужем, также увеличилось с 1 % в

1971 г. до 12 % в 2002 г. Количество же разведенных матерей за эти же годы выросло с 6 до 12 %¹. Другая сторона негативных последствий, в данном случае связанных с новой моделью семьи, т. е. «сожительствующей пары», относится к социально-экономической сфере. Например, в Англии такие пары, а это почти 21 % «семейств» страны, имеют очень низкие доходы (среди традиционных семей на такие доходы живет 7,8 %, а среди матерей-одиночек — 76,4 %)².

Все это оборачивается таким унижительным явлением для богатой Англии: количество бедных детей по шкале «нищета» (child poverty) превышает 20 % от всех детей Великобритании, что соответствует 3,2 млн детей³.

«Сервис» сервисной экономики

Для меня лично главной проблемой в Англии был английский сервис.

Дело в том, что при покупке любой более или менее крупной вещи товар выдается не сразу, а через некоторое время. Это вполне понятно в условиях «пост» обществ: на складах держать продукцию значительно дешевле, чем занимать площади в магазинах. Бывает, что крошечные магазинные офисы продают все по каталогам. Заказ и пожелания принимает один продавец, информацию на склад переправляет другой, а привозят купленное совсем другие люди, не имеющие к торговле никакого отношения, — шоферы и грузики. Не могу не описать покупку письменного стола в Оксфорде. Оформив покупку, заплатив деньги и обозначив день доставки (через 5 дней), мы получили стол, но... без одной ножки. «Смутившись» от такого казуса, доставщик пообещал привезти ножку через 5 (!) дней, ведь опять проходит вся процедура заказа. Точно в срок привозят ножку, но совсем от другого стола. Говорят:

¹ Living in Britain, 2002. Published 2004. Internet.

² The Sunday Times. 18 Apr. 2005.

³ Подробно эта тема проанализирована в книге А. Бэттлера «О любви, семье и государстве» (М.: КомКнига, 2006).

извините, привезем на следующей неделе. На следующей неделе вообще ничего не привезли. И опять: звонок — заказ — извините... Короче, на покупку этого стола у меня ушло более трех недель.

О покупке, обмене, ремонте английской электроники можно писать самые смешные книжки. Тема всегда живая. Моя встреча с компьютерным сервисом в Англии достаточно необычная — русификация англо-пишущего аппарата. Хотя мы могли бы на любительском уровне и сами сделать подобную инсталляцию, но, пожалев свое время, решили отвезти компьютер по адресу мастерской, которая рекламировала именно эти услуги. «Мастера» пообещали сделать это за неделю (?), уверив, что для них это не проблема. «Ждите, позвоним». И мы решили подождать, чтобы уж профессионально «притереть» все программы. Но ни через неделю, ни через две работа не была завершена. На мой разгневанный звонок о причинах такой задержки я услышал: «Извините, приезжайте, все готово». Подготовленные к оплате бумаги лежали рядом с моим сильно запыленным компьютером. Мы попросили перед оплатой все же включить компьютер для проверки, и каково было наше удивление: он не читал русский шрифт... «За что же платить? — возмутился я. — Извините, но платить не буду».

У капитализма, и не только английского, а всеобщего и его «пост» разновидности, есть одна очевидная особенность: пока ты потенциальный покупатель, ты желателен и получаешь совершенно бесплатно улыбки и кофе высшего образца. Но как только товар переходит в руки покупателя, а деньги в противоположном направлении, все улыбки исчезают и продавцы строятся в непреступную крепость. Никакие гарантии не способны эффективно (а значит, быстро и на основе закона потребителей) решить возникающие проблемы. И это не потому, что люди работающие в этих «пост» и просто капитализмах такие плохие, нет и даже наоборот, очаровательные и милые люди, но система сама вынуждает всех играть по правилам жестокости бизнеса. Деньги — товары — люди — услуги — связи — все это только товар, а значит, деньги, единственная идея капитализма. Не я первый об этом пишу, я просто подтверждаю известное и хочу еще раз подчеркнуть, что это — дорога к вырождению людей, а впоследствии и самого общества. Особенно это ощутимо в культуре и искусстве.

Вырождение культуры как признак вырождения нации

Искусство и культура, безусловно, существуют, но как редкие очаги на фоне так называемой массовой поп-культуры. «Ортодоксов», придерживающихся норм человеческой морали, становится критически мало. Демократическая свобода выбора устрашающими темпами ведет к доминированию примитивных инстинктов над образованием и человеческим воспитанием, над знанием и нравственностью. Телевидение зашкаливает от обилия секса (похотливые девицы с экранов телевизора завлекают и приглашают к «общению»), гадалки и маги всех сортов соревнуются в умении делать ВСЁ (тут у России все именно так, как должно быть в развитом «постиндустриальном обществе»), обезумевшие музыканты, не знающие мыла и шампуня, трудятся в поте лица и тела в буквальном смысле. Телевизионные каналы зазывают на массовые гуляния золотой молодежи. Разухабистые пьяные девицы (невозможно даже поверить, что это Англия) и парни счастливы в своем выборе так жить. Свобода выбора дала свои плоды и в «современном» отношении к однополым бракам, узаконенному и вполне понимаемому в обществе явлению. Находит поддержку, (во всяком случае не осуждение) «философия» обнаженных стариков и старух, желающими голыми стричь свои газоны и играть в саду. Существует общество «Британского натурализма» (“British Naturalism”), президентша которого утверждает, что «когда ходишь голым, возникает чувство свободы». Очевидно, что наиболее свободными чувствуют себя животные, к которым скоро присоединится немалое количество англичан.

Пример английской нации подтверждает такое историческое явление: как только нация или большая ее часть перестает отличать хорошее от плохого, перестает понимать, что соответствует законам природы и общества и что противоречит им, такая нация обрекает себя на распад. Одним из признаков нарушения законов морали и природы является сексуальная вакханалия, сопровождаемая всевозможными извращениями. Все это ведет к вырождению нации. Но вырождение происходит и в буквальном смысле.

Англичане начали вымирать физически. Белое население уменьшается из-за разрушения традиционной семьи и, как следствие, резкого падения рождаемости. Суррогатные однополые семьи — это вообще тупиковый вариант общества. Количество населения многие годы сохраняется на одном уровне (около 61 млн человек), но только благодаря иммигрантам и их воспроизводству. Белокожие саксы вскоре станут национальным меньшинством — угроза вполне реальная. Сетования на желания мусульман-иммигрантов устанавливать свои условия жизни на английской земле проживания вызывают громкий протест белокожих, но именно законы демократической постиндустриальной державы и разрушают ее саму.

Демократия без границ

Одним из примечательных качеств «постиндустриального общества», по мнению радетелей капитализма, является развитая демократия. Демократия — одна из форм политической власти, возникшая еще в недрах рабовладельческого строя. Существует множество форм демократии, одна из которых — буржуазная. У последней также немало разновидностей. Считается, что английская демократия наиболее совершенная среди развитых капиталистических стран. Возможно, это и так, хотя некоторые полагают, что в соцстранах Скандинавии она еще более развита. Но не в этом суть, а в том, что нынешний вариант демократии превратился в механизм, способствующий разрушению государства. Проявляется это в различных сферах общественной жизни.

На первый взгляд, самым безобидным ее отражением является так называемая политкорректность в языке. Как известно, феминистки давно добились изменения «мужеподобных» слов типа *businessman* (бизнесмен) и *chairman* (председатель) на *businessperson* (деловая персона) и *chairperson* (председательствующая персона), *postman* (почтальон) на *postal worker* (почтовый работник). Сейчас феминистки в растерянности бьются над тем, как писать “*he or she*” (он или она) или “*she or he*” (она или он). Испуганные языковой атакой работники Английской национальной оперы (*the English*

National Opera) исключили из своего лексикона слово *darling* (дорогой), поскольку в нем кто-то может усмотреть смысл *sexual harassment* (сексуальной озабоченности). Это, что касается равенства мужчин и женщин в развитой демократии.

А вот социальная сфера. В 1980-е гг. было внедрено слово «непривилегированные» (*underprivileged*) для тех, кто получает «пособия» (*benefit*), поскольку, дескать, слово «безработный» негативно сказывается на душевном состоянии «непривилегированного». Распространенным стал и другой эвфемизм — «человек между работами» (*a person between the jobs*), безработный, значит.

В те же годы были внесены словесные изменения и в сферу международных отношений: слово «отсталый» превратилось в «слаборазвитый», «слаборазвитый» в «развивающийся», «развивающийся» в «страны Третьего мира» (*backward begat underdeveloped, and under-developed begat developing, and developing begat Third World*).

В настоящее время в основном атаке подвергаются те слова и устоявшиеся идиомы, которые могут вызвать негативные ассоциации у нацменьшинств. Например, не рекомендуется использовать словосочетание “good egg” (отличный парень), которое, дескать, произошло из фразы “egg and spoon”, которая в свою очередь рифмуется с унижительным термином, применяемым в отношении афроамериканцев (боже упаси, — негров).

На самом деле все эти эвфемизмы — совсем не безобидные вещи. За так называемой языковой политкорректностью прячется элементарная ложь, целью которой является попытка изменить реальность. В свое время известный английский публицист Бернард Левин (*Bernard Levin*) писал: «Мы меняем имена того, что нам не нравится. Тем самым пытаемся убедить себя, что мы изменили сами явления. Но ни один человек не может изменить реальность, манипулируя словами. Почему же мы это делаем? Потому что реальность часто болезненна»¹.

Левин недооценивает силу таких манипуляций. На самом деле это форма идеологической обработки массового сознания с тем, чтобы смягчить или сгладить противоречия капитализма, нейтралить

¹ The Times. 10 Aug. 2004. P. 16.

зывать словами его самые негативные стороны. Именно поэтому российские либералы любят выражение «постиндустриальное общество», а не капитализм или империализм — слова, вызывающие у многих самые отрицательные чувства. Еще большую роль эта словесная эквилибристика играет в борьбе против социализма. Например, не случайно ненавистники социализма Великую Октябрьскую социалистическую революцию называют переворотом, тем самым пытаясь принизить историческое событие, изменившее ход мировой истории в XX в., ставшее надеждой не только для населения родившейся страны, но и для многих неравноправий на Западе и Востоке.

В США, где эта языковая «политкорректность» доведена до абсурда, по указанию министерства образования в исторических текстах для школы были запрещены упоминания имен многих великих людей Америки. Под «арест» попали, например, такие имена: Самуэль Адамс, Томас Эдисон, Александр Грэхем Белл, братья Райт и многие другие. Причина — кто-то из них был рабовладельцем, кто-то воевал против индейцев, кто-то нелестно отозвался о неграх. То есть язык способен исказить историю. По крайней мере, в головах обывателей, которые и составляют бóльшую часть населения любой страны.

Теперь о более серьезных вещах. Известно, что в развитых странах, в том числе и в Англии, увеличивается поток иммигрантов, в основном мусульманского вероисповедания. Их количество неуклонно растет. Они почти не ассимилируются с местным населением, сохраняя свои прежние привычки, культуру и религию. Проблема в том, что они не только воспроизводят, но начинают и навязывать свой образ жизни аборигенам, к примеру, тем же англичанам. Естественно, их культуры в принципе не совместимы. Англичане же, вместо того чтобы жестко поставить на место иммигрантов (они, в конце концов, гости, причем непрошенные), начинают дебатировать в парламенте формы своих действий, пытаясь не нарушить демократические принципы. Поскольку иммигранты-мусульмане совершенно не понимают смысла западных демократических ценностей, мягкое поведение англичан они рассматривают как их слабость, что еще больше стимулирует агрессивное поведение пришельцев. Учитывая стремительное сокращение белого на-

селения, можно предположить, что через не очень отдаленное будущее доля приезжих превзойдет долю местного населения (сейчас в среднем она составляет около 5–6 %, а в других странах Западной Европы — около 10–12 %). Тогда демократии в любой ее форме наступит конец, а на ее месте будет построена мусульманская власть, опирающаяся на Аллаха и другие феодальные нормы.

Наконец, нынешняя беспредельная демократия узаконила в гражданских правах браки геев и лесбиянок. Антиприродное явление — аппендиксная, тупиковая, губительная ветвь развития в истории биологической жизни — работает на вышеупомянутую тенденцию, т. е. на снижение белого населения.

Таким образом, нынешняя демократия превратилась в такую форму власти, которая уже не в состоянии сдержать распад государства. Она исторически себя изжила. Требуется иная форма политической структуры власти, соответствующая новым явлениям XXI в. Если же Англия не выработает новый тип власти, то «постиндустриальное общество» рискует превратиться в феодальное общество ближневосточного типа.

Я в этой заметке не касался социальных и экономических проблем, анализ которых существенно увеличил бы объем статьи. Здесь в тезисной форме хотел бы отметить только две вещи.

Сегодняшнему экономическому процветанию нынешние англичане обязаны своим предкам, сумевшим в свое время покорить чуть ли не полмира. И хотя английская колониальная империя распалась, бывшие колонии все равно остались в орбите английской экономики, продолжая кормить и поить своего господина. Техника грабежа изменилась, но суть осталась. Третий мир продолжает поставлять все необходимое (продукты сельского хозяйства, сырье, металлы, сталь и т. д.) для выживания и относительного процветания «постиндустриального общества» в Англии. Но обратной стороной этого процветания явилось то, что англичане сами уже не в состоянии воспроизвести себя как нацию. Средний англичанин потерял навыки работы. Чтобы вбить гвоздь или подключить электричество, он вызывает рабочих (которые обычно являются иммигрантами). «Постиндустриальное общество» напоминает человека с большой головой, но без рук и ног, а скоро окажется и без тела.

Кроме того, внутри этого общества стали возникать потенциально взрывоопасные очаги в виде анклавов «третьего мира». Количество населения, живущего ниже черты абсолютной бедности (для развитых стран это 11 долл. в день), равно 15,7 %. 10 % богатых наверху «зарабатывают» в 14 раз больше 10 % внизу. И т. д.

* * *

Итак. Мы имеем перед собой «постиндустриальное общество» с его минусами и плюсами. Главным плюсом можно считать относительно обширный средний класс с относительно высоким средним уровнем жизни. Но этот плюс перекрывает масса минусов в сфере образования, здравоохранения, транспорта, преступности, ужасной сфере обслуживания и т. д. Главное же — моральная деградация и политическая беспомощность перед новыми вызовами. Весь этот набор проблем, в той или иной степени, характерен и для других «постиндустриальных обществ» Западной Европы. Очевидно, что они перешагнули свой пик развития и ныне покатались вниз. Обычно падение начинается с кризиса морали, кончается или разрушением государства, или его качественным обновлением через революцию. Но поскольку англичане революций не любят, то, похоже, они обречены на первый вариант.

Министр финансов, второй человек в правительстве лейбористов, Гордон Браун на конференции своей партии (конец сентября 2005 г.) говорил: «Задумайтесь хотя бы на секунду: таланты (в стране) попусту растрачиваются, великие музыкальные произведения не сочиняются, великая живопись не творится, великая наука не создается, великие книги не пишутся»¹. Задумайтесь хотя бы на секунду: сказанное относится к «постиндустриальному обществу», о котором мечтают господа российские либерал-демократы. Нужно ли такое общество России? Сомневаюсь, но решать россиянам.

Декабрь 2005 г.

¹ The Economist. 1 Oct. 2005. P. 11.

Ветер с Востока довлеет над ветром с Запада, или Токио — Пекин — Сеул

В отличие от российских ученых, любящих ездить за границу на халяву, т. е. за счет «принимающей стороны», я отказался от этой практики лет 15 назад. Хотя за это время я объездил немало стран, но за свои «кровные», точнее, изымаемые у одного небедного спонсора, который по каким-то непонятным для меня причинам финансирует мою научную деятельность в течение этих самых 15 лет. Но сейчас не об этом.

Один состоятельный парень Жора, сын моего старого друга, решил сделать подарок своей семье в виде двухнедельной поездки в Японию и Китай. Однако в силу каких-то причин его отец отказался от поездки и тогда на его «вакантное» место решили пригласить меня, как друга семьи. Жест весьма благородный. Поначалу я подумал, что пригласили, чтобы не пропал билет. А затем, после «второй мысли», как говорят американцы, решил, что идея была «глубже»: продемонстрировать возможности начинающего олигарха. Вначале я было покочевряжился, а затем халявное русское нутро взяло свое, и я согласился, убедив себя в том, что поездка будет для меня полезной «с научной точки зрения».

Дело в том, что в этих странах я бывал много раз, но в последний раз в Японии был аж в 1999 г., в Пекине тоже в 1999 г. (хотя в Шанхае — в 2003 г.), а в Сеуле (который также вошел в программу)

и того раньше, кажется, в 1992 г. Короче, прошло немало времени. Интересно, что там изменилось? К тому же мне было любопытно понаблюдать за семьей состоятельных людей, к которой была присоединена и секретарша Жоры Настя. Это за ее трудовые заслуги перед банком. По дороге я, кстати, выяснил, что эта девушка в возрасте 22 лет получает месячную зарплату в 3 тыс. долл., не считая бонусов и подобных «подарков». Со своей профессорской зарплатой в 3 тыс. руб. на протяжении 10 лет с 1997 г., сначала в МГИМО, затем в Институте философии и, наконец, в одном из институтов РГГУ, пока не вышел на пенсию с суммой 2 433 руб., я выглядел просто нищим на фоне этой молодухи.

Поскольку мама (Анна Михайловна) и сестра (Брунгильда, которую все, однако, называют Бруней. Отец был хохмачом.) живут в Париже, то наш маршрут из Москвы принял необычный характер. Летим сначала в Париж, подбираем семью в аэропорту, затем в Токио. Места, естественно, в бизнес-классе, правда, компании Франс эйрлайн, не самой лучшей в мире. Тем не менее, не утомительно, хотя до Токио 11 часов лету. Поскольку кресла раскладываются до лежащего положения. Кормежка, как и полагается в любых приличных ресторанах, а алкашам вообще раздолье: пей чего и сколько угодно.

Япония — страна все еще восходящего солнца

Прилетаем в аэропорт Нарита. Нас встречает фургон, который за 700 долл. довозит нас до шестизвездочной гостиницы «Мандарин ориентал». Эта гостиница — последний писк отельного шика. Построена недавно. Вообще-то японские гостиницы европейского типа (не путать с японскими гостиницами «ядоя») по обслуживанию мало отличаются друг от друга. Знаю по собственному опыту, поскольку я жил в десятках отелей, от трех- до пятизвездочных. Отличия, может быть, заключаются только в большем/меньшем экране телевизора и в... унитазах. Последнее важнее. По-моему, только в Японии этому сооружению придают сверхисключительное значение. Главное достоинство унитаза из этой гостиницы — осво-

бождение человека от всех привычных процедур после «дефекализации». Вступает в свои права автоматика: различные кнопки, отвечающие за напор и температуру струй в нужное место. Это не какое-нибудь примитивное биде или мусульманский кумган, а самый настоящий космический агрегат «омовения». Мои научные мозги пока так и не дали оценку достижения человеческой мысли в этой области с точки зрения прогресса человечества. Вопрос остается открытым, хотя прогресс именно в этой сфере скоро проникнет во внутрь самого человека, где упомянутые фекалии каким-нибудь образом и будут перерабатываться в целях возобновления энергетического цикла. Возможно, как раз с этой, внутренней, стороны и будет решена мировая проблема голода.

Думаю, что именно этот унитаз и оттянул большую часть суммы в 1000 долл. за номер в сутки. Меньшая часть пошла на бассейн, сауну и парилку, которые я обычно игнорировал, но на этот раз использовал из принципа. Хотя, повторяю, кардинальной разницы с гостиницей в 50 долл. за сутки я и не почувствовал, поскольку все гостиницы я рассматривал как место для ночевки, а не как оздоровительные комплексы. Однако семья и Настя уверяли меня, что разница есть. В моем положении спорить было неудобно: бери, что дают, тем более давали по самым высоким стандартам миллионеров. Но и это, оказалось, не предел.

Жора заранее снял номера в японской гостинице (это уже «ядоя») курортного типа «Гоора кадан», это в горном городке Хако-нэ, что находится в префектуре Канагава (в сторону Йокогама). Жора расхваливал эту гостиницу за различные водные процедуры, которые как бы надо принимать без перерыва. Дескать, очень полезно для здоровья. Меня, как бывшего астраханца, такие разговоры (о необходимости часто мыться) всегда удивляли и удивляют. Я с детских времен помню советы астраханских врачей: мыться в бане надо один раз в 10 дней. Хотя под давлением жены мне приходится мыться (принимать душ) чаще, но не только астраханцы, даже в настоящее время, продолжают придерживаться советов врачей славного советского времени. Это ощущается и в Москве, особенно, когда едешь в метро.

Так вот, возвращаемся к гостинице. Там, оказывается, еще останавливается Сам император Акихито. Жора почему-то это сооб-

щение выговаривал с особым восторгом. Для меня же все императоры и короли представляют класс паразитов, что особенно заметно даже по лицам королей и королев Европы. Правда, японские императоры, по крайней мере последние два, — ученые. Папаша нынешнего, Хирохито, был биологом, нынешний — ихтиолог. Не исключено, что Акихито-тэнноу в этой гостинице и останавливается, но, скорее всего, бесплатно (то есть за счет налогоплательщиков). Простые же смертные за эти водные процедуры должны платить. Например, за самую стандартную комнатенку 600 долл. в сутки, а если с садиком на балкончике, да еще и с парной сауной (так написано в раскладе цен), то почти 1100 долл. В эту сумму, естественно, не входит еда, которая дешевле: ужин на человека всего 100–150 долл. Сущие пустяки. Действительно милое заведение, где я впервые столкнулся с непривычным для Японии «навязчивым» сервисом. Обслуживающий персонал в виде «весьма зрелых женщин» (или бабушек) совершенно не давал покоя, постоянно предлагая сходить «помыться». Поскольку психологически я не был готов мыться через каждые 15–20 минут (естественно, в разных источниках), то они меня почему-то сильно раздражали. Жора же не выходил из воды: видимо, накопилось немало грязи в процессе его трудовой банковской деятельности. Он вообще себя чувствовал как рыба в воде, имея в виду также и его приличное знание японского языка. Редкий случай среди российских банкиров, обычно с трудом осиливающих даже английский язык. Его семья и Настя также с удовольствием воспринимали эти ценные воды, поскольку в их головах не возникали вопросы о соотношениях зарплат «трудящихся масс» и затрат на отдых российских капиталистов. И вообще все эти идиотские проблемы равенства/неравенства. Когда у тебя есть возможность останавливаться в гостиницах за 1000 долл. и выше в сутки, кушать сасими и суси за 200 долл. и приехать из аэропорта на такси за 700 долл. в ту же гостиницу, как-то неприлично голове размышлять о социальных проблемах мира. В принципе такого типа голова уже ни о чем не размышляет; она только потребляет.

После «Гоора кадан» была запланирована поездка в Никко. Как, вы не знаете, что такое Никко? Японцы говорят: кто в Никко не бывал, тот ничего не видал. Я бывал там раза три. Первый раз, как и полагается, восхитился. Второй раз поддержал восхищение

других. В третий раз удивлялся тому, что другие не восхищаются Никко. Этими «другими» в тот момент были американцы.

Никко находится на севере от Токио. Жора туда ехать не собирався (он из тех «американцев»), поэтому заказал один таксифургон (для нас) и просто такси для себя. Меня это удивило, поскольку мы все равно должны были ехать в Никко через Токио. То есть можно было спокойно всем поместиться в фургоне, сбросить Жору в отеле и продолжить путь в Никко. До Токио мы все равно ехали «ноздря в ноздю». Но Жора предпочел оплачивать вдвойне. Хозяин — барин. Хотя из Хаконэ можно было доехать до этого Никко на электричке за сумму в четыре раза дешевле, чем на этом фургоне, а главное — быстрее, т. к. проезд через Токио у нас занял полтора часа.

Итак, прибыли в Никко. Там нас ждала гидесса с претензией на знание английского языка, который был похож на все иностранные языки одного российского клоуна-политика. Следуя своей программе, она показала нам все храмы, которые, как известно некоторым, построил Иэмицу Токугава в честь своего деда Иэясу Токугава. Для меня же Иэмицу более важен по другой причине: он довольно жестоко подавил восстание христиан на Кюсю, тем самым не дав проникнуть христианству в Японию. И таким образом защитил Японию от религиозного мракобесия.

К моему удивлению, «девочки» (Анна Михайловна, Бруня и Настя) с интересом осматривали все достопримечательности, после чего мы отобедали в японо-французском ресторане, заплатив заодно и за гидессу (что не полагалось). Все увиденное, однако, не заронило в «девочках» чувство «больше ничего не видеть» после Никко. Впереди был Пекин.

Когда мы вернулись в Токио, Жора повел нас в какой-то особый ресторан, где кормят суси. Это в районе Роппонги. В общем-то, в Японии любая забегаловка, где можно откусывать суси или сасими, качественнее любого японского ресторана в Москве, Лондоне или Париже (знаю по опыту). Я никогда не был гурманом (на мой взгляд, для мужчины быть таковым просто неприлично), однако в роппонговской «сусия» суси действительно оказались уникальными: они просто таяли во рту.

Следующий день был совместным хождением по музеям, а вечером мы разделились: Жора с Настей пошли на «митинг» со своими русскими знакомыми — группа молодых ребят, осевших в Токио и подвизающихся в каком-то сомнительном бизнесе, и девицы-модели с мозгами туфелек-инфузорий. Мы же — Анна Михайловна, Бруня и я — двинулись в маленький ресторанчик в районе Асакуса моего старого друга Дзё-сана, в котором последний раз я был лет 14 назад. Как ни странно, я быстро нашел этот ресторанчик, и еще более странно — меня узнала жена Дзё, Сатоко-сан, которая тут же позвонила своему мужу. Через полчаса подкатил сам Дзё. Я почему-то думал, что он знает английский или русский (много лет в бизнесе с Россией). Более 15 лет назад я жил во Владивостоке (был директором одного из институтов), и мы вместе с Дзё связывали бизнес Хабаровска и Владивостока с японским бизнесом. Между прочим, международный аэропорт во Владике — это инициатива Дзё, который к тому же привлек японских бизнесменов, точнее, банкиров, к его строительству. Тем не менее, он говорил только по-японски, а мой японский оставлял желать лучшего. Я на нем не общался уже много лет. Все же я смог с ним объясниться, т. е. мы рассказали свои истории за последние годы со дня встречи. Его истории довольно интересны, но об этом как-нибудь в другой раз. При расставании он собирался было заплатить за наш ужин, как это делал в предыдущие встречи. Я его остановил, заявив, что теперь я не бедный, выложив 10 тыс. иен, сущие пустяки для ужина на троих. Правда, 20 лет назад, в одну из командировок я умудрился прожить на 20 тыс. иен три недели в Токио. Во-первых, днем я экономил, обедая в студенческих столовых, а во-вторых, вечерами мой друг из журнала «Новое время» водил меня на разные банкеты, куда мы заявлялись под видом «званных» гостей. Этот корреспондент поставил процесс «банкетирования» на научную основу: у него был список всех банкетов в Токио с указаниями специфик встреч (от этого зависел ассортимент еды и напитков). В общем «вечеряли» мы на халяву власть.

Конечно, не так, как Жора. Этот, наоборот, сам стремился выложить как можно больше. Когда я его спросил, зачем надо тратить такие большие деньги на гостиницы, рестораны и такси (он почему-то игнорировал токийское метро, которое дешевле и быстрее),

он успокоил меня, сказав, что тот вечер, проведенный с русскими (ребятами и тувельками-инфузориями), стоил больше, чем было заплачено за пять дней проживания в шестизвездочной гостинице за всех пятерых. Я, естественно, знаю, сколько денег просаживают олигархи во время своих кутежей на Западе. Например, я видел бутылку вина (в ресторане между Монако и Ниццей), которая стоила 40 тыс. евро, и покупают его в основном, как мне было сказано, «мальчишки» из России. Знать-то знал, но никогда не мог понять целесообразность таких трат. Она отсутствует в принципе, т. к. эти деньги не заработаны, они — уворованы, в том числе и у меня.

Жора, между прочим, в отличие от многих своих собратьев это хорошо понимает и не корчит из себя банкира, радеющего за интересы русского народа. А на мое ворчанье и осуждение как-то вылутился следующей тирадой: «Да, несправедливо, да, уворованы! Так что же вы не боретесь за справедливость? Где ваши левые партии, позволяющие „грабить народ“? Где сам народ, позволяющий грабить себя? Одно брюзжанье вместо реальной борьбы. Раз не можете нас сбросить, так и расплачивайтесь своим вымиранием. Вот вы все время педалируете: профессорская зарплата 3000 руб., пенсия — 2400 руб. Конечно, несправедливо. Но что вы сделали, чтобы восстановить справедливость? Ничего, одна трепотня и брюзжание». Возразить мне было нечего. Но про себя подумал. Если они все это осознают, то уговаривать их «поделиться» с народом бессмысленно. Никакой парламент, никакой закон здесь не поможет. Они понимают только тогда, когда у тебя в руках автомат Калашникова.

Да, о самой Японии. Я давно не занимался ею научно, хотя, естественно, следил за ней по газетам и журналам. Здесь же несколько штрихов из быта. Первое, что бросается в глаза иностранцам, особенно туристам из Европы, это безукоризненный сервис. В общем-то, такого высокого уровня обслуживания нет нигде в мире. И дело не только в том, что искусственные улыбки отработаны беспощадным тренингом. Дело во внутренней культуре японцев: сочетание генетики и постоянного, самого рационального воспитания, начиная с пеленок. Я бывал в Японии раз 20, как минимум (даже сбился со счета), и ни разу не был унижен или оскорблен. В то время как в Париже в любом магазине ты натыкаешься на презрение продавца за незнание французского языка, или просто равнодушие, точнее,

нежелание работать с клиентом. Только в Париже, в крупных универмагах типа Лафайет, я встречал такой парадокс: продавцы стараются избегать клиентов. О России я не говорю: хамство там, видимо, стало уже элементом «культуры».

Второе явление, бросающееся в глаза, это безукоризненная чистота, везде, даже в Токио, мегаполисе, где проживает около 20 млн человек. Такого тоже нигде нет. Третье — это ухоженность, здоровый вид японцев. Я много мог бы написать об экономике и социальной политике в Японии. Но все явления агрегируются в одном факте, демонстрирующем прогресс нации, — средняя продолжительность жизни жителей. Она в Японии, по данным за 2006 г., составляла 82,25 года, для женщин где-то 85, а у мужчин под 79. Это первое место в мире, если исключить такие маленькие страны, как Андорра и Сан-Марино. Проблем у этой страны немало, но ее проблемы — это не проблемы выживания, как у России, или деградации, как в Европе, а проблемы оптимального приспособления к будущему мира. И оно, это будущее, явно не на стороне Запада. Думаю, что даже выставка картин из Центра Помпиду в Государственном музее искусств имеет целью показа, как не надо развиваться. Представленные картины французских современных художников могут вызывать только отвращение, поскольку их главным содержанием является или отсутствие такового в буквальном смысле этого слова (на «картинах» прибиты гвозди или приклеена какая-нибудь соломинка), или просто уродство.

Да, среди бытовых нововведений за последние лет пять можно назвать навигационные устройства во всех такси (наверняка, вообще на всех машинах), причем с очень приличным экраном. Довольно удобная штука, особенно при запутанных токийских улицах.

Пекин — социалистическая столица Центра мира

После Токио мы уже без Жоры прилетели в Пекин, где в аэропорту нас ждала машина из уже всего лишь пятизвездочной гостиницы St. Regis. Путь в город из аэропорта я проезжал много раз, и

меня всегда удивляли старые китайские дома, похожие на московские хрущобы. На этот раз их не оказалось. На их месте я обнаружил высокоэтажные строения из бетона и стекла. Причем, воздвигнуты они были, похоже, за последние несколько лет, так сказать, в ходе подготовки к Олимпиаде. Сейчас в Пекине вообще все крутится вокруг Олимпиады. Я хорошо знал длиннющий проспект Дзяньго мэньвай дадзе вплоть до Фусин мэньнэй дадзе, тянущийся через южную часть площади Тяньаньмэнь (когда-то прошел ее пешком). Теперь он был застроен шикарными отелями и высотными зданиями, напоминающими современные строения западных городов, за исключением одного нюанса. В Пекине, да и вообще в больших городах Китая, необычно широкие центральные улицы-проспекты. Очень контрастируют с каким-нибудь лондонским Пикадилли. Даже относительно широкий Ленинградский проспект в Москве или узкий Шанзолезе в Париже покажутся небольшими улочками на фоне, например, проспекта Сталина в г. Муданьдзяне. Пекин же ныне принял облик мощного современного города мира с населением около 15 млн человек. Но в отличие от Шанхая, в котором тоже живет не меньше, а может, больше людей, в Пекине сохранилось значительно больше «китайского».

Главным путеводителем по Пекину стала Анна Михайловна, которая также была здесь не раз. К тому же она сама художник китайской живописи. Она заказала экскурсию на целый день, которая по деньгам, между прочим, оказалась ничуть не дешевле, чем в Японии. Для Китая это удивительно, поскольку здесь все дешевле на порядки. Но поскольку мы жили в такой дорогой гостинице, с нас и «драли» как с буржуев, что мы почувствовали по гостиничным завтракам и обедам: от ста до ста пятидесяти долларов на двоих. Правда, в еду входила и черная икра (на обед), формально не ограниченная. Между прочим, астраханская, которую в добрые старые социалистические времена мы в Астрахани покупали за 40 руб. 1 кг. Еда — для бедняков. За пять дней на обеды и завтраки ушло около 1350 долл. (в течение двух дней на четверых, остальных трех дней — на двоих). Причем обедали мы не каждый день в гостинице. Теперь уж и не знаю, много это или мало.

В программу экскурсии входила поездка на Великую Китайскую стену, на которой я до сих пор не бывал. Гидесса-китаянка,

которая английский знала значительно лучше гидессы-японки, без умолку впахивала в нас заученную информацию, которая вряд ли осела в головах Бруни и Насти. В моей голове ей (информации) тоже не нашлось места. Тем не менее, сама стена нас впечатлила, а китайцы вызвали уважение не только тем, что когда-то возвели эту стену (которая на самом деле не спасла их от всевозможных нашествий), но и тем, что умело превратили эту стену в доходный туристический бизнес.

На следующий день наши пути разошлись: девочки во главе с Анной Михайловной отправились по музеям и магазинам, а я начал искать своего старого китайского друга Ли — журналиста из молодежной газеты (Чжунго циньянь бао), с которым мы четыре года дружили в Москве. Но после его отъезда из Москвы в 2001 г. он как бы пропал. В том смысле, что, несмотря на договоренности созваниваться и контактировать по e-mail, он на связь не выходил. Прошло шесть лет. Я в Пекине. Нашел издательство. Встретился с зав. международным отделом, который сообщил мне, что Ли теперь большой начальник (заместитель главного редактора газеты), но сейчас он за пределами Пекина, навещает какой-то пункт газеты в провинции. Но он со мной свяжется часов в пять. Однако в пять часов в гостиницу приходит другой человек, Чжан Синхуэй, который работает под началом Ли. Синхуэй также сообщил, что Ли позвонит мне поздно ночью, а сейчас он по совету Ли хочет пригласить меня в ресторан. Через некоторое время к нам подошла его жена с американкой, и мы пошли в ресторан. Поужинали, пообщались. И действительно, в 12 часов ночи в номер звонит Ли, дико извиняется, что не давал о себе знать, дескать, жутко закрутился, но теперь уж точно мы наладим контакты и будем постоянно поддерживать связь.

Я подробно описываю эпизод с Ли, поскольку мне один из знакомых сообщил, что после приезда в Пекин его посадили. Уж не из-за меня ли, подумал я тогда. Меня считают критиком нынешнего режима в России, а для Китая Россия, независимо от режима, в любом случае очень важная страна. Поэтому дружба с таким критиком могла не понравиться его начальству. И все-таки был звонок и голос Ли. Несмотря на это, все было странно. Ли не в Пекине, подчиненные не могут с ним сразу связаться. Связавшись, заранее гово-

рят, что позвонит он очень поздно. Хотя Ли, имея мобильник, мог бы отреагировать сразу же. На мой запрос тому же Синьхуэйю по e-mail уже после приезда опять какие-то странности. Для меня эта история осталась загадкой до сих пор.

С демократией в Китае явно не все в порядке. По западным стандартам. Но, может быть, это и хорошо. Дело в том, что в Китае до сих сохранились исправительные лагеря «трудового перевоспитания» (не знаю, как сейчас, а раньше они назывались «школой 7-го мая»). Время от времени туда отправляют зарвавшихся партийных бонз, высших бюрократов и идеологически неустойчивых. Думаю: и правильно делают. Иначе, правящая элита теряет чувство реальности, превращается в надменную прослойку руководителей. Такие лагеря отрезвляют. Эта система — достойный пример для подражания. Ее надо ввести во всех государствах. Возможно, мой дружок Ли туда и угодил. Если так, то, надеюсь, он отсидит свой срок с пользой для себя.

Анна Михайловна — художница, рисует в китайском стиле. Поэтому ее главная задача в Пекине — купить нужную китайскую бумагу, кисти, альбомы, диски. Все это в принципе есть и в Париже, но, во-первых, дорого, во-вторых, не в таком разнообразии. Она берет меня в качестве «переводчика» (когда-то я учил китайский, но затем изрядно забыл), а главное — как грузчика, поскольку бумаги должно быть несколько рулонов. Мы едем в район искусств — это улица Люличанг, недалеко от метро Хэпинмэнь. Заглядываем в различные магазины. Видим, множество картин, которые стоят от 80 до 300 тыс. юаней (от 9 400 до 36 000 амер. долл.). Это очень дорого. Анна Михайловна ищет нужную бумагу, торгуется по ценам, а я «завожу» разговор с продавцами, представляясь, что я — русский (во ши элосы). Обычно старики сразу откликаются. Особенно мне удавалась тема «Сталин и Мао слушают нас». Старики тут же еще называют Ленина и обязательно с именем отчеством — Владимир Ильич, причем почти без акцента. Затем почему-то умудряются вспомнить имя Свердлова. И, конечно, Николая Островского. «Конечно», потому, что у них несколько лет назад прошел сериал про Павку Корчагина, ставший хитом.

Между прочим, на Западе, говоря об успехах Китая, постоянно подчеркивают, что это благодаря рынку, т. е. капитализму. И что в

Китае как бы вообще уже и нет социализма. Этой версии придерживаются и многие дураки от науки, и особенно журналисты в России. Почему-то всей этой братии не приходит в голову совершенно иной результат, несмотря на рынок и даже демократию в России. Одно сплошное вымирание населения.

Вообще-то, глядя на повсеместную торговлю и видимую вестернизацию, особенно в Восточной части Китая, действительно кажется, что никаким социализмом здесь и не пахнет. Например, в Шанхае. Не услышишь даже слова «социализм» в повседневных разговорах. В этой связи я как-то спросил японского бизнесмена, много лет работающего в Китае: чувствует ли он руку КПК? Он ответил так: партия действительно расширила рамки рыночной экономики и вообще поле для частнопредпринимательской деятельности. Но как только ты выходишь за эти рамки, или поле, сразу же ощущаешь железную руку КПК. После уточнения выясняется, что любой частный бизнес все равно согласовывается с партийным руководством на разных уровнях в зависимости от масштаба бизнеса. Короче, чистой воды НЭП, принявший в Китае долгосрочные и масштабные направления. И, тем не менее, вполне управляемый и контролируемый Коммунистической партией Китая. На все призывы и нажимы с Запада о необходимости либерализации политической системы Пекин отвечает гордым презрением и посылает этот Запад куда подальше, время от времени напоминая ему результаты такой либерализации в СССР. Остался пшик в виде РФ.

В последний день у меня сломались часы, и я решил купить новые в Китае. Недалеко от гостиницы я нашел какой-то торговый центр, где, естественно, торговали всем и от всех «фирм» мира. Нахальные продавщицы с возгласами «лука-лука» и сразу же на всякий случай (вдруг русский) «посмотри-посмотри» затаскивали в свои секции, пытаясь заставить жертву купить их товар. Естественно, все это «чипа-чипа» (дешево-дешево). Между прочим, в аналогичных заведениях в Южной Корее продавцы еще агрессивнее. Я однажды вынужден был, чтобы от них отвязаться, купить совершенно ненужное мне кожаное пальто, которое до сих пор не знаю, куда деть. Итак, иду в часовой отдел (это почти пол-этажа). Часов миллионы, всех марок мира. Прицениваюсь к «роликсам» (их тоже несколько сотен марок). Одну из марок предлагают за

60 долл. Сторговался за 12 долл. Ремешок, правда, порвался через день, а часы пока ходят.

Известно, что Китай (Южная Корея, Тайвань, Малайзия) производит почти все. Все эти арманы, боссы, луи вутоны за копейки делаются в Китае, затем перепродаются в Европу за другие суммы, а в московских и парижских магазинах уже появляются в сотнях и тысячах евро. Процесс торговли очень любопытный. Запрашивают раз в пять, а то и в десять дороже. Как с моими часами. Страна производит впечатление огнедышащей лавы, исторгающей из себя не только пепел (серьезная проблема для окружающей среды), но и все виды товаров, необходимых человечеству. Китай — это кузница материального производства, страна-груженца.

Между прочим, по главному критерию прогресса Китай хотя и не в передовых — всего 77 место в мире (правда, 2 и 6 места занимают китайские территории Макао и Гонконг) со средней продолжительностью жизни в 72,3 года (2006 г.), — но, во-первых, это выше, чем в России (118 место), а главное — с 1949 г. на начало 2000 г. произошло увеличение более чем в два раза: с 35 лет до 72 с копейками.

Китайцы, естественно, отличаются от ухоженных и чистеньких японцев. Не столь ухожены и вежливы, но весьма открытые, динамичные, гордо смотрящие в будущее. Поскольку знают, что это будущее за ними.

Сеул — между Токио и Пекином, но очень гордый и независимый

В Корею я полетел один, хотя и эту поездку мне организовал Жора. От Пекина до Сеула часа полтора лету. В аэропорту меня ждала машина моего старого приятеля, зятя президента Хёндай, с которым я познакомился в США, в Стэндфордском университете, точнее, в Центре стратегических исследований этого университета, в то время, когда там еще работала Конди Райс, нынешняя статс-секретарь США (т. е. министрша иностранных дел США). (Кстати сказать, именно ее комнату я занимал, поскольку она в это время

находилась в «командировке» в Пентагоне.) Затем мы часто встречались на различных конференциях, в том числе и в самой Корее. Этот мой приезд в Южную Корею был то ли четвертый, то ли пятый. Между прочим, один из приездов был необычайно странный. Меня пригласили на конференцию. Я прилетел (тогда я работал во Владивостоке). Только в Сеуле мне сообщили, что конференция переносится на пару месяцев, но мне не успели об этом сообщить. И я остался как бы бесхозный, т. е., мягко говоря, без денег на пропитание, хотя гостиница в Сеуле была оплачена. В те времена (1992 г.) в Сеул летал самолет, по-моему, из Хабаровска один раз в неделю. Короче, я без денег. Тогда карточек у меня никаких не было. Были какие-то гроши. Не очень понимая, что мне делать в такой ситуации, я пошел побродить по улицам. Случайно вижу название какой-то газеты. Думаю: дай-ка зайду. Тогда Южная Корея очень интересовалась российским Дальним Востоком. Захожу, требую главного редактора. Озадаченная секретарша ведет меня к нему. Тот тоже несколько растерян. Я ему предлагаю взять у меня интервью по Дальнему Востоку. Он поначалу как бы удивился, но и обрадовался. И взял у меня это интервью, которое вышло через день 25 февраля 1992 г. в газете «Мунхва ильбо». Разговаривали мы с ним часа два (на английском), интервью же получилось на одну шестую страницы. Но самое главное другое: они мне заплатили приличную сумму денег (конкретную сумму уже не помню), которой мне вполне хватило для безбедного существования в течение недели. Самое смешное: от имени этой газеты ко мне в номер пришел портной, показал альбом с костюмами, я что-то выбрал, он снял мерки и через день мне принесли костюм. Который, правда, жена мне запрещает одевать. Хотя он мне очень нравится. До сих пор этот костюм висит у меня как свидетельство моей расторопности. Вот такой был случай.

Итак, шофер привез меня в гостиницу The Westin Chosen. Это в самом центре Сеула. Не знаю, сколько звездочная, мне она показалась пяти, хотя кто-то мне сказал, что в Сеуле нет пятизвездочных гостиниц. В любом случае цены не ниже, чем в пятизвездочных. стакан апельсинового сока там стоил 13 долл., а пиво почему-то дешевле — всего 9 долл. (335 гр.). Это в ресторане. Но я, оказывается, зря его пил в ресторане, поскольку у меня на этаже (17-м) был бу-

фет, где это же самое пиво в определенные часы «давали» бесплатно, т. е. оно уже было «инклюдид» (включено). Но об этом я узнал в последний день. В любом случае большой разницы с предыдущими гостиницами я не нашел. Туалет только не такой автоматизированный, как в Японии.

В Сеуле я также не обнаружил больших перемен. Современный город, хотя в нем сохранилось больше корейского, чем японского в Токио. Погода была отвратная: холодная, даже еще с ветром. На следующий день приятель прислал машину, и от шофера я услышал, что сегодня мы встретиться не сможем из-за неожиданно свалившихся на него мероприятий. (Как потом выяснилось, он был вовлечен в выборы нового президента страны.) Но я могу воспользоваться его машиной для шопинга и езды, куда захочу. Я отправил шофера подальше, про себя сильно обидевшись на невнимание зятя. В принципе именно по его инициативе я и заехал в Сеул. Накануне он мне писал: раз ты будешь в Токио или Пекине, почему бы не заглянуть ко мне, в Сеул. Я и попросил Жору организовать этот «заскок», что Жора и сделал. Я «заскочил», а он на мероприятиях. Такие варианты «общения» у меня случались только с русскими. А тут кореец, который обычно никогда не подводил. Поскольку «шопинг», т. е. болтание по магазинам, — это не моя сфера, я решил убить время посещением Музея искусств, на который мне, конечно, было наплевать, если бы не просьба Анны Михайловны посмотреть корейскую живопись. Пошел. Нашел неожиданности. В Музее была выставка опять же современных французских художников-модернистов, то есть психбольных, которых я пробежал за пять минут. Но в другом зале была выставка какого-то знаменитого корейского то ли художника, то ли художницы с фамилией Чанг. Отличить не смог, несмотря на фотографию. Главное — родился/лась в 1926 г. То есть не из молодняка. Но оказался/лась модернистом. «Картины» — белое полотно, а по горизонтали как бы вырваны клочья бумаги; другая — такая же, но клочья вырваны по краям; третья — «сюжет» тот же, но уже не с вырванными клочьями, а с мокрыми пятнами по всей картине. Естественно, все они названы *Untitled* (Без названия). У меня на такую «картину» ушло бы минут 15. У него/нее, думаю, значительно меньше, поскольку опыт и практика. Вот так делаются шедевры. Очень любопытно

было наблюдать реакцию зрителей. Сначала они уставливаются в «картину». Первая стадия — сосредоточенное выражение лица. Как бы пытаются понять смысл этих клочков. Вторая стадия — это когда зритель уже пытается сделать вывод, кто из них чокнутый: он или автор. Лицо все еще напряженное. Затем оно расплывается в улыбке: вывод сделан — все-таки чокнутый автор. Завершение третьей стадии.

Нынешний Запад очень старается загнать Восток в *Западню*, по крайней мере, в сфере, так сказать, искусства. И в какой-то степени ему это удастся. Небольшая часть художников Востока действительно усваивает его маразм, копируя и повторяя у себя на родине. Удивительное свойство маразма: напоминает вирус, легко проникает повсюду. Кстати, аналогичное искусство я видел в Японии и даже в Китае.

На следующий день, наконец-то, объявился друг. Привез меня в Сеульский национальный университет, где он работает профессором на факультете общественной администрации (а до этого был проректором университета, но добровольно ушел с этой бюрократической должности). В соответствии с нашей договоренностью я должен был провести семинар перед его студентами и аспирантами по теме: место и роль России в мире. Правда, я собирался упор делать не на России, а на теории международных отношений, точнее, на нескольких законах, выведенных мной лет 10 назад. Дело в том, что теорию мало кто знает даже из преподавателей, а мои законы тем более. Поэтому все работы по международным отношениям напоминают болтовню обо всем, т. е. ни о чем. Другими словами, чисто журналистский вариант видения, самый примитивный, какой только может быть. Для моих слушателей сказанное мной тоже было новостью, но вопросы задавали все-таки по России (здесь они хоть что-то слышали и имели «мнение»). Мои ответы их поразили, поскольку в их идеологизированные мозги, совершенно испорченные пропагандой, не укладывались элементарные факты, например, об исходе ученых из России, о том, что Россия по главному индикатору прогресса — средняя продолжительность жизни — занимает 118 место в мире (сами корейцы занимают по этому показателю 38 место). Для них было новостью, что ежегодно население России уменьшается по официальной статистике на 700 тыс. человек, по неофициальной — более миллиона человек. Что в России увеличи-

вается разрыв между богатыми и бедными и поэтому показатели роста ВВП не имеют никакого позитивного отношения к среднему состоянию россиян. Их поразило то, что моя зарплата как доктора наук и главного научного сотрудника на протяжении 10 лет не превышала сумму в 3000 руб. (т. е. меньше 100 амер. долл. в месяц), а моя нынешняя пенсия в Москве — 2 433 руб., в то время как за квартиру надо платить почти 3 тыс. руб. Их незнание меня не удивило, т. к. аналогичное незнание я встречаю не только на Востоке, но и на Западе, и даже в самой России среди прорежимной публики.

В конце встречи я подарил им свою книгу «21 век: мир без России» на английском языке, а одной аспирантке из Гонконга — эту же книгу на китайском языке, благо она на китайский была также переведена.

Вечером друг пригласил меня в ресторан поужинать с его друзьями. Поужинав и хорошо поев, мы затем отправились в какой-то привилегированный клуб — уже чтобы выпить.

Там я собирался поговорить о некоторых серьезных вещах, но не тут-то было. К каждому из нас приставили по «девочке», функция которой заключалась в том, чтобы наливать напитки и включать зажигалки тому, кто курит. Моя «девушка» ни на каких языках, кроме своего корейского, не изъяснялась, и наши отношения свелись к одному слову, которое я произносил после выполнения ее функций, точнее, одной функции — налить пиво, я говорил: камса мидаа (спасибо). И она что-то мне в ответ, подозреваю — пожалуйста.

Кстати, о женщинах. Следует особо отметить, что в Корее могут быть разные женщины, но и очень-очень красивые. Обслуживающий нас персонал, включая хозяйку клуба, был из этой категории. Высокие, статные девицы, с красивыми чертами лица, черными глазами и белой кожей — просто писанные красавицы. В одном месте и в таком количестве я встречал аналогичных только в Астрахани. Как сказал мой приятель, они еще и очень дорогие. Только их «обслуживание» ему обошлось в 350 долл. Конечно, по масштабам русских богачей это мелочь, но для корейского мультимиллионера это кажется дорогим. Корейские мужчины гордятся своими женщинами, противопоставляя их японкам. На лицо, дескать, японки могут быть и милашками, но... ноги, тут корейцы начинают изгаляться вовсю. Вообще они очень любят разговоры на тему о

том, как они не только выжили, но и процветают в тисках между двумя мощными нациями — Китаем и Японией. Последнюю они особенно не любят, видимо, потому, что впечатления от оккупации самураями Кореи в первой половине XX в. более свежи, чем аналогичные оккупации китайцев в значительно более ранние времена. Если вы хотите сделать приятное корейцу, скажите какую-нибудь пакость про японцев. Они тут же добавляют много своих. Их даже обрадует и такая фраза: век не видать Японии «северных территорий». Они вас очень в этом поддержат, поскольку Япония не отдает им захваченные когда-то их собственные территории (несколько островов под названием Токто).

В целом мой приятель в этот день себя реабилитировал. И я жалею, что «заскочил» к нему.

Кстати, улетал я из сеульского аэропорта, который по международным стандартам занимает первое место в мире. Я это почувствовал, летя компанией Корея эйер. 12 часов до Парижа пролетели как одно мгновение (так были взяты билеты). Затем 6 часов ожидания московского рейса в аэропорту Шарль де Голь, в котором, надо сказать, просто ужасный лаундж (это места для пассажиров бизнес и 1-го класса), а затем еще около 4 часов — родная Москва, как всегда, встретившая меня скверной погодой, а самое главное — навязчивыми таксистами — первый признак страны Третьего мира.

И я тут же опять захотел на Дальний Восток — в Токио, Пекин и Сеул.

P. S. Подарок Жоры я, конечно, оценил. Огромное ему спасибо. Но главным подарком его была не поездка, а тирада в отношении нашего брюзжания. И я начинаю очень серьезно думать об ответном подарке.

8 мая 2007 г.

Отдых в КлубМэдах, или паразитизация среднего класса

После Теркса и Кэйкоса некоторое время мы с женой стали отдыхать в системе КлубМэда, так сказать, домов отдыха, напоминающих советские пионерские лагеря, только для взрослых. Преимущество этого типа отдыха от индивидуального заключается в том, что не надо ни о чем думать: ни о еде, ни о жилье, ни о приезде—отъезде. Все заранее оплачено и организовано на самом высшем уровне, что немножко удивительно. Поскольку организаторами являются французы — народ, не признающий «орднунга» (порядка).

Мы были в шести КлубМэдах, каждый из которых имеет специфику. Например, Cancun (Mexico) — крокодила Альберта, Напития (Италия) — эвкалиптовая роща, Turks & Caicos Islands (заморская территория Англии) — ужасная пиноколада, Каравелла (Гваделупа, заморская территория Франции) — отличный пляж и песок, Пунта Кана (Доминиканская Республика) — уже не помню, Альбион (Маврикия) — какая-то необычная еда.

Меня же тянуло в эти клубы главным образом ради возможности пообщаться с народом разных стран и континентов. Оказалось не все так просто.

Для примера привожу первый «заезд». Остальные очень похожи.

Итак, начали мы с КлубМэда в Канкуне, что в Мексике на полуострове Юкатан, куда 60 или 70 миллионов лет назад упал метеорит, с которого, дескать, и началось похолодание, приведшее к вымиранию динозавров.

Решили лететь под Новый год, чтобы в Новый год искупаться в океане. 30 декабря 2003 г. В то время мы еще жили в Англии (под Оксфордом). Раннее утро в Хортоне-кум-Стадли. Ждем такси. Приезжает и довозит нас до Хитроу за 60 фунтов. В аэропорту полная неразбериха.

Мне, как советскому человеку, прокливавшему всяческие очереди и толпы народа в аэропортах, казалось, что на Западе всего этого бардака нет. И действительно, иногда в аэропортах все чинно, без очередей и нервотрепок. Правда, «иногда» так бывало и в Советском Союзе. Чаше же все наоборот. Тогдашний же хаос в Хитроу был вызван усилением осмотра пассажиров, которое ввели после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Представители Американ эйрлайнс (АА) вежливостью себя не обременяли и обслуживали пассажиров в лучших традициях советского сервиса в аэропортах. Все происходило в какой-то нервной спешке, с почти раздеванием пассажиров. В Майями, место пересадки, столпотворение было еще более грандиозным. Несмотря на повышенную безопасность, так называемую «секьюрити», на самом деле все это было халтурой и при желании можно было провезти все что угодно. Уже другой самолет на Канкун, судя по всему, не имел отношение к компании АА и напоминал нам родной ИЛ-14 1950-х гг. Сервиса никакого. Ну ладно, долетели до Канкуна. (Между прочим, когда через четыре года мы летели в тот же Канкун (но не в КлубМэд) через Атланту, бардак с «секьюрити» еще более усилился.)

Поскольку это была наша первая поездка по классу КлубМэд, то мы по приезде в аэропорт взяли такси и за 18 амер. долл. доехали до лагеря. Как там выяснилось, нас ожидал клубмэдовский автобус, который и должен был нас довести бесплатно.

В лагере нам предоставили приличный номер, и мы начали «отдыхать». Это означало непрерывную едальню (рестораны) и питье в баре (жена свою пиноколаду, я свое пиво). Между этими важными процессами купанье и загоранье. Хозяева ублажали нас аттракционами, т. е. делали нам постоянно «интертэймент». Эти

спектакли происходили как на подмостках бара, так и в театре с участием служащих лагеря.

Служащие КлубМэда называются G.O., что переводится как умелые организаторы (У.О.), которые были действительно мастера на все руки и ноги: умели петь, танцевать и говорить на трех языках (английском, французском и испанском). В этом мы убедились в ходе празднования Нового года. После предновогоднего ужина был организован профессиональный концерт, участниками которого как раз и были эти самые У.О. Ведущий представлял выступающих на трех языках, и они профессионально отработывали свои номера. Правда, следует подчеркнуть, что Канкун по качеству увеселения превосходит все остальные КлубМэды, посещенные нами. «Интертэйменты» в них напоминают концерты в клубах самодеятельности уровня какой-нибудь деревни Пережопино (есть такая в России), только усиленные пошлостью и «сексапильностью». Так, в Маврикии выступление главного организатора заключалось в стягивание с себя штук десяти плавок, на каждой из которых была наклеены муляжи «мужского достоинства», что, как ни странно, вызывало бурный восторг у публики. Вообще, я заметил, что чем пошлее выступление, т. е. с различными сексоимитациями, тем бурнее прием.

Что же это за публика?

Как я уже сказал выше, на КлубМэды я «клонул» из-за желания пообщаться с народом. В моем представлении, заложенном еще в советские времена, в таких лагерях быстро приобретаешь множество знакомых, с которыми ты обсуждаешь все мировые проблемы, потягивая пиво или вино. Помню аналогичный отдых в молодежных интернациональных лагерях в Гянджликке и в Геленджикке, когда через день-другой ты знаешь всех и тебя знают все.

В КлубМэдах все оказалось не так. Народу действительно много, но он не растворяется в массе, а сохраняет свою «фрагментарность». То есть приехавшие пары, одиночки или группы друзей «тусуются» между собой, не сливаясь с другими парами или группами. Правда, за столом во время еды они обмениваются некоторой информацией ради вежливости типа: когда приехали, насколько и откуда, и как вам здесь? Это из серии разговоров *howdoingguesttalk*. На этом все ограничивается. Это касается семейных или бойфренд-

ских пар. Молодежь, если приехала в одиночку, конечно же, «подцепляет» друг друга, но ее в таких КлубМэдах не так много. Контигент в основном состоит из среднего возраста, т. е. парносемейных, хотя попадаются и древние старушки, отплясывающие очередной модный танец в толпе. Каждая такая пара обычно сидит в баре, потягивая кофе, пиво или коктейль, тупо уставившись в безвоздушное пространство. Напоминает парижские кафе, где публика нередко в одиночку может целый день сидеть со стаканом воды, глаза на улицу. Такая у них культура-мультиур.

Поначалу я эту закономерность не усмотрел и по русской привычке сразу же шел «на контакт». После обычных вопросов «откуда и как» я «углублял» тему, спрашивая, как у вас там работает капитализм, как себя чувствуют бедные и богатые, не созрела ли революционная ситуация? Собеседники, не готовые к такому повороту, немножко обалдевали, а затем что-то мямлили в том смысле, что все у них нормально, и, слава богу, революциями не пахнет.

Но чаще они сами, не ведая последствий, провоцировали меня на социальные темы. Дело в том, что моя жена, стесняясь своего английского акцента, почему-то сразу сообщала, что мы москвичи, т. е. русские. На самом деле мы канадцы, жившие в Англии, а ныне во Франции. И английский наш не хуже среднего канадца, имея в виду, что чуть ли не одна треть из них говорит с каким-нибудь акцентом, поскольку Канада — эта страна эмигрантов. Но «честность» жены по поводу нашей русскости приводила к тому, что собеседники, желая нам потрафить, поздравляли нас с «коллапсом коммунизма» в России и выражали надежду, что теперь Россия начала процветать. Мне, естественно, в ответ приходилось открывать им глаза на нынешнее «процветание», от чего они приходили в ужас. Такой информации они не слышали. Начинали дико удивляться, а затем утешать нас в том смысле, что, мол, ничего, это временные трудности, так сказать, «переходный период» и процветание у России впереди. Я им в ответ, что этот «переходный период» длится уже около тысячи лет. Единственный приличный период — это был период существования Советского Союза. Тут они приходили в ужас, рассказывая нам, что в те времена был тоталитаризм, никакой демократии и все голодали. Спрашиваю, что они читали о Советском Союзе? Читать ничего не читали, но все так счи-

тают. Мне приходится рассказывать, что было на самом деле. Они еще в большем удивлении. Затем говорю, что как раз при капитализме в России стало все плохо, по крайней мере, для большинства населения. Им поневоле приходится защищать капитализм, в котором они тоже мало что понимают. После таких разговоров собеседники обычно старались нас избегать. Зато другие, новички, попадались на ту же удочку. И все повторялось.

Через какое-то время я решил избегать разговоров о России, переключившись на их собственные страны. Удивительно, но и о своих странах они тоже мало что знают. У многих я спрашивал, кто у них самый популярный философ, писатель, поэт, и практически никто ничего путного мне не сказал. Разговор об экономике и социальных проблемах (обычно об этом спрашивала жена) сводился к эмоциональным ответам типа: о, хорошо, о, плохо. Причем все эти «хорошо—плохо» основаны на личном опыте, т. к. книг они не читают, а в газетах только рекламу, про спорт и певцов—артистов. Кто же это они?

Из шестиразового опыта общения с людьми КлубМэда я понял, что они — это и есть средний класс развитых капиталистических стран, состоящий в основном из людей третичного сектора экономики (госслужащие, работники банков среднего уровня, мелкие и средние торговцы, учителя школ). Это та самая опора капитализма, которой гордятся его идеологи. Ее главная отличительная черта — не мыслить, не задумываться. Такой классический вариант филистеров, которых в России я называю обывателями. Они специалисты в своих областях (обычно в тех, где не надо особого ума, т. к. работа строится на примитивных алгоритмах), зарабатывающие на статус среднего класса. В большинстве своем они социально пассивны, главное жизненное кредо — наварить «бабки» и использовать их на удовольствие (отдых и развлечения). То есть смысл жизни — поесть, посмотреть и отдохнуть. Книг читать не надо. Идеологически очень благонадежны. Антисоветизм записан на подкорку. Мозги вправлены как полагается.

Нынешний средний класс довольно быстрыми темпами (по историческим меркам) превращается в паразитирующий класс. Конечно же, в этом классе тоже есть градации, свои страты. Вни-

зу — абсолютная безмозглость. В качестве примеров привожу три эпизода, которые мог бы подтвердить статистикой, если бы писал научную статью.

В Гонолулу к нам подсел паренек-француз, недавно начавший работать в системе КлубМэда. Кстати, «подсадка» — это тоже работа: выясняется, как ощущает себя клиент, что ему нравится, что не нравится и т. д. Этот паренек отвечал за спорт и уговаривал нас на какой-то из водных видов. Каким-то образом речь зашла об Израиле. Вернее, я его почему-то спросил об Израиле. Он в ответ, а что это такое? Отвечаю, что это такое государство, где, между прочим, по легенде родился Иисус Христос. И тут он меня начал убивать: а кто такой Христос? — спрашивает. Я подумал, что он шутит, все-таки из католической Франции. Но он не отступал, требуя объяснить, кто такой Христос. Я, совершенно пораженный, спрашиваю его, знает ли он про религию христианства. Он в ответ: нет, не знает. А твои родители? Они не религиозны. Но соседи? Понятия не имею, — отвечает. Начинает как бы обижаться и напоминает нам, что он «отвечает» за спорт. Вообще, откуда ты родом? — Из Британии. Из какой-то типа деревушки-поселка. Правда, оказалось, что он не знает и про Пиаф, и про Матье. Но назвал какую-то музыкальную группу, которую не знали мы.

Мне могли бы не поверить, но при этом разговоре присутствовала моя жена, точнее, она также участвовала в этом разговоре. А она никогда никого не обманывает и мне не дает никогда соврать. Она свидетель.

Вот другой случай. Это уже в Доминиканской Республике, в КлубМэде Пунта Канна. Тоже работник клуба, подсаживается к нам с той же миссией: узнать, что да как. Чтобы поддержать разговор, спрашиваю его, как было во времена диктатора Рафаэля Трухильо, небось, как при Франке в Испании или Муссолини в Италии? Он: а кто это такие. Говорю — фашисты. Он: первый раз слышу. Оказалось, что он ничего не слышал ни про Гитлера, ни про Сталина, ни про Вторую мировую войну. Спрашиваю: а какое у тебя образование. С удивлением узнаем, что он окончил университет в Сантьяго (есть и такой город в Доминиканской Республике, около миллиона человек населения), иностранный факультет (изучал языки). Исто-

рию же ему преподавали только в школе, но историю только Доминиканской Республики. А дальше работа, как бы не до чтения. Моим же «глубоким» познаниям он очень удивился и пригласил преподавать у них в республике.

Третий эпизод хотя и не связан с КлубМэдом, но тоже с Канкуном, с одной из гостиниц (Эль-Сид). Официант, мексиканец, учуяв, что мы не американцы (мы говорили на русском), спрашивает: откуда мы? Говорим: из Парижа. Обычно после этого следуют восклицания: «Как, вы из Парижа! Один раз там был/была, очень красивый город». Наш же мексиканец молчит. Спрашиваем: Вы что-нибудь слышали про Париж? Он качает головой. А о Франции? Есть такая страна в Европе. Оказалось, тоже не слышал. «Ну и, слава богу, — подумал я. — А то французы думают, что они пуп земли».

В этом ничего особенного. Когда в Канкуне мы с женой, пытаюсь найти какую-то улицу, показывали прохожим карту города, они не знали, что с ней делать. Было такое впечатление, что они видели карту вообще в первый раз. (Между прочим, с аналогичной ситуацией я как-то столкнулся в Лиссабоне, когда полицейский не мог показать на карте улицу, на которой мы стояли¹.)

Хочу верить, что эти эпизоды не уникальны. Таких неграмотных среди среднего класса сколько угодно. Капитализм с блеском сумел взрастить обширный слой населения, превратив его в безмозглое стадо. То, что надо, т. к. стадо не требует перемен и не делает революций. Это даже очень хорошо. Что плохо? Стадо расширяется за счет других слоев населения (в частности, за счет высокооплачиваемых рабочих), и может наступить момент, когда все население превратится в стадо. Такое случилось, например, в пору заката Римской империи и среди некоторых цивилизаций доколумбовской Америки. Стада вымерли. Ясно, что в современную эпоху этот процесс не столь прямолинеен, он встроен в другие, нередко противоположные процессы. Но, тем не менее, опора капитализма загнивает на глазах. Особенно это заметно во время массового танцевального экстаза, когда безмозглая толпа повторяет движения ведущих, напоминающие тряску паралитиков в сумасшедших домах.

¹ Нынешняя образовательная реформа в России, судя по всему, нацелена на превращение русских в таких «грамотеев», о которых я пишу.

Как верно заметил кто-то из русских, без СССР Запад «оскотился». А впрочем, если не задумываться, то жить можно, в смысле... существовать.

* * *

Чуть было не забыл. После Канкуна мы с женой на три дня «заскочили» в Нью-Йорк, который нас встретил жутко холодной погодой, которую не растопила даже пятизвездочная гостиница Плаза (The Plaza), что расположена в Манхэттене напротив парка с южной стороны. Чтобы согреться, мы решили посетить Метрополитен (Музей искусств). В одном из залов я наткнулся на «художников» под фамилиями Дональд Джад (Donald Judd), Клиффорд Стил (Clifford Steel, 1904–1980), «картины» которых состояли из черно-красной мази, а также цвета детских фекалий. В таком же ключе были представлены творения некой Аллы Либерман, рожденной в России. Ну и, конечно, еще один выходец из России — Марк Ротко, мазию которого на своей открытке я показываю знакомым с предложением угадать, что на ней нарисовано.

Вообще у паразитов среднего класса есть и представители искусства. Единственно, чего не могу понять, кто у них кого представляет: «они» отражают их «искусство», или «искусство» (цвета фекалий) отражает их?

8 мая 2007 г.

Россия

Нижеприведенные статьи о России — это не столько заметки путешественника, сколько рассуждения публициста о жизни россиян. Если в предыдущих главах говорилось о том, как живут люди в других странах в настоящее время, то почему бы не предложить то же самое про россиян? Тем более, что я хочу рассказать о стране, которую я изъездил вдоль и поперек как в советские годы, так и в годы разрушительных реформ. Эти статьи, ранее опубликованные в различных газетах и у меня на сайте под моей канадской фамилией (Алекс Бэттлер), вызвали острую реакцию читателей, которые разделились на две группы. Одни (их большинство) полностью согласились с моими оценками нынешней ситуации в стране, другие — категорически и с негодованием их отвергли. Причем последние обвинили меня в том, что я, будучи иностранцем, не знаю России, ее культуру и историю и рассуждаю о ней с враждебных, западных позиций. Они правы в том смысле, что я действительно эти статьи писал с позиции западного человека, совершенно ошарашенного тем, что увидел и вижу на обломках бывшей сверхдержавы. Мне казалось и кажется сейчас, что такой взгляд со стороны на некогда великую Россию обнажает многие вещи, которые сами русские не замечают. Или если и замечают, то принимают их как должное. В любом случае, рискуя увеличить количество своих недоброжелателей, я решил поместить эти статьи в заключительную часть книги, чтобы российские читатели имели еще раз возможность посмотреть на себя глазами «иностранца». Иногда это полезно.

Русские! Небеса зовут!

Я, русский по рождению и культуре, являюсь гражданином Канады. Естественно, все, что происходит в России, у меня вызывает самый жгучий интерес. Понять то, что творится в России, невозможно (как по Тютчеву), по крайней мере, со стороны, из-за рубежа. Несмотря на обилие информации, суть происходящего — «тайна», поскольку одно и то же явление описывается с точностью от «да» до «нет». Находясь там, за океаном, можно понять только одно: «русские» (читай: россияне) — это уникальное явление в мировой истории, абсолютно не похожее ни на один народ, ни на одну цивилизацию в мире. Ни на Западе, ни на Востоке. Набившая оскомину «загадочная русская душа» — это просто иррациональность русских в поведении, в государственном устройстве, в способе общения и ведения дел. Если любой логично мыслящий человек под процессом движения вперед понимает улучшение жизни или увеличение капитала, то россияне под этим же подразумевают что-то совсем другое.

Действительно, в истории не было еще такого: страна за 70 с небольшим лет превращается в одну из величайших держав мира, выигрывает почти в одиночку Вторую мировую войну, первая осваивает космос, а затем за несколько лет «реформ» теряет половину своего промышленного потенциала, по ВВП скатывается ниже уровня Южной Кореи, а продолжительность жизни своих мужчин доводит до 57–58 лет, т. е. до уровня самых бедных африканцев. И все это в мирное время!

Не было в мире и такого прецедента: в течение целого тысячелетия страна «собирала» земли и стала самой крупной империей за всю историю человечества. А затем в ходе рыночных реформ растеряла эти самые земли, вернувшись фактически к началу XVII в. Есть, чему потрясаться.

Еще такие «мелочи»: мы в Канаде и США бьемся за бесплатное образование, медицину, увеличение социальных благ и уменьшение квартплаты, а русские, имевшие все это, наоборот, восстанавливают платность по всем позициям. Умом такие штуки действительно не понять.

Русские постоянно хвастаются, что на их территории сосредоточено больше половины мировых природных богатств (полезные ископаемые, нефть, лес и пр.), и одновременно больше половины населения проживает в бедности и голоде. Как это возможно?

Самое же уникальное заключается в том, что страна катится в пропасть, а власти выражают «удовлетворение» ходом реформ. Государство превратилось во второразрядную державу, народ вымирает, а Москва продолжает толковать о том, что Россия-де — великая держава. Более того, ура-патриоты вещают даже, что российская цивилизация спасет мир! Такой шизофрении я не встречал даже среди американских шовинистов.

Поскольку со стороны все это понять действительно невозможно, я решил вернуться на свою родину, чтобы выяснить, что же произошло с моими соотечественниками и моей страной, гражданином которой я так же продолжаю оставаться.

Вот уже почти два года я на своей родине. Поездил, посмотрел, поговорил, почитал. Кое-что становится понятным. СССР превратился в Россию, в которой воссоздана форма и структура государственно-монополистического капитализма начала XX в. Так сказать, русский вариант, ничего не имеющий общего с нынешним капитализмом Запада. Народ в провинциях по своему устроению сохранил общинно-социалистическую психологию, не подозревая, что живет уже при другом общественном строе. Москва (москвичи) и власть пытаются вдохнуть в капиталистическую форму западно-капиталистическое содержание. Затея, обреченная на провал. Столыпин с Витте уже пытались это сделать. Окончилось Октябрем. Но «попытка не пытка», — говорил Сталин, обращаясь к Лаврентию Берия. Некоторые впечатления от этой «попытки-пытки» я хочу воспроизвести.

Первое впечатление — телевидение. По форме почти все программы подделаны под американские, только в чудовищно непрофессиональном варианте. Дикторы не информируют, а кого-то наставляют и с кем-то борются или кокетничают. Русская речь перемешалась с английскими словами, все вкуче напоминающий сленг наших иммигрантов с Брайтон-бич в Нью-Йорке. Некоторые дикторы, например, Киселев на НТВ, почему-то говорят с многозначительной интонацией вразтяжку, что характерно для дикторов-

иммигрантов радио «Свобода». А поучительный тон информаторов делает их профессорами всяческих наук, что выглядит очень глупо.

Что касается «шоу», то тут только за единичным исключением просто стыдно смотреть. Концерты популярной музыки я бы сравнил с выступлением ряженных в концерте художественной самодеятельности имени Аллы. Все это сделано с вульгарным вкусом, напором и вызывающим отстаиванием оного. Невозможно, к примеру, сравнить естественный пульс выступления Тины Тернер или нашей канадки Селин Дион — это их суть, они не изображают этот пульс, а имеют его. Я услышал классическую ремарку в «Рождественских встречах» Пугачевой, обращенную к участнице прямо на сцене, когда все, казалось, крутилось и вертелось: «что ты грустишь, веселее, веселее». Вот вам и ряженные.

Конечно же, есть на российском телевидении и исключения, но в целом — безбожная халтура.

Теперь о науке. Все твердят о том, что наука в загоне, а американцы-де скупают наши «мозги». Действительно, походив по некоторым институтам и наплодившимся «университетам», обнаруживаю полнейший развал известных мне научных центров, в частности ИМЭМО и ИДВ. Площади сдаются под офисы, наиболее толковый молодежь укатил: кто на Запад, кто на Восток, кто в бизнес. Остались «старая гвардия» лет под 70 (все равно уже никуда не берут) и «ученые» с потенциалом в лучшем случае одна-две научные справки в год, а некоторые обходятся и без этого. В одном из институтов (ИДВ) решил предложить свои «мозги». Не взяли. Зато директор взял человека, лет 10 писавшего кандидатскую диссертацию и не опубликовавшего ни одной статьи в течение своей научной карьеры. По-человечески это понятно, всем нужно жить и где-то получать зарплату. Но это и есть развал в науке, когда чисто «человеческие отношения» выдавливают научные.

Все это лишь означает, что на самом деле наука (в данном конкретном случае я имею в виду общественно-политические науки) никого не волнует. Волнует какой-либо грант или любая халява, связанная с заграницей.

О бизнесе. Зная мою канадскую подноготную, несколько бизнесменов начали было меня обхаживать, предлагая массу идей, как «наварить бабки». Много разговоров без конкретики, без первона-

чальных вложений, без изучения спроса и т. д. Тем не менее, когда я проработал свою часть условного договора, через некоторое время обнаруживаю, что у «партнеров» и кот не валялся, и вообще «бизнесмен» уже передумал и у него уже другие «идеи». Вспоминаю поговорку: с москалями дружи, а камень за пазухой держи. Потрясающая необязательность. Хотя удивляться этому бессмысленно, поскольку власть ведет себя точно так же.

Какая-то дикость с иностранными инвестициями. Все их ждут, как манну небесную. Уверяют, что это очень необходимо, а то кто-то там опоздает «на поезд». «Диспетчеры», видимо, не в своем уме. «Поездов»-то в мире — миллионы. А если западных инвестиций не будет, или так, накапает с гулькин нос, так что, российской экономике совсем хана? Что, русские сами не в состоянии поднять экономику? Неужели не понимают, что Запад никому просто так не помогает. Когда он и вкладывает свои денежки во что-то, он делает свои дела, делает свой профит. На экономику России ему просто наплевать.

Новое явление в России — в моду пошло православие. Запахло средневековым мракобесием. Для власти это даже очень хорошо, поскольку религия обеспечивает покорный и терпеливый «электорат». Еще русский дипломат Федор Карпов, живший на рубеже XV–XVI вв., писал о том, что христианская религия обессилила мир и «передала его в жертву мерзавцам. Когда люди ради рая предпочитают переносить всяческие обиды, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще».

На Западе тоже немало верующих, хотя их количество неуклонно уменьшается. Но главное: там вера — это интимное дело каждого, там даже не принято спрашивать, верующий ты или нет. Здесь же — вера напоказ. А значит, она не истинна. Кроме того, в чем я мог убедиться множество раз, православные просто не знают библии: ни Ветхого, ни Нового Заветов, не знают и всех заповедей бога, одна из которых гласит: не поминай бога всеу.

В свое время я испытал шок от безграмотности канадцев и вообще североамериканцев. Они не только в массе своей не знают, что происходит в мире, не знают они и своей литературы и истории. Обычно в этой связи я приводил в пример образованность советских граждан. Прошли те времена.

Ныне меня потрясают мои соотечественники. Перед 9 Мая журналисты поспрашивали ребят школьного возраста о Второй мировой войне. Никто толком не мог объяснить, кто с кем воевал (это показали по телевидению). И это не эпизод. В Твери журналист просит молодую, на вид интеллигентную пару назвать имя писателя, который был вице-губернатором этого города и написал повесть о нем. Пара не смогла ответить на этот вопрос. В одном университете, где я преподавал некоторое время, мои студенты не могли мне сказать, когда образовалась Россия, какова численность населения нынешней России (разброс в ответах такой: от 10 млн до 1 млрд человек). Не смогли они вспомнить ни советских, ни нынешних российских писателей. Связано это с резким понижением уровня образования в школе (нехватка учителей, свертывание целых предметов). Происходит ускоренный откат к началу XX в., когда процентов 90 населения не могли ни читать, ни писать. И эти студенты — человеческая база тех, кто намеревается спасти мир? Чудовищно.

В какой стране второй раз может выиграть президентские выборы человек, доведший свою страну в буквальном смысле «до ручки»? Что это за великий русский народ, готовый подставлять выю под топор лжецов, тиранов и политических пигмеев? Только в России, видимо, возможно не платить месяцами зарплату, а в ответ — ожидания, самоубийства и вымирание. Демократы говорят, что советская власть превратила русский народ в покорное стадо. В какой-то степени имело место, но только в какой-то. Вот что писал в своем «Временнике» Иван Тимофеев, живший в Смутное время в начале XVII в. «За какие грехи, — спрашивал он, — не бессловесного ли ради молчания наказана земля наша, славе которой многие славные завидовали? ...Бог карает людей, когда народ не находит мужества прекратить злодейство». Уже в те времена Тимофеев обрушивался на «молчаливое большинство», переносившее беззаконие, «как бы ничего не зная, покрывшись бессловесным молчанием, и как немые смотрели на все случившиеся».

Ничего не изменилось с тех времен. Недавно один очень хороший белорусский певец из группы «Сябры» пел песню (показывали по телевизору), припев которой подхватил в упоенье зал. Припев такой: «переживем печали, горести, разлуку, переживем, переживем». Американец и вообще западный человек поет: “We shall

overcome, we shall overcome” («Мы преодолеем, мы переборем»).
Чувствуете разницу?

И власть на всю катушку использует это «переживем». «Переживут» и официальные оппоненты этой власти, благо харчи в Думе ничуть не хуже, чем в цековские времена. Власть на Руси почти всегда действовала по поговорке: стыд под каблук, а совесть под подошву. Она всегда была «зловластием» и самовластием.

Находясь здесь, я перестал удивляться тому, что случилось с Россией. Нечего пенять на американцев, нечего пенять на Горбачева, нечего пенять на Ельцина. Я вынужден признать: сам русский народ, его терпимость, переживаемость, православность, массовая политическая безграмотность, покорность, смиренность, дряблость воли привели к тому, что он сейчас и имеет. А имеет он сейчас безвластие, бездержавие и нищету.

И так будет продолжаться до тех пор, пока он не активизирует свои другие качества, которые все еще дремлют в его генах. Это — смелость и ярость духа, бойцовский порыв и бесстрашие, стремление к свободе и равенству, это ненависть к тиранам.

Многие западные, да и русские мыслители (Феодосий Косой, те же Карпов и Тимофеев, Радищев и Пестель, да мало ли их было) писали, что в отношении правителей, которые осуществляют над своим народом деспотическую власть, у людей остается лишь одна возможность — применить силу против несправедливой и незаконной власти. Англичанин Дж. Локк назвал это — «воззвать к небесам» (“appeal to heaven”).

Русские! Небеса зывают!

Январь 1998 г.

Гении и растыки «инкурабельной» России

У советской власти, говорят, было много недостатков. Один из них — психбольницы для диссидентов и прочих политически неблагонадежных граждан. Демократы, придя к власти, всех этих

граждан повыпускали на волю. Думаю, что совершенно зря. Такое крамольное чувство возникает тогда, когда слушаешь, а это было неоднократно, выступления самых известных и имеющих клеймо лучших из лучших российских узников совести — Новодворскую и Ковалева. Но они еще цветочки. Мне кажется, демократы выпустили не только политбольных, но и вообще всех психов. И, судя по всему, их было тьмы и тьмы.

Остро я это почувствовал, когда приехал из Канады в 1997 г. Куда бы я ни пошел, в каких бы мероприятиях ни участвовал, с кем бы я ни общался, у меня было ощущение, что общество находится в состоянии массовой шизофрении.

Вот некоторые мои наблюдения.

Гении России

Через два дня после моего приезда в Москву один мой приятель потащил меня на конференцию, посвященную внеземным цивилизациям. Какие-то доктора и академики всяческих эзотерических наук вдохновенно рассказывали о том, что там наверху кто-то летает, за нами, землянами, наблюдает и нас контролирует. Меня тоже заставили выступить. Я высказался в том смысле, что хотя во все эти чудеса не верю, но на начальной стадии развития человечества вера в богов и чудеса для дикарей была необходима как условие их выживаемости. Затем говорил о концепции Большого взрыва по Стефану Хоукингу, которая явно не ложилась в общий настрой выступавших. Тем не менее актив «зарезервировал» меня на будущее. И чтобы я понял свои заблуждения, меня пытались просветить и облагодетельствовать толстенными книгами (одна была на 960 страниц), в которых доказывается существование инопланетян. Поскольку в свое время я уже потерял кучу времени на прочтение всей этой белиберды, я отказался от всех книг, кроме одной брошюры (40 страниц), которая, как оказалась, стоит сотен томов. Она называлась «ЗА ГОРИЗОНТОМ ПОЗНАННОГО. Новая картина мира: единство микро- и макрокосмоса, разума, поля и вещества! (Вселенная — это и есть истинный бог!)» (Москва: АО СОЛИД, 1996). Автор посвящает свою работу «не только физикам, хими-

кам, астрономам, физиологам человека, логопедам, лингвистам, фонологам, философам, разработчикам и производителям систем машинных анализаторов — синтезаторов — переводчиков устной речи „речь в текст / текст в речь“, но и Лидерам Человечества, а также учащимся и студентам, и каждому здравомыслящему Гражданину Человечества, живущим в любой стране» (выделено автором. — *О. А.*). Одному из параграфов предпослано такое стихотворение:

И чувствами и разумом пытаюсь
Вселенную постигнуть до конца.
— Я Истиной научной насыщаюсь:
Увидел, что Вселенной нет конца!
Бездонна, беспредельно-необъятная,
Не считана, не меряна Вселенная!
А кванты-элементы неизменные
Строенье всей Вселенной объяснят!

(*А. К. Макеев*, 02 ч. 00 мин. 6 апреля 1996 г.)

Сам автор — академик международной академии меганаук, лаборатории «Грядущее».

Честно говоря, моих знаний не хватило, чтобы понять глубины его мыслей в этой гениальной брошюре.

После этой конференции я участвовал в десятках конференций и семинарах по различным проблематикам. Почти на каждой из них находилось не менее трех-пяти «гениев». Однажды я где-то ляпнул насчет экологии, и одна женщина, Наталья Александровна, решила, что я подхожу для их движения, которое называется — Этическое движение «РОДНАЯ ЗЕМЛЯ». Она завлекла меня на конференцию этого движения, на которой выступали вроде бы нормальные люди со всякими научными степенями и званиями. Но что они говорили... я передать не могу. Пусть за меня скажет их программа.

Цели движения: Гармония природного и социального мира. Претворение идеалов гуманизма. **Миссия движения:** Изменение сознания для перехода в альтернативную цивилизацию. **Ценности:** Мать — Земля. Жизнь. Нравственный закон. **Член движения:** Жи-

тель земли, земляк, брат. **Стратегия:** Эволюционизм. **Тактика:** Из минусов в плюсы. Становление субъекта. Профилактика проблем. **Девиз:** Светить миру! **Ожидаемый результат:** Счастливые люди на цветущей Земле.

Я, естественно, прекратил общение с этим «движением», но Наталья Александровна постоянно мне названивала, предлагая посетить очередное мероприятие. Когда я ей наконец рассказал, что ее программу зачитываю своим друзьям на вечеринках, чтобы посмеяться, она была искренне удивлена и сказала, что я окончательно испорчен Западом.

Последнее мое посещение в Москве — Международная конференция, профинансированная немцами. Тема: Проблемы глобальной и региональной безопасности. Проходила эта конференция в храме Христа Спасителя. Мне, неверующему человеку, показалось это кощунственным, поскольку слуги божьи сдавали храм в аренду. Главным участникам полагалось за выступление от организаторов, т. е. немецкой стороны, по 120 амер. долл. Получив эти 120, российские ученые обрушивались на Запад, точнее, США, за их гнусную политику на мировой арене, за бездуховность их общества и говорили, что Россия, в конце концов, покажет им всем «кузькину мать». Один генерал заявил, что Милошевичу Запад должен поставить памятник за то, что он не отдал приказа взорвать атомную электростанцию во Франции и Бундестаг в Берлине. Другой участник с очень длинным научным титулом объявил, что тема конференции слишком мелка (напомню: Проблемы глобальной и региональной безопасности), т. к. в 2002 г. Земля подвергнется атаке из космоса. Я сидел с одним немцем, который пытался у меня выяснить, действительно ли здесь собрались ученые.

Организаторам мероприятия с российской стороны, видимо, было все-таки неудобно за характер выступлений российских участников. И на банкете, который был устроен опять же за счет немцев, было сказано, чтобы гости не придавали серьезного значения выступлениям, и поэтому «лучше выпьем за дружбу между немецким и русским народом».

На этой же конференции ко мне подошел некто и сказал, что только я смогу понять его опус, который он мне и вручил. Взглянув мельком на первую страницу, я тут же понял, что передо мной оче-

редной «гений». Название опуса: Манифест — Программное заявление «О создании общественно-политического движения Интернационально-патриотический Союз „Спасение“». Одна из целей движения — создать Великую Европейско-Азиатскую державу, которая должна поначалу изменить МИРОУСТРОЙСТВО, а затем и МИРОЗДАНИЕ. В тексте есть и такие слова: «Крайне остро стоит вопрос о снижении, а в перспективе и полном устранении роли денег как основного регулятора отношений в Мире».

Через неделю он позвонил мне и спросил, готов ли я участвовать в предложенном проекте. Услышав мой отказ, он ответил, что я сильно пожалею, поскольку не смогу найти себе место в мире после реализации его проекта.

Очень часто встречаясь с подобными персонажами, я долго не мог понять, насколько искренни они в своих деяниях, или это какая-то игра, неподвластная моему сознанию. Постепенно осознал, особенно после общения с теми, кто при деньгах и власти. Последние действительно играют или, как мне сказал один кремлевский чиновник, делают деньги, пока есть момент (*carpe diem*). Те же, кто не при деньгах и не при власти — патриоты, националисты, левые, верующие, гуманисты, — действительно верят в придуманную ими ахинею. Они искренне верят, что спасут Человечество.

Вот такие мы, растыки

Я люблю ездить на поездах, поскольку это дает возможность общаться с простыми людьми, так сказать, с народом. Мой очередной вояж — город Астрахань. В купе — отец с дочкой, курсант и я. Не успели отъехать, отец предложил выпить за знакомство. Я отказываюсь и для пущей убедительности говорю, что, прожив долгое время на Западе, как-то отвык пить. На лице моего спутника застыло удивление: «Да ты что? Но мы много и не будем, самое большое по бутылке». — «Чего?» — «Водки». — «А откуда мы столько возьмем? У меня, например, ни одной нет». — «Так у меня есть», — и он достает три бутылки водки с какими-то подозрительными этикетками. У нас с курсантом округлились глаза. Но делать нечего. Ехать 32 часа. Поехали. Эх, русская душа!

После двух рюмок отец распалился и начал поливать Запад, который, по его мнению, говно. США — тоже говно, а про Канаду он не знает. Спрашиваю, почему Запад не нравится. «Так ведь он нашу страну убардачил». — «Каким образом?» — «Ну, ты темнота, через жидомасонов». По-моему, говорю, вы разрушили сами себя, и прежде всего эти тупые лидеры, за которых вы голосовали: Горбачев, Ельцин, Черномырдин. «Да они же тоже жидомасоны. Ельцин вообще не Ельцин, а Эльсон, а Попов — не Попов, а Нойман. Ты че, не знал? И Потанин тоже. Все они купленные». — «Ну, это же бред». — «Ничего не бред, нам один мужик из Москвы приезжал — рассказывал. Он всех их знает». — «Ну вы же сами их выбирали». — «Ничего мы их не выбирали. Нам сказали, попробуй, не выбери, сразу с завода вылетишь». — «А ты где работаешь?» — «В больнице, на заводе, где Потанин хозяин». — «И кем?» — «Реаниматором». Я обомлел. Интеллигент вроде бы, а несет черт-те что.

Потом он стал рассказывать, как чулканул (объегорил) всех в городе, чтобы получить хазушку (квартиру). «Ну скажи, мог бы какой-нибудь американец составить такую комбинацию, чтобы из комнаты в общежитии сделать трехкомнатную квартиру?» — с гордостью спросил он. Говорю, нет, не мог, поскольку он и без комбинации, если при работе, может себе дом купить или большую квартиру в городе. «Все равно, все говорят, что они недоумки», — заключил «отец».

Курсант же из Санкт Петербурга, очень симпатичный парень, рассказывал, как им вовремя не платят стипендии и очень часто зажимают обеды.

Тут поезд подкатил к Саратову (там стоит целый час из-за того, что начальство этой железной дороги живет в этом городе), и я вышел на вокзал купить газет, размяться и подышать. Газет московских не было, а местные уже раскупили. Случайно вижу надпись на английском: Toilet for gentlemen. Ну, думаю, сервис. Плачу 2 рубля, захожу и вижу... «очко». Не ожидал увидеть такую допотопность накануне третьего тысячелетия.

Приезжаю в Астрахань. Здесь я не был лет восемь. Жара градусов 40, пыль на зубах, вагоны (так в Астрахани называют трамваи) идут по одной колее и на разъездах ждут встречного. Я поймал себя на мысли, что нахожусь во времена гоголевских персонажей. Но в

первую же ночь время таинственно скакнуло, и я был уже на фронтах. В доме, где квартировал, я был искусан, т. е. «побит», комарами, которые обосновались в подвале дома. Мимо с грохотом проносятся товарные поезда, трамвай с визгом останавливается на остановке (дом напротив остановки). Общая атмосфера такая, будто бы идет война, а я на передовой. Спрашиваю у жильцов дома: «Вам шум не мешает?» — «Какой шум?» — «Ну, трамваи, поезда...» — «А мы их и не слышим». Тут я немножко закручинился; видно, на Западе мы действительно порчены цивилизацией. Но, с другой стороны, ведь третье тысячелетие на носу. Должны же люди как-то обустроить свое жилье. А их почему-то и комары не кусают, и не жарко при 50 градусах на солнце, и песка на зубах не чувствуют. Мне даже показалось, что, если взорвется атомная бомба, никто и не заметит. Может, мутанты, мелькнуло в голове. Но тут слышу фразу, которая проясняет дело и которой я озаглавил свое повествование: «Ну что ж поделаешь, вот такие мы растыки». Обреченные, — продолжался незримый диалог. Только что был в Европе, обсудил в Интернете важную проблему, прочитал серию статей Артура Янга, побывал в Москве на собрании безумных небогрёзов-мечтателей — целителей всего человечества, а тут комары, одна колея, жара, песок, «очко» и эти самые «растыки». Ощущение сюрреалистическое.

Решил навестить улицу Плещеева, где когда-то жил. Интересно, сохранился ли дом? Его должны были снести из-за ветхости еще в начале 1960-х гг. Сажусь в «круговой» трамвай (по-астрахански «вагон»), глазею по сторонам. Вижу магазин «Золотой шарм», рядом кафе «Урчалочка». Интересно, чем же в этом кафе кормят, чтобы оправдать название. Едем дальше. «Вагон» пробирается через бурьян высотой с метр, кое-где не высохшие болота, вокруг разрушенные дома, как после бомбардировки. Доезжаю до своего дома. Он на удивление стоит, и, что меня особенно удивило, в квартире, где мы жили вчетвером (18 кв. м), теперь живут шесть человек. Уборная во дворе тоже сохранилась. Правда, как и дом, едва держится. Полутора-двухгодовалые детишки ползают во дворе по грязи, купаются в болоте с головастиками. Все в полном запустенье. Такое я не встречал даже в самых грязных районах нью-йоркского Гарлема. Меня, как ни странно, узнала мама моего старо-

го школьного товарища, который когда-то угонял паровозы. «Как живете?» — спрашиваю. «Хорошо, — говорит, — только вот Вовка в тюрьме. Но, слава богу, здесь, в Астрахани, оставили. Далеко не отправили». И опять пронеслась в голове, как в дантовом аду, фраза, сказанная моей московской знакомой, кстати, окончившей в свое время восточное отделение Ленинградского университета, у которой сын тоже сидит в тюрьме: «Слава богу, сын в тюрьме. Там ведь три раза в день кормят».

Ошарашенный всем увиденным, иду к своим двоюродным братьям, которые живут поблизости. Смотрю, улица преобразилась. Появились офисы в стекле, повсюду мерседесы и БМВ. У одного брата добротный дом, у другого дом в два с половиной этажа. Порадовался за братьев. «Как жизнь?» — спрашиваю у одного. «Отлично, денег куры не клюют». — «Если так, что в загранку не съездишь, во Францию например?» — «Зачем? Какая разница, где пить». Это и правда, никакой разницы. Говорю: «Капитализм тебе на пользу пошел, разбогатели все». — «Какой капитализм? Я капитализм-социализм не понимаю». — «А как деньги зарабатываешь?» — «Да как и раньше. За счет русских. Как обманывали их, так и сейчас обманываем. Только раньше меня барыгой называли, ты и сам меня так называл, а теперь я — бизнесмен». Спрашиваю: «А зачем офисы на улице?» — «А это не офисы, это частные дома. Видишь тот пятиэтажный дом? Это Фардина. А тот четырехэтажный — это Шамяля, его родного брата. У них соревнование. Кто выше построит. Хотя живут на первом этаже, на других даже мебели нет». — «Так зачем же настраивать?» — «Говорю же, соревнование у них, кто богаче».

Замечаю, что у брата в доме нет почтового ящика. Спрашиваю: «А где ящик?» — «Нет его, зачем?» — «Для газет, писем. Ты хоть мои-то статьи в своей городской газете „Волга“ читал?» — «Ты что, шутишь? Я все еще книгу читаю, которую ты мне в седьмом классе дал. „Три мушкетера“». Я остолбенел. Эту книгу я ему дал году в 1960-м. «И что, вообще ничего не читаешь?» — «Кто читает, тот мерседес не имеет. Вон, твои друзья, русские, которые много читают, а все бедные. Жигуль даже купить не могут. У тебя-то есть мерседес?» — «Нет», — говорю. «Вот видишь. А, наверное, много чи-

таешь». Логично. На этом мы и расстались. Так и не поинтересовались братья мои, где я и что я.

Пообщался я и с астраханской интеллигенцией, с журналистами из газеты «Волга», в которой я время от времени публиковал статьи, отправляя их из Канады. Собрался газетный актив из начальников и журналистов. Поначалу я им прочитал короткую лекцию об экономической ситуации в России. Когда коснулся темы сокращения населения страны, одна журналистка с возмущением завозражала. «О чем вы говорите, ерунда какая-то. Вон у меня подружка, Ира, опять забрюхатела. А Ленка второго понесла. А вы говорите, рождаемость падает». Я в ответ: не я говорю, а статистика говорит. Она: «Вы мне про цифры, а я про живых людей вам говорю. Не верьте вы ни в какую статистику, врет она». Конечно, я мог бы ей в ответ сказать, тоже из своего личного опыта, что трое моих одноклассниц умерло, не дожив до 50 лет, и немало астраханских знакомых ребят (в основном из-за пьянства). Но спорить было бессмысленно, поскольку уровень мышления «элиты» определяется чисто эмпирическим опытом. Мои астраханские друзья, которым я когда-то отправлял свои книги, как оказалось, не открывали их даже из любопытства.

Муж моей сестры, когда-то художник, ныне работает на случайно сохранившемся предприятии. Ходит на работу пешком (в одну сторону около часа), т. к. экономит на «вагоне». Спрашиваю его, почему не сделаешь то-то и то-то, а он: «Да не получается как-то, вот такие мы растыки». Опять этот рефрен.

Впечатлений от общения с жителями города получил сполна и пошел осматривать сам город. Городской кремль показался мне ухоженным, Братский садик — место памяти погибших — на месте, тоже прилично смотрится. Отходишь от центра в сторону и попадаешь в какое-то захолустье: деревянные дома на треть в земле, колодцы и уборные на улицах. Но главное даже не это. Уровень мышления — Раннее Средневековье. Никто даже не пытается размышлять, почему так они живут, в какой стране живут. «У нас вся надежда на А. Гужвина, губернатора города», — с гордостью и подобострастием голосят старушки. Спрашиваю: «А за кого голосовали на последних выборах?» — «За Путина». — «Почему не за

Зюганова, ведь раньше-то вам лучше жилось?» — «Так у него же бородавка. Какой-то страшный он. Да и зачем, по привычке и в аду хорошо». Тут я затих. Такого я еще не слышал. И без моей инициативы один мужичок, подбоченясь и ничуть не печалась, произнес: «Живем на четыре Д: доедаем, допиваем, донашиваем, доживаем». Ну и живите. Но просто в голове не укладывается, что город с населением под 700 тыс. вступает в третье тысячелетие.

Возвращаясь назад в Москву, обнаруживаю старую картину, знакомую с начала 1950-х гг. Бизнес эпохи российского капитализма один в один похож на спекуляцию эпохи социализма: из Астрахани в поездах везут воблю, помидоры, в Баскунчаке часть меняют на арбузы, затем идет натуральный обмен в Саратове, Тамбове, Мичуринске. Что-то довозится до Москвы, здесь отовариваются нужным бартером и назад, в Астрахань. За полвека ничего не изменилось. Поезда только совсем стали старые, вот-вот на ходу начнут разваливаться. «Как живете?» — «Нищтак живем! Сейчас на Пути-на надемся». Ну, надейтесь.

Как-то раз попал я с одной американской журналисткой в г. Пензу. Выехали в деревню, в колхоз (названия не помню после переименования). Попали на ферму-коровник. Все в грязи, жижа по щиколотку, коровы голодные мычат. Сидят поддатые мужики, курят махру. Американка спрашивает, почему они ферму не приведут в порядок. Мужики: «Бугор команды не давал». — «Какой „бугор“?» — не поняла журналистка. — «Ну, хозяин, председатель наш». — «А почему не дал?» — «Так он в городе, по выборным делам уехал». — «А без команды нельзя убрать?» — не унимается американка. — «???... Да кто ж без команды убирать будет». У американки, чувствую, крыша поехала.

По «Времечку» (ночная телевизионная программа) показывают одну семью, переехавшую из деревни в Москву. Хозяин, чтобы сохранить воспоминания о деревне, стал разводить дома сверчков. Чтобы веселее было. Но часть этих сверчков зажаривает и ест с детьми. «Очень вкусно», — говорит, похрустывая сверчками на зубах.

По тому же «Времечку». В селе мужчина построил самолет из фанеры и дерева. Все не верят, что он полетит. Полетел-таки.

По этой же программе. Подмосковье. Мужик-сторож демонстрирует перед корреспондентом свое искусство: ест ядовитые грибы и запивает их водкой.

Сюжет по телевизору. На московскую свалку вывезли живых бомжей-калек. И оставили.

Приморье. В сотнях домов температура 8–10 градусов. В больницах, яслях и школах и того меньше. Во многих домах нет электричества. Люди вымерзают. Губернатор Наздратенко: «Все под контролем».

А в это же время по радио «Эхо Москвы» слышатся бодрые рассуждения о преимуществах рыночной экономики и демократии, поскольку участились «театральные акшенты», хотя, конечно, не обходится и без «социального аутизма». Опять же за последнее время появилась масса лекарств для «повышения резистентности организма», хотя Ельцин оказался «инкурабельным пациентом» (неизлечимым). А из «Авторadio» постоянно льется «драйвовый синг».

Спрашиваю соседа по лестничной площадке: что же это с Россией творится? А он: «А что творится, все ништяк (нормально). Просто мы умом прискорбные». Прискорбные, прискорбные, прискорбные... Прокатилось и повисло в воздухе.

И задумался я: «Как же воспрепятствовать дальнейшему захиреванию родины?» Именно так ставит вопрос «Литературная газета».

Август 2000 г.

Россия под гнетом креста (письмо канадскому другу)

Привет Майкл! Спешу поделиться с тобой своими впечатлениями от очередной поездки в Россию. Я тебе писал в последний раз про Англию, что здесь у нас и сервис дерьмо, и медицина ужасная, транспорт — просто кошмар, и дороги узкие, и людей тупых полно. Но я вот только что вернулся из России и вспомнил слова маркиза де Кюстина, написавшего еще в середине XIX в. (цитирую

по памяти): когда тебе совсем становится тошно, съезди на время в Россию, и ты поймешь, какой ты счастливый человек, что живешь не в России, а во Франции. После последней моей поездки туда я это понял. Какие мы счастливые люди: я живу в Англии, а ты в Канаде. А теперь все по порядку.

В «зоне». Напомню, что в Россию мы с женой приехали после Шанхая, где у нее с успехом прошла персональная выставка в Шанхайском музее искусств. Была хорошая реклама, снимали телевизионный ролик о творчестве Ван Люши (китайский псевдоним моей жены) и показали его на Китай и по международному каналу. Она просто ликовала, а я был счастлив за нее и за нас обоих. Затем аналогичная выставка должна была состояться в Москве — причина, почему мы оказались в России. Картины из Китая благополучно отправили за один день, все оплатили, оформили. Еще до отъезда в Шанхай мы проконсультировались у ответственного таможенника именно Шереметьевского грузового терминала о порядке ввоза собственных работ и получили ответ, что никаких сложностей в нашем случае нет и никаких дополнительных таможенных сборов с нас не предвидится. Но когда картины прибыли в Москву, то вопреки всем правилам и законам мы вынуждены были заплатить еще 800 долл. Дело даже не в самой сумме, а в том унижении, в котором оказываются люди заехавшие, как я тебе уже сказал, в «зону». Любой вопрос оборачивался точно против спрашивающегося. Валя, которую только что принимали на самом высоком уровне, сидела окаменевшая от хамства варваров. Мы пытались выяснить за Что? Нам ничего внятного объяснить не смогли, намекнув только, что иначе то того-то не будет на месте, то другого, и тогда мы вынуждены будем оплачивать каждый килограмм за простой. Мы поняли, что попали в «зону», где правит не закон, а «зеки», и если мы начнем артачиться, то своих картин вообще не получим или в лучшем случае нам накрутят такие деньги, якобы за простой, что эти 800 долл. нам покажутся мелочью. Так мы начали осваивать российскую капиталистическую или криминалистическую действительность, что одно и то же.

Москва «трубная». Майкл, ты, наверное, помнишь, что Москву мне пришлось оставить лет 15 назад. В те времена это был прилич-

ный город, российская столица социалистического государства. Сейчас она как бы выстраивается под Запад. Много новых зданий, гостиниц, рекламы в западном стиле. Русские, судя по всему, ненавидят свой язык: повсюду наши слова: фитнес-клуб, квин-хауз. Особенно по идиотски звучит котлета-хауз, а в аэропортах — кафе-хауз. Кстати, представляешь, в аэропортах Шереметьево и Домодедово чашка дрянного кофе стоит более трех долларов, а бутылочка простой воды те же три доллара. Даже в нашей дорогой Англии я таких цен не встречал.

Несмотря на строительство, Москва в архитектурном смысле производит ужасное впечатление какими-то трубами, извивающимися, как огромные змеи вдоль улиц. Непонятно, почему они не прокладываются под землей. Метро более или менее функционирует, но стоимость билетов подскочила раза в два после моего последнего приезда сюда. Народ, правда, не ропщет. На дорогах творится ужас: сплошные пробки, причем в любой день и в любое время. Вождение автомобилистов напоминает элементарный разбой на дорогах. Ни водители, ни пассажиры не пристегиваются ремнями. Вот, мол, какие мы храбрые. В результате этой храбрости и маразма на дорогах, по данным их главного гаишника, в 2002 г. в ДТП у них погибло свыше 33 тыс. человек. Число погибших в расчете на 100 тыс. жителей в России составляет 20,3. Для сравнения: у нас в Англии, эта цифра колеблется около 6 человек. В Канаде, между прочим, еще меньше. Два раза я с трудом избежал наезда мерседесов, когда переходил улицу на зеленый свет. Вот такая у них езда. К слову, за месяц до моего приезда на дороге погиб (сбила машина) мой однокурсник из Ленинградского университета.

Наука и образование. Хотя об этих вещах я тебе уже как-то писал, но вот некоторые свежие впечатления. Походил по своим старым институтам. Наукой не пахнет, сидит в основном ничего не соображающее старичье. Те, кто пошустрее, съехали в Японию или США. Количество научных сотрудников, например, в ИМЭМО сократилось раза в три. Да, в том же ИМЭМО до сих пор режут газеты для складывания их в папки. Можешь себе представить это допотопство в компьютерный век. Зарплаты умопомрачительно ничтожные. Майкл, поверь, у доктора наук, ведущего сотрудника зар-

плата ниже 100 долл. в месяц. Естественно, все где-то подзарабатывает, «пашут» на двух-трех работах. Можешь представить качество и уровень этих работ? Ясно, что все это халтура. Но что удивительно, у академиков зарплата в пять раз (!) выше зарплаты доктора наук, о студенческих стипендиях я уже не говорю. И это подается как великая забота государства об ученых. То есть платят тем, кто уже ничего ни в чем не соображает. Я знаю лично некоторых этих академиков в так называемых общественных науках. Кроме «еслибизма» они ничего родить не могут. Я мог бы назвать тебе их имена, но ты все равно их не знаешь. Они ведь не веберы, не тойнби, не шумпетеры, не гелбрэйтты и не фридманы. А тютюнкины и ляпкины. Но самое удивительное, что, несмотря на полный закат науки, совершенно невменяемый министр образования (В. Филиппов) говорит, что благодаря громадным достижениям российской науки российское образование стало «если не лучшим, то одним из лучших в мире». Нет, Майкл, ты вдумайся, сотни тысяч ученых сбежали на Запад, Институт математики поддерживается за счет зарубежных гонораров ученых, Дубна еле дышит опять же только благодаря подачкам с Запада, русские по образованности занимают 31 место среди 31 страны, участвовавшей в этом конкурсе (по линии ЮНЕСКО), тысячи школ не имеют нормальных условий для функционирования, и этот министр несет подобную ахинею. Еще парадоксальнее, что в эту ахинею верит немалое количество людей. Потрясающая наивность, граничащая с безумием. В российском бюджете 2003 г. на образование положено 3,2 млрд долл. (4,2 % от бюджета), в то время как в 60-миллионной Англии в том же году более 40 млрд долл. (9,7 %), не говоря уже о суммах более 600 млрд в США. И они толкуют, что их образование лучшее. Ну, не маразм.

Ты можешь возразить: а вот только что два российских физика получили Нобелевские премии. Да, получили, но за работы, которые они провели в советские времена, в 1950–1960-е гг. (Один их них, кстати, ныне работает в США.) А нынешний уровень? А он определяется, например, в космогонии так называемым «русским космизмом». Имеется в виду, что вселенная возникла благодаря космическому разуму (один из вариантов антропного принципа в космогонии). Литература по этой теме буквально запрудила книж-

ные прилавки. Причем, в интерпретации русских этот разум не просто запланировал появление человека, но именно русского человека, миссия которого — спасти все человечество. Этому бреда придерживается немалое количество ученых, докторов технических и физико-математических наук, работы которых просто невозможно читать без смеха. Когда их спрашиваешь, что же это за космический разум, если он в конечном счете в соответствии с теорией Большого взрыва обрекает вселенную вместе со всем человечеством на умирание, они в ответ, что все это чушь, никакого Большого взрыва не было и посему вселенная вечна. И никакая наука им не указ. Для них более убедительны, например, абсурдные бредни некого Мулдашева, который в серии своих книг описывает вечные разумные существа, запрятавшиеся в замороженном состоянии где-то в Гималаях. Обычно у этих космистов-юмористов авторитетом является сумасшедшая Блаватская и тибетская мудрость, которая почему-то сохранила все тибетские народы в их первозданно-первобытном состоянии.

Ясно, что этот космический разум — тот же бог, только немного обначенный, а вся их наука вылилась в элементарную теологию, т. е. поповщину, паразитирующую на невежестве масс. К слову, еще один какой-то доктор-технар из Башкирии «научно» доказал существование бога. Невидадь какая! Этот «доктор» явно не ведает, что онтологическое существование бога «доказал» еще Ансельм Кентерберийский, живший в XI в. А в одном из книжных магазинов Оксфорда я насчитал штук 50 книг, посвященных «научному» доказательству бога. Русские же, как всегда, открывают Америку. Ну, ладно, наши идиоты; их хоть всерьез не воспринимает научная публика. В России же об этом всерьез толкует не просто тетя Маня или баба Феня, а доктора и кандидаты наук. Такого мракобесия было трудно ожидать именно в России, в которой как раз в периоды безбожной советской власти процветала и наука, и техника, и культура. Сейчас же все это рушится на глазах. Думаю, что одна из важнейших причин — утверждение всяческой мистики и религиозности.

Религиозное мракобесие и национал-шовинизм. Россия с неимоверной быстротой катится назад в Средневековье, показателем чего

является расцвет религии в массовом сознании. Даже мои знакомые, среди которых большинство научных сотрудников (докторов и кандидатов), погрязли в религиозном омуте. Они совершенно серьезно толкуют о боге, а в этой связи о божественном предназначении России, которая-де спасет этот мир от бездуховности. Объективно эта тяга к богу в нынешних условиях России понятна: когда люди испытывают страх или находятся в несчастье, они становятся особенно набожными. Но у русских эта набожность носит какой-то агрессивный характер. Один мой старый приятель готов был чуть ли не убить меня за то, что я неверующий, а значит, нерусский, а значит, сволочь.

Конечно, нынешнему правящему классу эта религиозность только на руку: чем больше рабов божьих, тем меньше противников этой власти (всякая власть от бога, говорил Павел). Рабами легче управлять. Не случайно поощряется строительство церквей по всей России, и это в то время, когда не хватает денег на школы и больницы. Даже Гегель писал об этом: «Религия и политика всегда работали сообща, религия проповедовала то, что хотел деспотизм, — презрение к роду человеческому, неспособность стать чем-либо с помощью собственных сил».

Но у России, как всегда, специфика. Не просто идет смычка религии и государства, религия превращается в идеологию русского патриотизма, начавшего принимать форму шовинизма. Неслучайно все эти патриоты носят кресты, причем напоказ, пример чему дает даже жена президента. Да и сам он крестится у всех на виду. Видели ты, Майкл, чтобы ваш Кретъен или наш Блэр прилюдно крестились? Я даже за Бушем этого не замечал. На Руси же все делается напоказ. Вот, дескать, какие мы духовно обожествленные. Знайте все.

Опять евреи. Совершенно естественно, что вся эта религиозность в ее православном исполнении оборачивается антисемитизмом. Конечно же, все беды России от евреев. Тема сионистского заговора стала излюбленной среди многих моих знакомых. Один из моих родственников просто достал меня этим заговором, все время предлагая мне прочитывать «Протоколы сионских мудрецов». Говорю ему, что эта фальшивка, много раз доказанная в серьезных научных работах. Прочитай хоть одну из них. Сам читать ничего не хочет, упорно талдыча свое.

В принципе такая позиция вполне объяснима. Если они откажутся от идеи «заговора», тогда рухнет их схема объяснения причин развала России. Остаются, правда, еще происки масонов и США. Но масоны где-то попрятались, США далеко, а абрамовичи с авенами на виду со своими миллионами и миллиардами. Если признать, что дело не в них, тогда придется говорить, что дело в самих русских, доведших потенциально богатую страну до ручки. Но все эти национал-патриоты не понимают, что своим антисемитизмом они только возвеличивают евреев, как бы признают, что небольшая горстка евреев (а их сейчас по последней переписи всего-то около 500 тыс.) умудрилась перехитрить, переиграть более 100 млн русских, поставив их на колени (положение, правда, достойное рабов божьих). Своим антисемитизмом они вопреки антиеврейским намерениям незаслуженно возвеличивают еврейскую нацию, причем, в силу своего невежества утверждая, что, дескать, евреи вообще правят миром. Задай им простой вопрос: что, евреи, правят Китаем, Японией, Индией, странами ЮВА, Африкой, Латинской Америкой? Ответа от них не получишь. Четыре пятых населения земного шара вообще не знают, кто такие евреи.

Естественно, евреи заметны в развитых странах капитализма, и для этого есть объективные причины, наиважнейшей из которых является именно капитализм. Евреи и капитал — две стороны одной медали, о чем писали братья Бауэры, Маркс и многие другие. И в этой связи русские патриоты-антисемиты оказываются в идиотском положении. С одной стороны, они хаот большевиков за социализм (они почти все антикоммунисты), восхваляя русский капитализм до Октября 1917 г., с другой — обрушиваются на евреев. Им явно невдомек, что российский капитализм (между прочим, как и английский, а затем французский и т. д.) начала XX в. развивался именно благодаря евреям, российским и европейским. Один Ротшильд что стоил. Держал чуть ли не всю русскую казну под контролем. А русские купцы? Это же почти 90 % — охристианившиеся евреи. Достаточно полистать список Гильдии русских купцов Санкт-Петербурга 1912 г. И ныне русский капитализм обязан в значительной степени олигархам евреям. И это, повторяю, закономерно. Как же можно быть за капитализм и против евреев? У этих ребят, Майкл, концы с концами не сходятся. Вот такие здесь патриоты — беспре-

дельное невежество, порожденное православной религией и комплексом неполноценности.

Есть у них здесь газета «Завтра», довольно популярная среди патриотически настроенной части населения. Но чуть более образованный человек ее не читает. Прежде всего, из-за стиля, слога газеты. Такая экзальтированная с пеной у рта ругань с «наповал» убийственными словесами. Один-два раза прочитал, вроде бы ничего. Более уже невозможно, хотя с содержанием согласен. Но главное — прогнозы газеты. Это уже из серии маразма. Все время талдычат о гибели США. То ли в марте, то ли в апреле была статья какого-то доктора экономических наук, который предсказывал крах доллара США к лету этого года. Другой экономист совершенно серьезно уверял в крахе всей экономики США в этом году. Дескать, у них такой громадный дефицит, что скоро им капут. Редактор газеты, писатель Проханов в серии истеричных статей об агрессии США против Ирака писал, что Багдад станет для Америки Сталинградом. Но, смотри, Майкл, как он ловко выпутался из своих провалившихся прогнозов. Да, дескать, Сталинград не получился, но кто знал, что Саддама Хусейна предаст его окружение. Можно подумать, если бы они не предали, США не взяли бы этот Багдад, да и вообще весь Ирак. Причем, аналогичную бредятину несли и многие генералы (правда, в отставке), некоторые из которых вообще прочили поражение США в этой войне. Уровень компетенции всех этих генералов, докторов и экспертов точно совпадает с нулем. Но как нормальному человеку можно читать такую газету, где вместо анализа ценится только хлесткое ругательное слово.

Умстрой верхов. Правда, уровень компетенции и правящего класса ничуть не лучше. Ну, где мозги президента, всерьез толкующего о безвизовом режиме в Европе для России? Прошло всего несколько месяцев после этого его глупого заявления, как даже поляки ввели визовый режим для российских граждан. По тому же же Ираку — полный провал. Бесконечные визиты президента и министра иностранных дел в Европу не имели никакого значения, кроме чистых финансовых затрат, уведенных из бюджета налогоплательщиков. Представляешь, Майкл, какой-то чиновник, говоря о внешнеполитических успехах президента, похвастал, что он, президент,

в этом году совершил около 40 поездок за рубеж. Поскольку за многими из них я следил, могу уверить, что ни одна из них не дала ожидаемого результата. То есть все суммы, затраченные на эти поездки-визиты, были растрочены впустую. Причем, президент любит вояжировать и по своей собственной стране. Естественно, в сопровождении свиты, плюс журналисты и т. д. Более того, даже во время отдыха на юге к нему регулярно приезжают всевозможные чиновники различных рангов «решать вопросы». Посчитай, в какую копеечку все это обходится, какая доля бюджета прожирается, причем бюджета, который у них в размере с гулькин нос. Но на Руси испокон веков денег не считали и не считают. Президент даже в голову не берет, что демонстрировать иностранцам золотые хоромы Кремля просто неприлично в то время, когда большая часть населения нищенствует.

Выборы-шоу. Майкл, думаю, ты вряд ли представляешь, насколько нация поглупела за последние 15 лет. Сейчас у них разворачивается политическое шоу — выборы в Думу. Кремль сколотил свою партию — Единую Россию. Все другие партии организовались, напрундошились. На ТВ, в газетах обсуждаются какие-то кандидатуры, анализируются противоречия внутри и между партиями. Лидеры делают какие-то заявления и прогнозы о своих перспективах. Население взбудоражено: кто же выиграет? Такое ощущение, что никому невдомек, что для страны не имеет никакого значения, кто там выиграет или проиграет. Даже сама Дума (предбанник для болтовни, по словам Ленина) не стоит ломаного гроша в структуре российской власти. Законы, которые они принимают, все равно нигде не работают, поскольку в России испокон веков законы существовали сами по себе, а жизнь текла сама по себе. Вспомни эпизод с таможней. Население не понимает, что официальная сумма, выделенная на выборы в размере 3,5 млрд руб., — это деньги, отнятые у него же, из их пенсий и зарплат. Руководители КПРФ (мнимокоммунистическая партия) всерьез уверяют, что они способствуют более справедливому распределению бюджета. Не могу понять: валяют они дурака или действительно не понимают, что весь бюджет России недостаточен для решения ни одной проблемы страны.

Конечно, правящему классу вся эта выборная шумиха выгодна: отвлекает людей от их реальных проблем, например, отсутствия света и воды во многих городах и деревнях. К зиме, уверен, все эти беды обострятся, поскольку в целом жилищно-коммунальный комплекс находится в предсмертном состоянии. В общем-то выборы выгодны и оппозиции: создают иллюзию борьбы с «правлящим режимом». Не на баррикадах же головы класть в борьбе с этим режимом, не революции же устраивать. Того гляди, революция не получится, а в Магадан загремишь. А тут есть шанс в Думу попасть, какие-никакие харчи, официальная зарплата где-то 18 тыс. руб. в месяц. Сотня-другая функционеров получит безбедную жизнь. В результате не борьба с режимом, а борьба за кормушку.

Ну а народу предоставляется бесплатное цирковое зрелище. Хотя следует признать, что какая-то часть населения, кажется, начинает осознать бессмысленность этих выборов: постоянно увеличивается процент голосов против всех или общее снижение явки на выборы. Все-таки кто-то начинает прозревать. Но и дураков хватает. Власть скорее всего наберет нужный минимум (не наберет, так напишет). И в очередной раз оставит свое население в дураках. Так что фарс продолжается.

Родная, хотя и вонючая Астрахань. Дорогой Майкл! Помнишь, я тебе однажды показывал статью из «Ванкувер сан» об одной героине Канады. Геройство она заслужила тем, что месяца два провела среди инуитов на севере страны, где раз в неделю у них в поселке отключали, о ужас, горячую воду. Но она мужественно преодолела эти житейские неудобства. С этой точки зрения все население России — герои. Даже в Москве у них запланированно отключают горячую воду на две недели. Но все это цветочки по сравнению с тем, с чем я столкнулся в г. Астрахани, в котором мне когда-то угрозило родиться. В этот заезд в Россию я решил навестить своих родных. Летел туда самолетом ТУ-134, возраст которого был не менее лет 30. Лететь было страшновато не только из-за дряхлости самолета, но и из-за компании москвичей-рыбаков, которые сразу же после взлета начали обильно принимать на грудь. Хотя курить запрещено, некоторые закурили, несмотря на слабое сопротивление бортпроводниц. Началось веселье, ор, гам, мат, как на базаре. Так русские проявляют свою культуру и духовность.

Прилетев в Астрахань, сразу же чуть не задохнулся от отравленного воздуха. Даже в Москве воздух чище. Сестра приготовила «стол», но есть с этого стола я ничего не мог: практически вся пища отравлена, от мясного отдает тухлым запахом. Говорят, что у них в городе давно вышли из строя городские холодильники, а денег на восстановление нет. В центре города, напротив филармонии, разбросан мусор и повсюду бегают бездомные собаки. Денег, видимо, нет и на уборку мусора. Грязь повсюду, городские речки-канавы заволокло зеленой плесенью. Я помню, в детстве они были чистыми, и мы в них ловили рыбу и купались. Общее впечатление разрухи, но самое удивительное, что астраханцы этого не замечают. Настолько привычным для них стала грязь. Как говорят японцы, червяк вони не чувствует. После первого соприкосновения с водой из под крана у меня вскочил герпес на губах и даже на лице, а проснувшись утром, обнаружил, что покусан комарами, которые обосновались в подвале дома. Опять же самих астраханцев они не кусают. Русские родственники живут хуже некуда (один из них, например, на работу ходит пешком целый час в одну сторону, экономя деньги на трамвай). Татарская же ветвь почему-то живет хорошо, вовлеченная, как и в советские времена, в торговый бизнес.

Потряс уровень мышления элиты. Еще в прошлый заезд ректор Педакадемии (теперь у них нет институтов, все — академии) предложил создать мне кафедру международных отношений. Спрашиваю: кто будет преподавать? Профессоров пригласим из вашего же Оксфорда, — отвечает ректор. Интересно: а на каком языке они будут читать лекции? — На русском. Я опешил: а почему вы думаете, что они знают русский? Вы же, например, не знаете их английский. Он немного засмутился и говорит: выход найдем, у нас переводчиков много. — Ну хорошо, а как платить собираетесь? — А зачем платить? У нас отличная рыбалка, заповедник уникальный, охоту им организуем и т. д. в таком же духе. И это ректор «академии»! Можешь представить уровень «народа»?

Конечно, есть и соображающие люди, но крайне мало, причем они-то как раз хотят уехать из этой Астрахани куда подальше. Для начала в Москву, а затем еще дальше, за пределы России.

Через три дня я понял, что если срочно не уеду, то точно не выживу (поскольку кроме чая я ничего не мог «есть»). И это я, бывший

астраханец. Уверен, что любой канадец или наш оксфордец загнулся бы там, проживи он хотя бы неделю в этом городе. А астраханцам ничего, как они говорят, им там «нищтяк», и даже удивляются, как это я уехал из этого рая. Повторяю, есть исключения и в Астрахани (например, моя учительница и двое моих друзей), но в целом такого невежества за последние лет 15 я нигде не встречал.

Выставка. Валина выставка проходила в Центральном доме художеств (ЦДХ). На открытии присутствовало много народа, включая советника по культуре посольства КНР. В прессе было несколько заметок, а три серьезных журнала намереваются дать детальные статьи о ее творчестве. И здесь я столкнулся с явлением, которое как бы противоречит тому, что написано выше. Выставку посещало довольно много людей, некоторые из них оставляли свои отзывы в Книге отзывов, в том числе и в стихах. Валентина рассказывала, что приходили разные люди и среди них немало психически нездоровых. Но выставку посещало и множество одухотворенных людей, сохранивших в себе истинно русское понимание искусства, разговоры с которыми Вале доставляли творческое наслаждение. Многие помнили ее по прошлым выставкам. Я сам был свидетелем, с каким восторгом и трепетом они рассматривали ее картины и читали ее стихи к ним, затем переписывая их в собственные тетради.

Если бы не они, на России можно было бы поставить крест. Но, видимо, ставить его рано. Крест сильно прижал россиян, многих из них согнул, превратил в манкуртов, в невежд, дураков и рабов. Но за пределами креста и даже под ним сохранились живые души и светлые умы. Не знаю, они ли сбросят этот крест или кто-то другой. Но кто бы это ни сделал, именно с этими людьми можно строить новую Россию.

По крайней мере, мне хотелось бы в это верить.

*С наилучшими пожеланиями,
Алекс Бэттлер*

P. S. Ты, конечно, спросишь: ну что-нибудь светлое есть в этой России? Отвечаю: да, есть, и это женщины, самые красивые в мире, но об этом в другой раз.

Октябрь 2003 г.

«Мундиальная» Россия, или когда наступит конец «мундизму»?

После того как Израиль чуть ли не весь Южный Ливан превратил в руины, лидер «Хизболлы» шейх Хасан Насралла в одном из интервью заявил, что он «не заметил» разрушений в Ливане... Видимо, что-то со зрением не в порядке. Приблизительно в это же время газета «Завтра» с восторгом описывала «дерзкую вылазку палестинских удальцов», которые «положили предел израильскому беспределу» (?), «не заметив» катастрофических последствий результатов этой «вылазки» как для Ливана, так и для самой «Хизболлы». Правда, для этой газеты подобные оценки естественны. Несколько лет назад с такой же «научной точностью» ее главный редактор предсказывал «Сталинград» в случае вхождения американских вооруженных сил в Багдад. Не угадал, не Нострадамус. Не в укор, все-таки поэт, писатель. Очень хотелось поражения «империалистических» Соединенных Штатов и искренне выдавал желаемое за действительное, что характерно не только для редактора, но и для всех авторов патриотической газеты.

Но вот что обращает на себя внимание. Подобным «неадекватным» оценкам событий, процессов, явлений подвержены не только СМИ, но и власти России. Чтобы убедиться в этом, достаточно послушать говорунов из Кремля или правительства. К примеру, несмотря на продолжающийся процесс самоуничтожения страны, они во все колокола трезвонят об экономических и социальных успехах своей политики и о возрождении великой державы. Дескать, это подтвердилось и на недавней встрече «восьмерки» в Санкт-Петербурге. (Эти обычные ритуальные сборища теперь в России называют заморским словом «саммит».) Некоторые же СМИ вообще протрубили о «триумфе» России.

Известно, что в любой стране есть определенное количество людей, которых обычно содержат в психбольницах. Когда на психушки денег не хватает, как, например, в Канаде, психов выкидывают на улицы, поскольку сверхбольшого вреда они не приносят. Так, кучкуются где-нибудь, как в Ванкувере, на перекрестке улиц

Мэйн и Восточный Хастинг, решая между собой, кто из них Наполеон, а кто Александр Македонский.

Проблема обычно начинается тогда, когда такие наполеоны и александры македонские попадают во власть. Гитлер — классический пример. Но, оказывается, такое случалось и в Англии. Так, Вильям Коббет, английский политический деятель начала XIX в., сетовал, что «Англия в один из наиболее критических моментов своей истории управлялась умалишенными»¹. Обычно, если общество более или менее здорово, таких умалишенных быстро изолировали или убивали, как, например, в Древнем Риме. Если же во власть попадало слишком много таких «неадекватных», она теряла способность управлять государством и возникали революции, в результате которых власть свергалась, как это случилось в конце XVIII в. во Франции и в начале XX в. в России. Однако происходило это только тогда, когда бóльшая часть населения оставалась здоровой. Если же были больны и верхи, и низы, тогда таким обществам, несмотря на их внешнюю цивилизованность, приходил конец, что подтверждает история цивилизаций майя, инков и ацтеков, а также судьба многих империй Европы и Востока.

Современная Россия, похоже, настроилась на исчезновение. Российские низы подтверждают это своим массовым вымиранием, уменьшением населения страны более чем на один миллион человек в год (официальная статистика дает цифру в 700 тыс. человек). Причем люди не понимают причин такого положения, во-первых, из-за своей поголовной неграмотности, во-вторых, вследствие чрезвычайно распространившейся религиозности. Они не понимают, почему 70 % детей (в реальности 80–85 %) рождаются больными, не понимают, что отсутствие нормальной медицины, образования, жилья, питания — это не прихоть того или иного начальника, а порождение капиталистической системы русского разлива. Все это им даже понимать не надо, поскольку все они стали рабами божьими. А любой раб божий одновременно и раб власти (власть от бога). Потому-то рейтинг президента столь высок: он не просто власть, он еще вбогаверующая власть. Таким образом, рациональное осмысление жизни заменено религиозной рефлексией, освобо-

¹ См.: Cobbet's Weekly Register. Vol. 43. № 8. 24 Aug. 1822.

ждающей от думанья, но побуждающей к молениям и упованиям на милость божью. Вера в боженьку — это одна из форм рабства. Русские же рабами себя не считают, и в этом трагедия. Потому что осознающий себя раб стремится освободиться от рабства. Не осознающий — остается рабом.

Далее я хотел было написать, что такое состояние выгодно верхам, но тут же спохватился. Дело в том, что верхи не отличаются от низов. Они такие же рабы: одни — рабы денег, другие — рабы божьи, третьи — рабы Запада (США), т. е. все в той или иной степени «неадекватные». В чем же это проявляется среди верхов? В идиотизме.

Идиотизм № 1. Берем русский язык. Хотя это уже притча во языцех, но не грех еще раз процитировать современный «русский» лексикон. Вот названия некоторых статей: «Москвичи смогут увидеть финальный матч **мундиала** на фестивале пива в Лужниках» (NEWSru.com. 7 июля 2006); «**Мундиаль** капут» (*Пушкинский Михаил*. «МК». 10 июля 2006); «В траурной процессии узнавались знакомые **медийные** лица...» («МК». 26 июля 2006); «Все начинается с **антивитальных** переживаний...»; «Саудовская Аравия готовит **апгрейд** танков Abrams» (Lenta.ru. 1 авг. 2006).

В этот ряд можно добавить сотни таких «словей», как креативный, пазл, промоутер, перформанс, котлета-хаус и т. д. Подобный идиотизм царит не только в головах журналистов; он в не меньшей степени присущ и «леченым», у которых, например, не хватает мозгов вспомнить слово «идеализм», употребляют вместо него «имматериализм». Причем, чем больше подобных «словей», тем меньше науки.

Обычно такая языковая тарабарщина возникает в трех случаях. Первый — когда любитель забугорных слов полный идиот: он внедряет словарный мусор для «прикола». Второй случай — когда вноситель изображает из себя эдакого прозападного интеллигента, презирающего «раши пипл» и своей высокой образованностью отделяет себя от простых людей. Третий вариант — когда отстающее общество начинает перенимать уклад и культуру другого, более, на его взгляд, продвинутого общества. Так было во времена Петра I и Екатерины II, когда в Россию хлынула неметчина (все зафрештюкали). Затем, при Александре I, наступил период офранцузивания.

Наконец, нынешний период — американизация русского языка. Следует обратить внимание, все названные волны всегда углубляли разрыв между верхами и низами, между господами и массами. Вместе с тем, когда появилось множество новых слов, порожденных Октябрьской революцией, так называемый советский новояз, наоборот, стирал грани между низами и верхами. Это был язык всего народа.

Ясно, что ныне все три упомянутых канала деформации русского языка действуют одновременно, причем урон наносится не только языку, но всей русской культуре и России в целом.

Идиотизм № 2. Для начала приведу цитату из одного сообщения:

В Чеченской республике боевики убили шесть и ранили еще десять военнослужащих федеральных сил... **Инцидент** произошел между населенными пунктами Автуры и Сержень-Юрт Шалинского района Чечни¹.

Убийство шести человек в России называется «инцидентом». Убийство сотен и тысяч военнослужащих в Чечне называется «конфликтом». Израиль из-за двух взятых заложников начинает крупномасштабную войну с «Хизболла»; американцы в свое время из-за захвата заложников в Гаити оккупировали всю страну, а в России убийство, причем неоднократное, своих граждан называют «инцидентом». До какой степени деградации надо опуститься?

Идиотизм № 3. В июле состоялась встреча «восьмерки» в Санкт-Петербурге. Российская пресса освещала это обычное бюрократическое совещание как мировое событие. Дескать, само председательство России на этой встрече уже является признанием мировой роли России. Чего ради такая оценка? На самом деле причина существует. Кое-кто все-таки понимает, что реальный вес страны на мировой арене близок к нулю. Это совещание давало повод заявить, что, дескать, рано нас хороните, мы существуем, мы энергетическая сверхдержава и даже диктуем повестку дня.

Я специально следил за реакцией западной прессы в это время. За исключением нескольких газет (в частности, английской «Гарди-

¹ Lenta.ru. Новости. <http://lenta.ru/news/2006/07/04/avtury>.

ан») большинство из них уделили этому совещанию ничуть не больше внимания, чем предыдущим аналогичным совещаниям. Шума не получилось. Русские просчитались. Проблема в том, во сколько обошелся этот просчет? Российские газеты приводили цифры: по самым скромным подсчетам было затрачено в 10 раз больше, чем на аналогичную встречу в Англии (официальная цифра — 40 млрд руб., реальная — 100 млрд руб., т. е. почти 2,5 % расходной части бюджета).

Только на питание господ пошло около 1 млн долл. К чему эти траты? Чтобы улажить руководителей семи стран, пустить им пыль в глаза, мол, мы тоже не лыком шиты? Это чисто русский холуаж перед границей. И в данном случае демонстрация «русского хлебосольства» есть чисто российская форма проявления комплекса неполноценности, форма психической болезни, которой, судя по всему, подвержен и нынешний президент-спортсмен. Впрочем, в России господа всегда были холуями Запада.

Ну, а что низы, «трудовые массы»? Да ничего, население, судя по всему, с пониманием отнеслось к тратам своих господ. Все-таки гостей принимали. Помню, как года два-три назад в Англии поднялся большой шум из-за того, что министр иностранных дел Джек Стро (Jack Straw) на какой-то официальный банкет привел своего сына. Общество не простило сыну такой «халявы», из-за чего его отец должен был внести штраф за свой «прокол». Россия же, вернувшись в чрево феодализма, восстановила рабские привычки, когда «барьям» все можно. Ну, не идиотизм?

Идиотизм № 4. До упомянутой встречи в верхах, в июне, прошло заседание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), созданной еще в 2001 г. В нее входят шесть государств: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Китай и Россия. Говорят, что в эту организацию желают вступить еще Индия, Пакистан, Иран и Афганистан. За время существования ШОС она не решила ни одной из проблем, которые намеревалась решить, например, проблему терроризма. И вот эту организацию в российской прессе некоторые умудряются назвать «центром силы» с якобы антизападной направленностью, прежде всего против США. Спрашивается, каким уровнем интеллекта надо обладать, чтобы называть эту аморфную

организацию, состоящую из самых неразвитых стран (кроме Китая) «центром силы»? При этом имея в виду, что все ее нынешние и потенциальные участники (кроме Ирана) экономически, политически и в военном отношении тесно связаны с теми же США, против которых должна быть направлена эта организация. Ну, не маразм?

Идиотизм № 5. Оппозиция. Прежде всего следует четко осознать, что реальной оппозиции власти в России не существует. Формальная же, включая лидеров КПРФ, вписалась в нынешнюю политическую структуру. Руководители «оппозиции» ничем не отличаются от руководителей «властной позиции»: ни уровнем жизни, ни своими доходами, ни тем более своими действиями. Даже не воспользовались встречей в верхах как поводом для осуществления акций протеста. Какие действия, когда... лето, отпуска, рыбалка?! Как известно, часть антиглобалистов не пустили в Россию, часть подкупили, часть на время посадили «отдохнуть». Практически никакой активной реакции против всепобеждающего «mundиализма». Власти довольны! Карикатурные лимоновцы и акаэмовцы не в счет. Им, в конце концов, все равно, где тусоваться: на улицах или дискотеках. Вожди оппозиции оказались прохвостами, а массы — ужасающе глупы.

Правда, истеричной критики в СМИ хватало. Но как критикуют?! Известный, так сказать, критик «режима Путина» С. Белковский страшает всех революцией. На конференции «Другая Россия», где умудрились собраться самые «правые» и самые «левые», он призывает объединиться и выдвинуть единого кандидата в президенты от оппозиции. И вот его призыв:

Единый кандидат в президенты, которого мы обязаны выдвинуть, будет преемником всей исторической России, князей киевских и новгородских, владимирских и московских, Третьего Рима и императорского Петербурга, Пушкина и Достоевского, наших космических взлетов и великих военных побед.

Наша главная опора, движущая сила объединенной российской оппозиции это **интеллигенция**¹.

¹ Белковский С. Мы собрались здесь для того, чтобы предотвратить революцию в России // Ежедневный журнал. 2006. 13 июля.

Словесный понос классического шизофреника. Какую интеллигенцию имеет в виду этот антиреволюционер? Что это за Третий Рим? В какие времена Россия обладала таким статусом? Как может «аналитик» в одну кучу сваливать не существовавший Третий Рим, императорский Петербург с паразитирующим двором и наши космические победы? Что случилось с мозгами этих людей? И ведь всерьез играют в политические бирюльки. И вроде бы переросли возраст детского сада. Они, видимо, действительно не понимают, что в нынешней России в принципе не может быть честных выборов. Ясно, что этого не понимает Запад. Кстати, небезызвестная демократка Лилия Шевцова вынуждена была напомнить западным спецам по России:

Ловушкой может быть требование свободных и честных выборов в 2007 и 2008 гг. Западные правительства должны задуматься над тем, что российское руководство блестяще освоило «выборный менеджмент» и западные наблюдатели не имеют никакого влияния на результаты выборов. Между тем **действительно честные выборы** (выделено мной. — О. А.) могут привести к власти национал-популистских руководителей, поскольку в стране нет по-настоящему сильной либерально-демократической оппозиции. Запад должен убедить российскую элиту в том, что для ее же выживания необходимо создать функционирующее правовое государство. Возможно, Россия будет уже стоять на краю пропасти, прежде чем заметит, что так дальше существовать невозможно. Вопрос только в том, какую цену должны будут заплатить Россия и Запад за осознание этого¹.

Даже женщина понимает, что «демократию» и прочие западные причиндалы власти в России можно сохранить только при недемократической форме выборов, т. е. на основе обмана. А вот ее просьба к Западу, чтобы он убедил российскую элиту в необходимости создания правового государства, выглядит уже как разговор в психбольнице. Во-первых, болтовня о «правовом государстве» не стихает уже лет двадцать. Причем, ведет ее та самая «элита», которую надо за чем-то в этом убеждать. Во-вторых, зачем обращаться за советом к Западу, который, с одной стороны, сам по уши погряз в

¹ Rheinischer Merkur. 8 Juli 2006.

своих проблемах, с другой — вообще ничего не понимает в российской действительности. В-третьих, Россия «не будет стоять», а уже стоит на краю пропасти. И цена, мадам ученая, уже заплачена — более 10 млн человек за последние 10 лет. И если нынешнюю «демократию + рыночную экономику» не выдавить с российской земли, то ценой будет исчезновение русского народа и России как суверенного государства. И дело здесь не в «бессилии Путина» или в той элите, к которой обращается госпожа Шевцова. А дело в том самом народе, ценности которого не смыкаются с ценностями Запада. Но этого ни демократке Шевцовой, ни контрреволюционеру Белковскому, ни им подобным никогда не понять. Поскольку все они больны антикоммунизмом, что есть шизофрения в параноидальной форме.

Идиотизм № 6. В этом году один парень, Сергей Минаев, опубликовал книгу под названием «Dухless: повесть о ненастоящем человеке» (М.: АСЕ, 2006). Она, скорее всего, станет бестселлером нынешнего года. Книга о молодежи 1970–1976 гг. рождения, «наварившей бабки» в период капитализации России. Это как раз тот слой, который формально выиграл от капитализма. И главный кайф они получают от долларгазма. Главный герой как будто списан с одного из моих знакомых, через которого я имею возможность наблюдать за этим слоем «новых русских». Минаев практически документально описал их жизнь, в которой нет места не только подвигам, но и вообще ничему, кроме, выражаясь их языком, бабла, дискотек с «телками» и травки (наркоты). Большая часть этой породы «успешных» совершенно не понимает своего падения. Единички, как автор, вдруг начинают осознавать, что они совершенно лишены «духовности», т. е., что они, выражаясь их полуамериканизированным словом, — «dухless». Для меня эта книга не была открытием, поскольку я систематически наблюдаю и изучаю этот мир человекообразных вирусов. И я бы об этой книге быстро забыл, если бы случайно не наткнулся на статью в «Московском комсомольце», который читаю только для того, чтобы проследить меру глупости буржуазной идеологии прозападной ориентации.

Я был крайне удивлен этой статьей, автор которой вдруг обиделась на упомянутую книгу, оценив ее «как книгу оскорблений, в ней попало всем». То есть газета хочет сказать, что все описанное в книге на самом деле в России не существует. Не существует диско-

тек-тусовок с наркотиками, девиц на час, охотниц за «папеньками», 30-летних оболтусов, разъезжающих по всему миру со своими паразитками. Нет молодняка, который без мата не может произнести ни одного предложения из пяти слов, зато «файно» овладевшего «mundialным» сленгом. Авторша искренне возмущается клеветой на современную Россию.

Идиотизм заключается в том, что «Московский комсомолец» довольно часто пишет о том же, что и Минаев, как бы критикуя все это. Получается, что газета не видит в реальности того, о чем сама же и пишет. Ну что ж, чуть перефразируя концовку упомянутой статьи, могу сказать: «Чувиха, проблемы, по ходу, у тебя и твоей газеты».

На самом же деле «Московский комсомолец» — один из рупоров бездуховности современного молодняка, рупоров долларгазма. Достаточно обратить внимание, с каким невыразимым умилением описывают журналисты «МК», кто что ел на том или ином банкете, кто во что одет и кто где отдыхает. Эта газета — одна из тех, которые как раз и пропагандируют бездуховность. И это вполне естественно, поскольку она воспеваает капитализм, правда, очень западный. Но ведь и для Минаева идеал — именно западный капитализм. Свой родной, бандитский капитализм ему не нравится, он не любит русский рок, русские фильмы типа «Спецназ выходит на связь» и т. д. Им он предпочитает Уэльбека, Эллиса и еще кого-то в этом роде. Точно так же рассуждает и «МК». Он тоже не хочет русского капитализма. Ему нужен швейцарский, французский, английский. Между прочим, и язык героев Минаева мало чем отличается от языка «МК». Не случайно из этой газеты я часто вытягиваю американизированные словеса. И самое главное, ни у Минаева, ни у газеты не хватает разума, чтобы понять элементарную вещь: капитализм, будь он русский или западный, и духовность — вещи несовместимые. Эту простую истину им не дает понять, с одной стороны, зашоренность на антикоммунизме, с другой — отсутствие элементарных знаний о современном капитализме на Западе. Свою духовность капитализм исчерпал с момента развязывания «холодной войны». На Западе остались «островки» одухотворенности, но и они катастрофически быстро затопляются океаном массовой тупости, проявляющейся в деградации масс и элит и, между прочим, в их физическом вымирании, хотя и не таком интенсивном, как в

России. Особенно это стало заметно после распада Советского Союза. Здесь уже давно не употребляют таких слов, как совесть, братство, взаимопомощь, справедливость. У меня вообще сложилось впечатление, что в западных языках и не существовало слово «духовность». Например, в английском я встречал *spiritlessness* (бездуховность), но никогда *spiritness*. То же самое в немецком и французском языках. Думаю, что это не случайно. Повторяю: капитализм и духовность — вещи несовместные.

Идиотизм № 7. Известно, что наука во все времена поднимала общеобразовательную планку если не всего населения, то по крайней мере той его части, которая управляет государством. Как ни странно, с конца XX в. наука, за исключением некоторых прикладных дисциплин (космогония, бионика, некоторые разделы медицины, нанотехнология), резко сдала свои позиции, особенно в области общественных дисциплин. К такому выводу вынуждены приходиться и западные ученые, в частности англичанин Майкл Элэби, который в одной из своих работ в ответ на то, что мы живем в век науки, утверждал: «Во многих частях западного мира, особенно в Британии и США, идеи, которые доминируют в нашей культуре, не только не научны, они часто антинаучны».

Здесь не место разбирать причины данного явления. Важно то, что Россия в своей антинаучности далеко переплюнула Запад. Мне уже приходилось об этом неоднократно писать, но вот «свежие» подтверждения.

Недавно мой друг из Москвы прислал мне свою книгу, и меня поразило, что он поясняет некоторые сокращения. Вот они: АН СССР, ВВС, ВМС, КНДР, КНР, НАСА, ООН, РФ, СССР, США. В этой связи я спрашиваю его: «На кого рассчитана эта книга? Ведь даже чукчи знают, что такое НАСА. (У чукчи спрашивают: „Чья космонавтика самая лучшая в мире?“ „НАСА“, — отвечает чукча.) Тем более, что все эти сокращения идут в контексте. Неужели российская читающая публика докатилась до того, что не может расшифровать США? Я не исключаю, но все-таки...» И вот его ответ:

Напрасно ты поражаешься аббревиатурам и иронизируешь, вспоминая анекдот про чукчу. Вот тебе совсем не анекдот, а чистая быль. **Недавно один профессор международных от-**

ношений (между прочим, по национальности не чукча) опубликовал пространную статью о международном сотрудничестве в космосе, где упорно (то есть это не опечатка) вместо НАСА писал НАСО (до этого он все время писал о НАТО). Что же касается студентов, даже людей с высшим образованием и **получающих второе** (сейчас много тех, кто заплатил деньги и полагает, что за это диплом просто обязаны ему выдать), то уровень их ниже низкого. Что такое США, конечно, пока все знают, а уже КНДР — не каждый. Вот примеры из ответов **студентов одного из институтов, где готовят специалистов по международным отношениям**, на экзаменах: «союзником Германии Во второй мировой войне была Австро-Венгрия», «Талебран — древнеегипетский дипломат»... Поверить в это было трудно, но это из моего личного опыта.

Уровень образования не только катастрофически упал, его сознательно понижают с помощью реформ. Думающие люди не только не нужны, они вредны и опасны. В провинции, где, как я тебе говорил, последнее время часто бываю, создают собственные миры, изучая местную героическую историю и Закон Божий. Никого не интересует, что происходит в Москве.

Комментарии, думаю, излишни. Когда-то моя жена придумала слово «еслибизм», которое я активно внедрял в оборот. Оно означает, что «если мы сделаем то-то и то-то, тогда мы, наконец, покажем кузькину мать этому Западу». Видимо, время еслибизма прошло; сделать ничего не смогли. Ну и ладно. Переходим к эпохе «ничего-неделанья», которое обозначим нерусским словом «мундиализм». Хотя русские все равно переделают его в «мундизм». Это не просто слово — это явление, отражающее показное всемирное («мундиальное») величие России, базирующееся на трех китах: всеобщее религиозное мракобесие, массовая неграмотность и массовая паранойя. На самом деле все эти «киты» тесно взаимосвязаны, образуя, скорее, единое тело «мундиализма» (впрочем, наверное, все-таки «мундизма») с тремя головами.

Когда же настанет конец этому «мундизму»?

Илья Муромец, где ты? А-у-у!

1 августа 2006 г.